

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ
ТИПОЛОГИИ
РОДНОГО (РУССКОГО)
И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

976910

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ЛЕНИНГРАД
1981

Печатается по решению РИСа ЛГПИ им. А. И. Герцена

Настоящий сборник научных трудов посвящен проблемам сопоставительной типологии родного (русского) и иностранных языков. В статье рассматриваются отдельные вопросы сопоставительной морфологии, синтаксиса, фонетики и лексики. Сборник может быть использован при разработке и организации теоретического курса лекций по сравнительной типологии русского и иностранных языков, а также для самостоятельной работы по этому курсу.

Редакционная коллегия: доценты, кандидаты филологических наук Э. М. Гжаниянц, Л. Г. Кораблева (ответственный редактор),
Е. П. Чеснович

Рецензенты: кандидаты филологических наук З. А. Павлова (Челябинский пединститут), К. А. Гузеева (Ленинградский пединститут)

© Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. И. Герцена (ЛГПИ им. А. И. Герцена), 1981 г.

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ РОДНОГО (РУССКОГО) И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Межвузовский сборник научных трудов

Тематический план 1981 г., поз. 19, с. 163

Редакторы И. Л. Климович и Е. А. Федотова
Технический редактор К. П. Орлова

Сдано в набор 28.01.81 г. Подписано к печати 24.11.81 г. М-15 274.
Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 1000 экз.
Зак. 205. Цена 1 р. 27 к.

Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт имени А. И. Герцена.
191186, Ленинград, набережная реки Мойки, 48.

Типография № 2 Ленуприздата. 191104, Ленинград, Литейный пр., 55

С. П. АНОХИНА (Ленинград)

**НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ПОДЛЕЖАЩИМ — МЕСТОИМЕНИЕМ МАП
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИМ
НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Предложения с подлежащим *map* трактуются в германистике в первую очередь как неопределенно-личные предложения, так как местоимение *map*, «закрывающее в себе самое понятие неопределенного лица, является основным средством оформления неопределенно-личного высказывания» в современном немецком языке [1]. Но эти предложения могут иметь в ряде случаев и значение определенного лица, что объясняется семантической емкостью местоимения *map*, которое «может обозначать лиц, начиная с собственного «я» и кончая всем человечеством» [2].

В настоящей работе нас будут интересовать *map* — предложения как в своем основном значении, так и их употребление в значениях определенных лиц. При этом мы ограничиваемся их характеристикой в отношении категории лица [3] (в рамках статьи не представляется возможным описание других синтаксических характеристик исследуемых предложений) и их функциональным назначением. В плане сопоставления представляет известный интерес проследить структурные, семантические и функциональные признаки различия и сходства указанных *map*-предложений немецкого языка и соответствующих предложений русского языка, что является второй задачей настоящей статьи.

По отношению к категории лица НЛП с *map* подразделяются на две группы: 1) НЛП в значении неопределенного лица, которые определяются в работе как собственно НЛП, поскольку здесь наблюдается соответствие формы и значения — форма неопределенно-личного предложения имеет зна-

чение неопределенного лица; 2) НЛП в значении определенных лиц, которые определяются в работе как несобственно НЛП, поскольку по форме это неопределенно-личные предложения, а по выражаемому этой формой значению — определенно-личные.

Собственно НЛП — это такие предложения, в которых лицо — деятель не соотносится ни с одним из грамматических лиц уровня определенности, субъект действия в таких предложениях не соответствует ни одному из трех лиц участников/неучастников общения, например: *Man schickte ihn in ein Arbeitslager...* (Seghers. *Die Toten...*, 311); *Man hat ihn tags darauf eingesperrt* (Ebenda, 428).

В большинстве случаев неопределенное лицо является неопределенным для всех участников акта коммуникации. Однако следует отметить и такие случаи собственно НЛП, когда неопределенное лицо является неопределенным лишь для собеседника (воспринимающего сообщение), а не для говорящего (автора речи): это лицо, известное говорящему и определенное для него, но неизвестное слушающему и в силу этого неопределенное для него. Лицо — деятель таких предложений намеренно не называется говорящим либо потому, что оно не важно для сообщаемого действия, либо по имеющимся у говорящего причинам субъективного характера, например: *Man schreibt mir, daß er in letzter Zeit jede Nacht spielt...* (Kellermann. *Die Stadt...* 400); *Verstecken Sie mich, man sucht mich!* (W. Bredel. *Die Enkel*, 37).

Так как по форме данные предложения являются НЛП, по значению они являются для слушающего также НЛП, а для говорящего — личными предложениями, мы считаем возможным определить подобные предложения как переходные случаи от собственно НЛП к личным предложениям, поскольку здесь все-таки имеется момент неопределенности лица, хоть и не в такой мере, как в других собственно НЛП.

Функцией всех собственно НЛП выступает сообщение о конкретном, единичном факте действия без точного указания на действующее лицо.

Несобственно НЛП — это такие предложения, субъект действия в которых соответствует одному из трех лиц участников/неучастников общения. Несобственно НЛП употребляются в современном немецком языке в значениях всех трех грамматических лиц уровня определенности. Наблюдения над языковым материалом позволяют выделить в данном их употреблении два основных подтипа на основании критерия участников/неучастников акта коммуникации: 1) форма НЛП употребляется в значении 1-го и 2-го лица обоих чисел, т. е. в значениях лиц — участников акта коммуникации; это либо говорящий — 1-е л. ед. ч., либо адресат речи — 2-е л. ед. и мн. ч.,

либо говорящий и адресат речи — 1-е л. мн. ч., например: 1-е л. ед. ч. *Jetzt bietest du endlich an, was man bei früheren Besuchen vermißte* (Seghers. *Die Toten...* 324) (Ливен о себе); 2-е л. ед. ч. *Sondern man muß die Kaffeebohnen zählen...* (Ebenda, 56). (Гешке обращается к Марии); 1-е л. мн. ч. *Man kommt noch immer pünktlich zur Sitzung* (Ebenda, 11) (Клемм обращается к Ливену и имеет в виду его и себя); 2-е л. мн. ч. *Man hält mich wohl für einen Ankläger* (C. Wolf, 234) (Манфред беседует с Ритой и Вендландом и обращается к ним).

Во всех этих случаях происходит отстранение конкретного деятеля от производимого им действия. В этих предложениях сообщается о действии конкретного действующего лица, которое само занимает при этом как бы нейтральную позицию, не подчеркивая своего личного участия в действии. Поскольку здесь происходит отстранение конкретного деятеля от производимого им действия, то мы условно определяем данные несобственно НЛП как отстраненно-НЛП [4]. Несмотря на то, что в отстраненно-НЛП сообщается о действии хотя и конкретного, грамматически определенного лица, в них присутствует проекция обобщенного грамматического значения собственно НЛП — значение неопределенного лица, и проекция функции собственно НЛП, в силу общности структуры как несобственно, так и собственно НЛП.

Поскольку по форме данные предложения являются НЛП, а по значению — личными предложениями, причем конкретные действующие лица в них являются участниками акта коммуникации, т. е. идентификация определенного лица происходит для них без поддержки контекста, нам представляется возможным рассматривать данные предложения как первую переходную ступень от личных предложений к НЛП с *man*.

Вторым основным подтипом несобственно НЛП является их употребление в значении 3-го лица обоих чисел, т. е. для обозначения лиц — неучастников акта коммуникации, например: 3-е л. ед. еч. *...und die Liese war immer lustig, auch wenn man sie verprügelt hatte.* (Seghers. *Die Toten...* 326) (Лизу бил Вильгельм), *Den entgeht man auch hier nicht, dachte Lieven...* (Ebenda, 231) (Ливен о кузене); 3-е л. мн. ч. *...Man stellte Bekanntschaften und gemeinsame Wegstrecken fest...* (Ebenda, 357) (Ливен и директор ИГ — Фарбен) *Man sprach über die Beteiligung der Demokraten an der Wahl auf Seiten Catllinas* (B. Brecht, 88) (Клодиус, Александр и секретарь Цезаря).

В данных случаях определенное лицо, выполняющее действие, называется в широком предыдущем контексте, и действие соотносится именно с ним. Такое соотношение действия подобных несобственно НЛП с конкретным лицом — деятелем

позволяет, на наш взгляд, условно определить их как относительно-НЛП.

В относительно-НЛП еще сильнее, чем в отстраненно-НЛП, ощущается проекция функции и значения собственно НЛП, так как идентификация определенного деятеля в относительно-НЛП происходит при поддержке контекста. Более сильная проекция обобщенного грамматического значения и функции собственно НЛП в относительно-НЛП и больше сближает относительно-НЛП с собственно НЛП, поэтому мы рассматриваем относительно-НЛП как следующую ступень перехода от личных предложений к НЛП с *man*.

Несобственно НЛП могут употребляться в современном немецком языке не только в указанных значениях грамматических лиц уровня определенности, но и в значении вежливой формы обращения, например: *Was die Stiefel anbelangt, braucht man sie nicht ganz zu flicken. . .* (Seghers. *Die Toten. . .*, 300) (Кристиан обращается к священнику); *. . . den Namen wird man sich doch wohl merken können!* (Kant. *Die Aula*, 340) (молодая писательница обращается к коллеге). В данном случае говорящий избирает форму НЛП с целью выражения смягченного обращения к собеседнику, выражения ненавязчивого вопроса, совета, пожелания, с одной стороны (пример 1), и настойчивого пожелания, с другой стороны (пример 2).

Для всех несобственно НЛП наблюдаются случаи корреляции местоимения *man* с указанием на конкретное лицо или с обращением в одном и том же цельном предложении. Указание на конкретное лицо может предшествовать местоимению *man* и затем подхватываться им, например: 1-е л. ед. ч.: *. . . auf was ich bauen kann, wie man das alles vererben kann* (Seghers. *Die Toten. . .*, 264) (Кристиан о себе); 2-е л. ед. ч.: *Wieviel meinst du würde man brauchen. . .* (W. Bredel. *Die Väter*, 133) (Штюрк, обращаясь к Карлу Brentenu); 3-е л. ед. ч.: *Erst jetzt fiel ihr auf, daß man mit den meisten Menschen nicht in Ruhe reden konnte* (C. Wolf. *Der geteilte Himmel*, 108) (Рита); *Jetzt konnte er selbst diesem dummen Weib klarmachen, was man nicht gern der Post anvertraute* (Seghers, *Die Toten. . .* 42) (Вильгельм Надлер); 1-е л. мн. ч.: *Das haben wir ja nicht weit, da muß man noch etwas Benzin für den Transport verwenden* (Ebenda, 466); 2-е л. мн. ч.: *Antoinette, Maria — man muß einen Laib Brot zu Breton tragen. . .* (Kellermann. *Das Meer*, 411); 3-е л. мн. ч.: *Die Herren begrüßten sich kühl, doch man kam rasch ins Gespräch* (B. Brecht, 221); *Sie liefen einander in die Küchen, was man mit Apfelschalen, Blumenkohlblättern. . . anfangen könnte* (Seghers. *Die Toten*, 243). Местоимение *man* предшествует указанию на определенное лицо: 1-е л. ед. ч.: *. . . die Hälfte von dem, was man in den Zeitungen liest, ziehe ich sowieso*

аб. . . (W. Bredel. Die Enkel, 680) (Клазингз о себе); 2-е л. ед. ч.: *Man muß die Kurve kriegen, mein Junge. . .* (M. W. Schulz. Wir sind nicht Staub im Winde, 93); 3-е л. ед. ч.: *Man muß bei sich anfangen, dachte der Mann.* (Ebenda, 151); 1-е л. мн. ч.: *Man kann ihn fragen, ob er heut nacht mit uns gehen will. . .* (Seghers. Die Toten, 316). Для 2-го л. мн. ч. подобный случай корреляции отсутствует по нашему материалу; значительно реже встречается такая корреляция и для 3-го л. мн. ч., нежели корреляция первого типа: *Er freute sich, als man in einer Wirtschaft zu Mittag aß, zu dritt an einem Tisch* (Seghers. Die Toten. . ., 152) (Клемм, советник, Бекер).

В тех случаях, где указание на конкретное лицо предшествует местоимению *man*, больший акцент падает на сам факт совершения действия; деятель не называется еще и потому, что он уже назван в предыдущем элементарном предложении, которое возможно условно рассматривать как микроконтекст, и поэтому действие может быть безошибочно соотносено именно с этим деятелем. При условии рассмотрения элементарного предложения как микроконтекста, в котором указан определенный деятель, мы говорим о том, что подобные предложения сочетают в себе как свойства отстраненно-НЛП, так и свойства относительно-НЛП. Поэтому мы считаем возможным определить данные предложения как промежуточные между отстраненно-НЛП и относительно-НЛП.

В случаях, где местоимение *man* предшествует указанию на определенное лицо, речь может идти, вероятно, о стилистическом варьировании. Хотя несобственно НЛП и употребляются в значениях всех трех грамматических лиц уровня определенности, следует отметить различную их частотность для каждого лица: в современном немецком языке наблюдается тенденция к более частому употреблению относительно-НЛП по сравнению с отстраненно-НЛП; среди последних наименьшей частотностью характеризуется употребление НЛП в значении 2-го лица. Методом симптоматического количественного анализа было установлено следующее соотношение употребительности несобственно НЛП.

Подобная разница в употреблении между отстраненно-НЛП и относительно-НЛП объясняется, на наш взгляд, большим функциональным и семантическим сходством относительно-НЛП и собственно НЛП, нежели отстраненно-НЛП и собственно НЛП, тенденцией к более адекватному соотношению формы (НЛП) и значения, проявляющейся в большей частотности употребления тех несобственно НЛП, которые ближе всего стоят к собственно НЛП.

**Процентное соотношение употребления несобственно НЛП
в значениях отдельных лиц уровня определенности**

Всего	Единственное число		Множественное число
	2299	1-е л.	579 (25,1%)
2-е л.		50 (2,1%)	32 (1,3%)
3-е л.		633 (27,5)	644 (29%)

НЛП русского языка, соответствующие НЛП с тап немецкого языка, являются односоставные предложения с главным членом — глаголом в форме 3-го л. мн. ч. настоящего или будущего времени, а в прошедшем времени — мн. ч. Таким образом, сопоставляемые предложения немецкого и русского языков — два принципиально различных структурных типа простого предложения: синтаксически двусоставные в немецком языке и синтаксически односоставные в русском языке, т. е. в русском языке не имеется полной структурной параллели немецким предложениям с тап [5], что обусловлено системными закономерностями в области синтаксиса каждого из языков: характерной для немецкого языка общей тенденцией к двусоставности предложения, которая менее последовательно проводится в русском языке.

В русской лингвистической литературе выделяются как собственно НЛП, так и употребление НЛП в значениях определенных лиц [6]. Приведем примеры собственно НЛП: Где-то что-то громит, кого-то бьют, истязают... (А. Чаковский, № 11, с. 39), Если что-то случится, все равно найдут и отдадут ему (К. Симонов, № 18, с. 76); Она очень походила на тех женщин, которых показывали в кино председателями (В. Липатов, № 16, с. 15).

И среди собственно НЛП русского языка имеется группа предложений, по форме НЛП, обозначающих действия лица, известного говорящему, и определенного для него, но неизвестного слушающему и неопределенного для него [7], например: Мне вот тоже предлагали... в свое время (А. Чаковский, № 18, с. 108).

Таким образом, собственно НЛП немецкого и русского языков характеризуются совпадением значения (в обоих языках они обозначают неопределенного деятеля) и функциональным сходством: сообщение о конкретном, единичном факте действия без точного указания на действующее лицо. Основные черты различия между ними лежат в структурном

плане; наглядно черты сходства и различия между собственно НЛП обоих языков представлены в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставительная характеристика собственно НЛП немецкого и русского языков в плане структуры, семантики и функции

Структурный план	Немецкий язык	Русский язык
Двосоставность	+*	—
3-е л.	+	+
Ед. ч.	+	—
Семантический план	+	+
Функциональный план	+	+

Примечание*. Здесь и далее в таблицах + обозначает наличие признака, — его отсутствие.

Как отмечается в ряде работ, НЛП русского языка употребляются в значениях следующих определенных лиц [8]: 1-го л. ед. ч.:

Подойдите сюда, слышите, что вам говорят? (Это говорит Серпилин и имеет в виду себя.— С. А.) (К. Симонов, № 18, с. 9). Как указывается в Академической грамматике русского языка, подобное употребление НЛП характеризуется функцией «выражения настойчивого указания, просьбы, приказа. . .» [9].

1-е л. мн. ч.: — Не желает, чтобы на него тратили медикаменты, в которых остро нуждаются раненые (Вера говорит о себе и других работниках госпиталя.— С. А.) (А. Чаковский, № 3, с. 3); 3-е л. ед. ч.: Синцов понял, что его ударят, но не успел во-время перехватить руку (Мужчина, с которым Синцов встретился.— С. А.) (К. Симонов, № 17, с. 74).

Сопоставляя несобственно НЛП немецкого языка и несобственно НЛП русского языка, мы отмечаем ряд существенных различий, которые могут быть представлены следующими таблицами (табл. 3, 4).

Из таблицы 4 следует, что между несобственно НЛП немецкого и русского языков в различных значениях грамматических лиц уровня определенности имеются как существенные качественные различия (несобственно НЛП немецкого языка употребляются в значениях всех трех грамматических лиц уровня определенности в отличие от несобственно НЛП русского языка), так и количественные; последнее особенно характерно для несобственно НЛП в значении 3-го л. ед. ч., где в русском языке процент употребительности данных

Таблица 3

**Сопоставительная характеристика несобственно НЛП немецкого
и русского языков по структуре**

	Немецкий язык	Русский язык
Двусоставность	+*	—
3-е л.	+	+
Ед. ч.	+	—

Примечание *. См. примечание к таблице 2.

Таблица 4

**Сопоставительная характеристика семантического объема
несобственно НЛП немецкого и русского языков**

Всего		Единственное число			Множественное число		
		1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
2299	нем. яз.	+25,1%	+2,1%	+27,5%	+15%	+1,3%	+29%
228	рус. яз.	+21%	—	+62%	+17%	—	—

Примечание *. См. примечание к таблице 2.

предложений более чем в два раза выше, чем в немецком языке. Однако значительное количественное сходство наблюдается между несобственно НЛП обоих языков в значении 1-го л. ед. ч. и мн. ч.

Таблица 5

**Сопоставительная характеристика функций несобственно НЛП
немецкого и русского языков**

	Немецкий язык	Русский язык
1-е, 2-е лицо		
Отстранение деятеля	+*	+
Сообщение о действии конкретного деятеля без указания на него	+	—
Выражение настоятельного указания	—	+
3-е лицо		
Сообщение о действии конкретного деятеля без указания на него	+	+

Примечание *. См. примечание к таблице 2.

Данные таблицы 5 свидетельствуют о наличии существенных функциональных различий между несобственно НЛП немецкого и русского языков: отстраненно-НЛП немецкого языка в значении 1-го л. ед. ч. по нашему материалу не имеют функции, характерной для подобных НЛП русского языка, и наоборот; в остальном наблюдается функциональное сходство сопоставляемых предложений обоих языков.

Таким образом, в результате сопоставительного анализа собственно НЛП немецкого языка с собственно НЛП русского языка мы констатируем только структурные различия (два дифференциальных признака из трех, 67%; ср. данные табл. 2), совпадение их семантического объема и абсолютное функциональное сходство (ср. данные табл. 2). Следовательно, степень функционально-семантического сходства собственно НЛП обоих языков больше степени их структурного сходства.

При сопоставлении несобственно НЛП немецкого языка с несобственно НЛП русского языка мы констатируем ряд существенных различий между ними: сопоставляемые предложения характеризуются большим структурным различием (два дифференциальных признака из трех, 67%; ср. данные табл. 3); наблюдается несовпадение семантического объема несобственно НЛП немецкого и русского языков (три дифференциальных признака из шести, 50%; ср. данные табл. 4); довольно значительное функциональное расхождение (два дифференциальных признака из четырех, 50%; ср. данные табл. 5). Следовательно, сопоставляемые предложения характеризуются в большей мере структурным различием, чем сходством, и в одинаковой мере семантическим и функциональным различием и сходством. Вследствие отмеченных различий между несобственно НЛП немецкого и русского языков вполне закономерно предположить, что во многих случаях несобственно НЛП немецкого языка будут соответствовать другим предложениям русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цыганова И. А. Неопределенно-личные предложения. — В кн.: Федорова А. В. и др. Немецко-русские языковые параллели. М., 1961, с. 146; Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1971. S. 238; Der große Duden (Grammatik). L., 1962, S. 270.

[2] Der große Duden (Grammatik). L., 1962.

[3] Под категорией лица в настоящей работе понимается синтаксическая категория лица: ср. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. с. 542—545; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 158.

[4] Термин «отстраненно-НЛП» заимствован из работы: Юдин А. А. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в современном русском языке. — В сб.: Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1954, т. 75,

вып. 4, с. 112, где он применяется при классификации и определении по добных НЛП русского языка.

[5] Кодухов В. И. О двух основных аспектах предложения. — В сб. Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков Л., 1975, с. 37.

[6] Грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1954, т. II, ч. 2, с. 7
Юдин А. А. Указ. раб., с. 111—112; Сятковский С. И. Неопределенно-личные предложения в русском и польском языках. Автореф. канд. дисс. М., 1966, с. 10.

[7] Юдин А. А. Указ. раб., с. 112.

[8] Грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1954, т. II, ч. 2, с. 7;
Юдин А. А. Указ. раб., с. 111—112; Сятковский С. И. Указ. раб. с. 10.

[9] Грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1954, т. II, ч. 2, с. 7;
Юдин А. А. Указ. раб., с. 111—112; Сятковский С. И. Указ. раб., с. 10.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А. Чаковский — А. Б. Чаковский. Блокада. — Роман-газета, 1969, № 11, 1970, № 18, 1976, № 3.

К. Симонов — Симонов К. Последнее лето. — Роман-газета, 1971, № 17, 18.

В. Липатов — В. В. Липатов. Деревенский детектив. — Роман-газета, 1968, № 16.

Seghers. Die Toten — A. Seghers. Die Toten bleiben jung. Berlin, 1956.

Kellermann. Die Stadt — B. Kellermann. Die Stadt Anatol. Berlin, 1956.

Kellermann. Das Meer — B. Kellermann. Das Meer. Berlin, 1958

W. Bredel. Die Enkel — W. Bredel. Die Enkel. Berlin, 1955.

W. Bredel. Die Väter — W. Bredel. Die Väter. Moskau, 1950.

C. Wolf — C. Wolf. Der geteilte Himmel. Halle (Saale); 1965.

B. Brecht — B. Brecht. Die Geschäfte des Herrn Julius Caesar. Berlin, 1963.

Kant. Die Aula — H. Kant. Die Aula. Berlin, 1970.

Schulz — M. W. Schulz. Wir sind nicht Staub im Wind. Halle (Saale), 1966.

Л. Н. БЕЛЯЕВА, Г. М. ПЕРЦОВАЯ, Л. А. ТУРЫГИНА
(Ленинград)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЭЛЕМЕНТНЫХ КОМПЛЕКСОВ

(На материале английских, немецких и русских
научно-технических текстов)

Вопрос о статусе многоэлементных комплексов относится к числу нерешенных в лингвистике. По каким правилам происходит объединение двух, трех и более слов в единый комплекс, является ли он жестким; застывшим образованием,

или же это «временный союз» входящих в него лингвистических единиц — вот те вопросы, на которые мы искали ответы.

При обследовании научно-технических текстов по радиоэлектронике и судовой автоматике на английском и немецком языках были выделены многоэлементные комплексы ИМКІ, относящиеся главным образом к терминологической лексике. Статистическое исследование МК затруднялось неустойчивой связью между отдельными элементами комплексов и легкостью, с которой они перегруппировывались в словосочетания с предлогами. Например, такие МК, как *ship machinery monitoring system developments* (отладка систем управления судовыми механизмами), *system evaluation methods* (методы оценки функционирования системы), *sea water suction valve construction* (конструкция всасывающих клапанов) перегруппировывались в словосочетания: *monitoring system developments for ship machinery or developments of ship machinery monitoring systems; methods of evaluation of systems of ship machinery monitoring; construction of the sea water suction valve or construction of valves for sea water suction etc.* в пределах одного и того же текста. Аналогичная картина наблюдалась в немецком языке, в котором сложные слова, состоящие из большого количества слов, легко разлагаются на составные элементы и перегруппировываются. Например: *die Grenzwertüberschreitungen* (превышение допустимых пределов нагрузки), *oder die Überschreitungen von Grenzwerten; Dampfturbinen*, (автоматические устройства для дистанционного управления паровыми турбинами) перегруппировывались в *die Überschreitungen von Grenzwerten und die Automatik für Fernsteuerung der Dampfturbinen*.

При упорядочении лексического материала необходимо обратиться к теории языка и уточнить некоторые исходные понятия. Прежде всего следует решить вопрос, к какому плану относятся рассматриваемые комплексы — к плану языка или речи. В качестве рабочего определения мы принимаем трактовку речи как «продукта», т. е. текста, а языка как «техники и материала для новых свободных актов» [1]. Поскольку специфика языка проявляется в его структуре, функционировании единиц различных уровней и в особенности организации высказывания, то изучить язык и его особенности можно только через посредство изучения качеств речи [2].

Рассматриваемые в работе многоэлементные комплексы состоят из слов и их сочетаний. Под *словом* понимается основная двухплановая единица языка, являющаяся предельной составляющей предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отраже-

нием данного «участка» действительности и направляться на эту последнюю [3]. Под *значением* слова понимается отражение «двуединой» объективной реальности: во-первых, объективной реальности внешнего материального и социального мира и, во-вторых, реальности «родного языка», причем между ними существует определенное диалектическое взаимодействие [4].

Значение слова раскрывают парадигматические связи, существующие в языке, и синтагматические связи, существующие в речи. Они не могут рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку слово, являясь членом определенной лексико-семантической парадигмы, может выступать лишь в определенных синтагматических связях. С другой стороны, весь комплекс синтагматических отношений слова обуславливает его принадлежность к данной парадигме. Непосредственным наблюдателям открывается синтагматический ряд (речь), а не парадигматический ряд (язык). Мы начинаем с конкретных данных синтагматики, а затем переходим к абстрактным явлениям парадигматики, учитывая при этом обе стороны.

Для выяснения значений слова в речи необходим контекст. Роль его заключается в том, что он предопределяет значение, а не показывает его (в противном случае можно дойти до довольно распространенного заблуждения, что слово не имеет собственного значения вне контекста). Для того, чтобы решить вопрос, обладает ли слово значением само по себе, или же его значение полностью зависит от контекста, следует определить, что именно нужно считать первичным в семаснологическом анализе — парадигматические или синтагматические отношения слова (например, определяется ли значение слова *to utilize* тем, что оно находится в парадигматических отношениях с синонимами *to use*, *to employ*, *to apply*, *to exploit*). Мы имеем в виду так называемые «классы условной эквивалентности», а не абсолютные синонимы, т. е. оттенки значения каждого из этих слов выделяются благодаря противопоставлению по отдельным элементам значения — семам [5]. Значение слова определяется также парадигматическими отношениями с антонимами *to reject*, *to refuse*, *to decline*, *to discard*, *to repulse*, по отношению к которым противопоставление происходит по самому общему и существенному для их значения признаку — полярности точек лексико-семантической парадигмы; или же значение слова *to utilize* определяется его сочетаемостью с определенными существительными, наречиями и т. д.

Элементами МК, рассматриваемых в настоящей работе, являются главным образом полнозначные слова, проявляю-

щие способность вступать в соединение друг с другом на основе лексической и семантической валентности, а также основных отношений агенса, пациенса и инструмента действия [6]. Словосочетания можно рассматривать как контексты слова, определяющие его значение в данном речупотреблении. Иными словами, в контексте реализуются закрепленные в языке регулярные синтагматические связи слова, обуславливающие его семантическую структуру.

Словосочетание складывается не менее, чем из двух знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них, что зависит от типологии языка), и представляет собой грамматическое единство, обладающее определенной семантической целостностью. Словосочетание имеет некоторые свойства слова, а именно, функционирует как единица номинации и входит в состав предложения как один из его членов. Однако несмотря на некоторую самостоятельность словосочетание является лишь синтаксическим объединением слов, степень цельнооформленности которого варьируется в различных языках. Как мы уже отмечали, тенденция к цельнооформленности в большей степени проявляется в немецком языке. Например, теоретически возможно сколь угодно длительное «наращивание» сложных слов. Как курьез приведем такой пример: die Kesselsteinverhinderungsmittelerzeugungsgesellschaftsversammlung (собрание, проводимое фирмами, занимающимися изготовлением котельной накипи). Это очень длинное слово возможно объединить с другим, также очень длинным словом: der Tagesordnungsveränderungsabschlag (отказ изменить повестку дня). Полученное сложное слово der Kesselsteinverhinderungsmittelerzeugungsgesellschaftsversammlungstagesordnungsveränderungsabschlag переводится как «отказ изменить повестку дня собрания, проводимого фирмами, занимающимися изготовлением растворителей котельной накипи».

Как известно, составные компоненты языковых единиц определяют их парадигматические и синтагматические отношения. В этом плане нас интересуют в основном деривационные связи элементов комплексов и валентностные отношения между ними. Будем различать внутреннюю валентность элементов МК, т. е. их иерархическую зависимость (одни элементы комплексов являются доминирующими, независимыми, а другие — подчиненными) и внешнюю валентность, т. е. синтаксические позиции, в которых находятся элементы МК.

В этом случае МК представляют собой структуры, в которых каждый элемент зависит от других, и в которых возможно определить направление этой зависимости. В соответствии с этим в МК выделяется максимально независимый

(как семантически, так и синтаксически) ядерный компонент и зависимые элементы, выступающие в функции определения к ядерному. Направление зависимости в МК определяется от ядерного компонента к зависимому, все переменные лексико-грамматические признаки которого зависят от соответствующих характеристик ядерного. Кроме того, семантические характеристики ядерного компонента выступают в роли минимального контекста, в котором уточняется семантика зависимых компонентов. Однако семантическая зависимость в отличие от синтаксической может рассматриваться как двунаправленная, так как семантика зависимого компонента в свою очередь выдвигает на первый план наиболее существенные в его контексте семантические признаки ядерного компонента. Таким образом, объединение слов в комплексы происходит в соответствии с их семантическим согласованием, основой которого является смысловое тяготение их элементов.

При решении задачи выявления правил, по которым происходит объединение слов в МК, полезно обратиться к компонентному анализу значений слов. В составе слова существует два основных вида сем: 1) постоянные, входящие во все его лексико-семантические варианты, и 2) потенциальные, реализуемые в определенных ситуациях.

Семы словосочетаний при реализации значения слова в ситуации имеют способность вступать в комбинации или организовывать совокупность в определенной иерархии. Находясь на пересечении двух планов — синтагматики и парадигматики, постоянной и наивысшей семой в общей иерархии сем слова остается сема соответствующей части речи [7]. Так, каждое существительное, независимо от его конкретного значения, от принадлежности к тому или иному классу (одушевленных/неодушевленных, конкретных/абстрактных существительных и т. д.) содержит постоянную сему — сему предметности [8].

При решении вопроса о семантической приемлемости синтагматических комбинаций слов возможно опираться на принцип совместимости семантических комбинаций слов, находящихся в синтагматических отношениях. Так, сочетания с глаголами «летать», «парить», «порхать» могут иметь только такие существительные, которые в пучке семантических компонентов имеют одну сему «способность летать». Естественно, это будут в первую очередь птицы, насекомые и летающие объекты. Компонентная методика дает хорошие результаты при анализе синонимии и омонимии, а также других отношений слов, в которых возможно объединение слов по общим признакам, например, при группировании слов

в классы «условной эквивалентности, семантические поля» и др.

В словосочетаниях четко прослеживается иерархия сем с точки зрения валентности и ее зависимость от синтаксической функции МК в предложении. Так, в предложении: *The boiler safety system works in conjunction with other electronic equipments such as combustion control, burner management and flame guard systems* подлежащим является МК the boiler safety system. Основным элементом этого МК выступает слово «система». И в языке оригинала, и в русском языке при переводе этого МК («система обеспечения безопасности эксплуатации котлов») в слове «система» выявляется сема высшей ступени обобщенности — категориальная сема предметности, являющаяся в данном случае признаком имени существительного. Второй выделенный в нашем примере МК выполняет синтаксическую функцию дополнения. Слово «системы» («системы противопожарных устройств») является ведущим; в нем также на первый план выдвигается категориальная сема предметности.

Многоэлементные комплексы, взятые вне широкого контекста предложения, сохраняют относительную целостность, являясь образованием, допускающим перекомпоновку сем. Так, в первом примере, который на русский язык переводится как «система обеспечения безопасности эксплуатации котлов», «семантическим стержнем», на котором держится комплекс, является сема действия — «система обеспечивает безопасность эксплуатации котлов». В английском МК эта сема действия подразумевается.

Приведем несколько примеров МК, вычлененных из состава предложений: 1) *alarm release push button*; 2) *engine control room*; 3) *oil leaks elimination*; 4) *engine lubricating oil system*. В первом примере («кнопка сигнала тревоги») в английском языке на первый план выдвигается сема действия в слове *release* (пучок значений этого слова содержит глагольную сему «вводить в действие; отпускать, спускать, размыкать» и т. д.). В русском переводном эквиваленте «кнопка сигнала тревоги» сема действия подразумевается; в другом же варианте перевода она выражается: «кнопка, приводящая в действие сигнализацию тревоги». Во втором примере — «пост управления двигателем» в слове «управления» (*control*) сема действия высвечивается за счет затухания семы предметности. То же самое можно сказать и в отношении третьего примера — «устранение утечки масла». Семы действия проявляются в словах «устранение» и «утечка». В четвертом примере — «система обеспечения смазки двигателя (система подачи масла)» семы действия проявляются

только в русских переводных эквивалентах, а в английском варианте подразумеваются.

Тот факт, что в МК, рассматриваемых в контексте предложения, выдвигается на первый план сема, диктуемая ролью МК в предложении, а в рассматриваемых вне предложения МК, не связанных общим замыслом высказывания, допускается перекомпоновка сем, свидетельствует об особом уровне МК. Очевидно, это уровень, находящийся между словом и синтагмой [9], [10].

Структура МК в различных языках различна как с точки зрения самого общего структурного признака — длины МК (см. табл. 1), так и с точки зрения их синтаксических характеристик. Так, например, 329 различным структурам английских МК, которые были выделены в результате анализа более 16 000 МК, соответствуют 142 русские структуры МК.

Сопоставительный анализ частотности русских и английских структур в проанализированном массиве (см. табл. 2 и 3) также показывает, что меньшее количество русских структур занимает больший объем массива именных групп. Первые 5 наиболее частых русских структур покрывают 72,20% массива МК, а первые 5 английских МК — 60,74%. При этом следует отметить, что 3 наиболее частотные структуры русских и английских МК покрывают массив МК на 58,35% и 54,32% соответственно (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение длин английских и русских МК

Длина	Английские	МК	Русские МК	
	общее количество	в %	общее количество	в %
Двусловные	11369	69,48	10543	64,41
Трехсловные	3990	24,38	3622	22,13
Четырехсловные	812	4,50	1361	8,32
Пятисловные	164	1,00	492	3,02
Шестисловные	31	0,18	348	2,13
Итого	16366	100,00	16366	100,00

В английском языке МК ближе стоят к синтагме, а в немецком — в большей степени тяготеют к уровню слова. Технические словари фиксируют немецкие сложные слова-термины, состоящие из нескольких слов, как один термин, а соответствующие английские словари приводят чаще всего отдельные элементы МК, из которых в тексте составляются МК. Например, die Grenzwertüberschreitung (превышение

Фрагмент частотного списка структур английских МК

Ранг	Тип МК	Частота МК	Накопленная частота	В % ко всему массиву МК
1	TN *	2253	2253	23,07
2	AN	1584	3837	39,29
3	N ₁ N ₂	1368	5205	54,32
4	AN ₁ N ₂	485	5690	58,26
5	HN	241	5931	60,74
6	M/SN	215	6146	62,93
7	EN	208	6354	65,06
8	N/AN	199	6553	67,09
9	SN	195	6748	69,09
10	N ₁ N ₂ N ₃	173	6921	70,87

Примечание *. Условные обозначения, принятые в таблице: N — существительное, T — артикль, A — прилагательное, H — числительное, S — определитель типа «that», E — причастие II, M — притяжательное местоимение.

граничного значения или в другом варианте: отклонение контролируемой величины от верхней нормы), der Impulsbreiten — Impulshöhenwandler (Impulsbreiten — Amplitudenumsatzer) — (широотно-амплитудный преобразователь импульсов), der Grenzwertsignalgeber (Grenzsignalgeber) — (датчик сигналов отклонения контролируемой величины) и др.

Таблица 3

Фрагмент частотного списка структур русских МК

Ранг	Тип МК	Частота МК	Накопленная частота	В % ко всему массиву МК
1	N *	2344	2344	24,00
2	A+N	1895	4239	43,41
3	N ₁ +N ₂ род. п.	1465	5704	58,35
4	S+N	723	6427	65,19
5	A+N ₁ +N ₂ род. п.	624	7051	72,20
6	M	280	7331	75,06
7	H+N род. п.	242	7573	77,54
8	A ₁ +A ₂ +N	221	7794	79,71
9	M+N	212	8006	81,98
10	N ₃ +N ₂ +N ₁ род. п.	201	8207	84,04

Примечание *. См. примечание к таблице 2.

В англо-русском словаре приводятся термины value, limit, deviation, impulse, amplifier etc. В текстах встречаются МК, составленные из этих элементов, например, value limit

deviation, value limit overpassing, impulse transformer, impulse amplitude limit. Можно предположить, что стремление к цельнооформленности терминологических МК отражает и общую тенденцию подъязыков науки к выражению понятий наиболее экономными средствами. Так, можно проследить путь становления терминологического словосочетания или термина от развернутой дефиниции до МК. Например, название прибора для контроля за работой судового двигателя и фиксации возможного задира на поршнях, о чем подается соответствующий сигнал, а при превышении критической величины происходит автоматическое отключение двигателя прошло этот путь и известно сейчас как *scuffing monitor* (в этой форме оно заимствовано и немецким языком *Scuffing-Monitor*). В русском языке в соответствующих технических текстах приводится длинное описание назначения и работы прибора. В устной речи профессионалов прибор называется «скаффинг-монитор» с ударением на последнем слоге; слово это склоняется по нормам русского языка.

В целом наблюдения над семантикой МК позволяют сделать вывод о зависимости коннотативного или денотативного значения существительного от синтаксической структуры МК. Эта зависимость реализуется по-разному при наличии других сопровождающих транспозицию моментов, а именно, в различных группировках компонентов по-разному представлен признаковый тип (или тип состояния) и номинация. В одних случаях значение признака или состояния занимает ведущее место в семантической структуре слова, а в других оно уступает место значению предметности. В первом случае на первый план выступает синтаксическая деривация, а во втором — денотативное основание (определители — определяемые).

Прослеженные нами закономерности показывают, что структура МК складывается из следующих категориальных элементов: субстанции, признака или действия, но соотношение между ними варьируется в зависимости от конкретной ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Косерну Э. Синхрония, диахрония и история. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3, с. 163.

[2] Звегинцев В. А. Функционально-структурные основы лингвистического описания. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3, с. 351.

[3] Ахманова О. А. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 422.

[4] Ахманова О. А. Указ. раб., с. 423.

[5] Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение, обозначение. М. — Л., 1965.

[6] Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Перевод с английского. М., 1943, с. 72—73.

[7] Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978, с. 14, 17.

[8] Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 73—75.

[9] Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1965, вып. 4, с. 434.

[10] Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976, с. 46—47.

Э. М. ГЖАНЫЦ, А. Г. ГУРОЧКИНА (Ленинград)

ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса стала предметом изучения сравнительно недавно. В лингвистической литературе до сих пор еще нет полного, однозначного определения данного явления. Наибольшее распространение получила точка зрения Ю. В. Ванникова, который определяет парцелляцию как «реализацию единой формально-структурной синтаксической единицы языка — предложения — не в одной, а в нескольких коммуникативных единицах речи — фразах» [1].

Последние годы свидетельствуют о возросшем внимании советских лингвистов к явлению парцелляции как на материале современного русского языка, так и английского, немецкого и французского языков.

Советские грамматисты рассматривают парцелляцию как стилистически отмеченное явление, не выходящее за пределы уровня нормы. В противовес советским ученым зарубежные языковеды трактуют парцелляцию как ненормативное явление [2]. Однако признание парцелляции ненормативным явлением не соответствует действительности. Как показал фактический языковой материал, парцелляция — это реально существующий прием экспрессивного синтаксиса, используемый писателями самых разных направлений.

Анализируя языковой материал современной художественной литературы и публицистики, отечественные исследователи усматривают в парцелляции языковую универсалию и на материале различных языков ставят и разрешают частные вопросы проблемы.

Парцелляция, как отмечают синтаксисты, основана на разрыве синтаксической связи между компонентами и выра-

жается в полном вычленении того или иного элемента предложения в самостоятельную позицию с сохранением тех же отношений и структурно-смысловых связей между частями предложения, что и в непарцеллированной структуре. Фиксатором внешнего членения синтаксической структуры является, как правило, точка, которая фактически не обозначает границу предложения, а лишь фиксирует членение структуры. При парцелляции предложение делится на основную, базовую часть и отчлененную часть, парцеллят. Парцеллят независимо от точки представляет собой член базовой структуры, сохраняющий с ней связь [3] и обладающий признаком постоянства позиции, а именно, парцеллят, как правило, находится в постпозиции к базовой структуре.

Парцелляции могут подвергаться предложения любой грамматической структуры. Однако возможности парцелляции не безграничны. Они обусловлены спецификой синтаксического строя данного языка [4]. С точки зрения применения парцелляции как синтаксического процесса парцеллированные конструкции делятся на два класса:

1) конструкции, парцелляция которых структурно отмечена (структурно-отмеченная парцелляция);

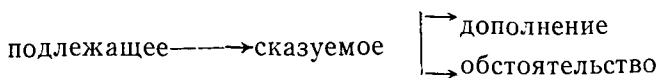
2) конструкции, парцелляция которых структурно затруднена (структурно-затрудненная парцелляция) [5].

В лингвистической литературе по парцелляции получили определение некоторые общие условия, способствующие парцелляции. Ими являются наличие в составе предложения открытого ряда и наличие обособления [6]. Другими условиями, предопределяющими и облегчающими парцелляцию, считаются сочинительная связь [7], цепь однородных единиц, а также морфологическое несовпадение однородных членов и двойственное значение союза [8]. Однако исследованные парцеллированные конструкции показывают, что эти характеристики не являются исчерпывающими для установления условий, способствующих парцелляции или затрудняющих ее. Рассмотренный материал показывает, что парцелляции подвергаются прежде всего экстенциональные связи элементов синтаксической структуры. Речевой разрыв однородных членов предложения представляет собой самый распространенный случай парцелляции и используется в основном как нейтральный в стилистическом отношении специфический речевой прием при реализации длинных многочленных структур.

Объектом исследования настоящей работы является сравнительно-сопоставительный анализ парцелляции элементов интенциональной структуры предложения на материале английского и русского языков, которая представляет собой

более редкое и менее разнообразное явление, чем парцелляция элементов экстенциональной структуры.

Простейшим образцом интенциональной структуры является цепочка:

Иными словами, речевому разрыву могут подвергаться следующие звенья интенциональной структуры:

- звено (подлежащее — сказуемое),
- звено (сказуемое — дополнение),
- звено (сказуемое — обстоятельство).

Материал исследования показал, что парцелляция структурного звена сказуемое — обстоятельство имеет одинаково широкое распространение в современном английском и русском языках. При этом парцелированные обстоятельства в рассматриваемых языках обнаруживают как сходство, так и различия, обусловленные спецификой грамматического строя каждого из языков.

Чаще всего парцелированные обстоятельства в английских текстах представлены сочетанием «предлог + существительное», в русских — предложными или беспредложными формами косвенных падежей существительных, например:

I teach at high school. *In Laurel* (T. Williams. A Street Car Named Desire). Her problem was solved. *Without any talk* (J. Cary. Not Honour More).

Переехали. *Из Багдада в Кутаис* (В. Маяковский. Я сам) [9]. В замке повернулся ключ. *Два раза*. (Грамматика).

Довольно часто парцелированные обстоятельства в обоих языках выражены наречием:

In the silence he began humming once again. *Happily* (A. Haily. Airport).

Мы сами и заявили. *Сразу* (А. Рекемчук. Все впереди); или инфинитивом:

I drank more than ever. *To keep up my self-respect* (J. Cary. Not Honour More). I played *Boadicca* once... *To amuse the fellows* (G. Greene. The Comedians).

Царь приехал. *Запасных провозать* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Однако наряду с одинаковым морфологическим выражением парцелированных обстоятельств в исследуемых языках наблюдаются и различия, обусловленные спецификой грамматического строя данных языков. Так, помимо указан-

ных морфологических групп, парцеллированные обстоятельства в современном английском языке могут быть выражены: одиночным причастием —

Then we waited in the dark. *Listening* (J. Capote. In *Cold Blood*);

причастным или герундиальным оборотом —

Cokey took it from me and filled it. *But without looking* (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

Парцеллированные обстоятельства в русском языке в отличие от английского могут быть выражены одиночными деепричастиями или деепричастными оборотами —

И Алексей приник к ее упругим, но мягким волосам. *Не смыкая глаз* (А. Рекемчук. *Все впереди*).

Наиболее простыми по построению являются высказывания, в которых реализуется структура с одним обстоятельством к сказуемому. Например:

The Black Pearl is rattling down. *Fast*. (D. Lawrence. *Studies in classic American Literature*).

Могу овладеть темой. *Вплотную* (В. Маяковский. *Я сам*). При этом в английских парцеллированных синтаксических структурах парцеллят-обстоятельство, как правило, размещается в конце двухфразового высказывания как и при нейтральном речевом воплощении. В русском же языке при построении даже таких простейших высказываний довольно часто наблюдается существенная перестройка всей конструкции. Дело в том, что поскольку в русском языке порядок слов свободный, то при нейтральном речевом воплощении обстоятельство может занимать любую позицию в высказывании. Однако в тех случаях, когда обстоятельства при нейтральном речевом воплощении должны были бы находиться в начале высказывания или перед сказуемым, при парцелляции оказываются обычно в конце. Например:

Только за руль я больше не сяду. *Никогда* (А. Рекемчук. *Все впереди*).

Таким образом, парцелляция в русском языке часто связана с инверсивной перестройкой фразы, что в свою очередь создает ее структурное напряжение. В английском языке такое напряжение создается не инверсивной перестройкой, а повторением парцеллята, при этом парцеллят повтор может относиться либо к тому же синтаксическому разряду, что и первый парцеллят, либо к другому разряду. Например:

The knife rose and fell. *Once. Twice. Three times* (Abrahams. P. *The Path of Thunder*). I played Boadicca once. *In a skit. To amuse the fellows* (G. Greene. *The Comedians*).

Характерной особенностью высказываний с парцелляцией структурного звена сказуемое — обстоятельство, как в русском, так и в английском языке является употребление сочинительных союзов в парцеллирующей фразе. Сочинительные союзы выражают при этом следующие дополнительные отношения между частями высказывания:

соединительные —

It's even likely that I'll be able to do smth. for you. *And* very quickly too (I. Singer. The Family Moskat).

Надо пересчитать. *И* быстро (Я. Голованов. Кузнецы грома);

противительные —

Cokey took it from me and filled it. *But* without looking (J. Cary. The Horse's Mouth).

И он первым опускает глаза. *Но* ненадолго (А. Рекемчук. Берега);

сравнения —

The whole thing still seems so wildly improbable. *Like* a detective story (A. Christie. A Pocket Full of Rye).

Ты бы еще на аршин мерила. *Как* купец при царе (С. Антонов. Поддубенские частушки).

Самую распространенную группу парцеллированных обстоятельств в обоих исследуемых языках составляют обстоятельства образа действия. Для определения синтаксической функции парцеллята использовалась трансформация депарцелляции, т. е. инкорпорирование парцеллята в состав базовой части, поскольку правомерной представляется точка зрения, что между базовой частью и парцеллятом «сохраняются те же отношения и те же формы связи, что и между частями соответствующей непарцеллированной конструкции» [10].

Обстоятельства образа действия могут быть выражены: а) наречием —

The Black Pearl is rotting down. *Fast* (D'Lawrence. Studies in Classic American Literature).

Отовсюду лезет, прет жизнь. *Бесстыдно, жадно, весело* (Я. Голованов. Кузнецы грома);

б) предложно-именными сочетаниями —

I watch these scenes of parting. *Without emotion* (D. Lesing. The Golden Notebook).

Он давно хочет со мной поговорить. *Но без свидетелей* (Ю. Бондарев. Двое);

в) неразложимыми сочетаниями слов —

She's just come to teach at school. *On supply* (W. Cooper. The Struggles of Albert Woods).

Шел он тоже по самой середине дороги. *Тот же, как видно, не торопясь* (А. Рекемчук. Время летних отпусков).

Кроме того, парцеллированные обстоятельства образа действия в английском языке в отличие от русского могут быть выражены причастиями. Например:

And she went out. But not *flouncing* (J. Cary. Not Honour More).

А в русском языке в отличие от английского деепричастиями:

Она плакала долго. *Не открывая глаз* (А. Рекемчук. Время летних отпусков),

или формами косвенных падежей существительных:

Уполномоченный пишет. *Левой рукой* (А. Рекемчук. Все впереди).

Следующую по частоте встречаемости группу в обоих языках представляют парцеллированные обстоятельства сравнения, которые вводятся в английском языке словами *as, like*, в русском — союзом *как*. Например:

He takes everything personal. *Like God* (M. Puzo. The Godfather). I was pretty good at enjoying myself. *As good as any baby* (J. Cary. Not Honour More).

Наташка ни за что бы не бросила ученья. Она себе поставила трудную цель: стать ученой женщиной. *Как Софья Ковалевская и Мария Кюри* (В. Панова. Евдокия).

Чаще всего обстоятельства сравнения выражаются именными или предложно-именными сочетаниями, а в английском языке еще и причастными или герундиальными оборотами. Например:

It's wonderful, really. *Like going to a new country* (P. Shaffer. Five Finger Exercise). It is smth. else-more deep in him — trying to explode. *Like the beginning of an earthquake or so* (P. Shaffer. Five Finger Exercise).

Третье место по частотности употребления принадлежит парцеллированным обстоятельствам места. Чаще всего они выражаются предложно-именными сочетаниями, значительно реже — наречиями. Например:

All summer you could hear him. *In the yard. In the garden* (T. Capote. Breakfast at Tiffany's). Yeah, I get them. *Someplace* (A. Miller. Death of a Salesman).

Я приехал отдохнуть. *На природу* (В. Шукшин. Штрихи к портрету). Все — дух. *Везде* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Следующее место по представленности в текстах занимают парцеллированные обстоятельства времени, которые, как правило, выражаются предложно-именными и количественно-именными сочетаниями. Гораздо реже парцеллированные обстоятельства времени представлены наречиями. Например:

Me and the kids, we're giving him three gold teeth. *For Christmas* (Т. Сапоте. In Cold Blood). Last night someone killed Southern. *Between ten o'clock and midnight* (М. Гилберт. The Crack in the Teacup). He would have to find somebody else. *And soon* (М. Пузо. The Godfather).

Подожду. *Один месяц* (А. Рекемчук. Время летних отпусков). Кольцо это мне папа подарил. *Давно* (Л. Беляева. Семь лет не в счет).

Приблизительно одинаково по частоте встречаемости как в английском, так и в русском языке представлены парцелированные обстоятельства цели и причины. При этом парцелированные обстоятельства цели выражаются чаще инфинитивом, несколько реже — предложно-именными сочетаниями, парцелированные обстоятельства причины — исключительно предложно-именными сочетаниями. Например:

I drank more than ever. *To keep my self-respect* (J. Cary. Not Honour More).

Ох, приехать бы сюда когда-нибудь запросто. *Пошиковать* (П. Нилин. Жестокость).

And I was setting the dining-room table. *For a buffet* (Т. Сапоте. In Cold Blood).

Я дедушке все это рассказал. *Для поддержки* (К. Сапожков. Утром).

I reverse the order. *For Bryan's sake* (E. Hemingway. Fiesta).

Не стоит портить друг другу жизнь. *Из-за пустяка* (Ю. Бондарев. Двое).

Наконец, самую малочисленную группу среди рассматриваемых конструкций представляют конструкции с парцелляцией обстоятельства меры, которые выражаются предложно-именными и количественно-именными сочетаниями. Например:

At this he cheered up again. *About half-way* (J. Cary. Not Honour More). My son drinks. *A lot* (P. Shaffer. Five finger Exercise).

Но вина смотри не пей. *Ни капли* (П. Нилин. Испытательный срок).

Таким образом, как показал материал исследования, парцелированные обстоятельства имеют одинаково относительно широкое распространение в английском и русском языках. Довольно высокая встречаемость парцелированных обстоятельств в текстах объясняется слабой степенью семантико-синтаксической спаянности между ведущим элементом базовой части и парцеллятом. Поэтому, когда их коммуникативная значимость возрастает, они легко автономизируются

в речи и презентруются в виде самостоятельных интонационно-смысловых единств [11].

При сопоставлении парцелированных обстоятельств в английском и русском языках, учитывая следующие признаки, имеющие существенное типологическое значение: морфологический состав парцелированных обстоятельств, их синтаксический разряд, частоту использования в текстах, средства, актуализирующие связь базовой части и парцеллянта, удалось установить, что английский и русский языки обнаруживают большое сходство в отношении перечисленных аспектов реализующихся в высказываниях с парцелляцией обстоятельств; обнаруженные различия немногочисленны и обусловлены спецификой грамматического строя исследуемых языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ванников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1965, с. 1.

[2] Ball J. K. Constructive English. Boston, 1923, p. 145; Lodge H., Grett C. New Ways in English. N. Y., 1968, p. 370; Roberts P. English Sentences. N. Y., 1962, p. 102.

[3] См.: Структурный синтаксис английского языка. Л., 1972, с. 68.

[4] См.: Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции. — В кн.: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968, с. 281.

[5] Иванчикова Е. А. Указ. соч., с. 286.

[6] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 623.

[7] Иванчикова Е. А. Указ. соч., с. 281.

[8] Прияткина А. Ф. К изучению присоединительных конструкций. — В сб.: Учен. зап. Дальневосточного ун-та. Вып. 5. Владивосток, 1962, с. 47.

[9] Русские примеры заимствованы в основном из кн.: Ванникова Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.

[10] Иванчикова Е. А. Указ. соч., с. 303.

[11] Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979, с. 239.

Э. М. ГЖАНЫЦ, А. Г. ГУРОЧКИНА (Ленинград)

ПРИСУБСТАТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема синтаксиса текста выдвинулась в последнее время на одно из первых мест в мировой лингвистике [1]. В этой связи большой интерес представляет также синтаксическая организация текста в плане сопоставления оригинала и перевода, поскольку в этом случае можно вскрыть как частные закономерности синтаксического построения текста

в каждом отдельном языке, так и его общие закономерности, которые носят универсальный характер. Еще Ш. Балли неоднократно подчеркивал, что существенные лингвистические данные можно получить при сопоставлении оригинальных текстов с их переводами [2].

Считая сопоставление однотипных явлений в разных языках одним из важнейших методов лингвистического исследования, Р. Якобсон замечает следующее: «Любое сравнение двух языков подразумевает исследование их взаимной переводимости; широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность, должны находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки» [3].

Отдавая себе ясный отчет в том, что использование данных сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода может быть весьма полезно для выявления изоморфных и алломорфных черт языковых явлений и что синтаксическая организация текста — одна из существенных его типологических признаков, мы принимаем, вслед за Л. А. Черняховской, в качестве минимальной речевой единицы сопоставления на уровне синтаксиса текста предложение. Речь идет о предложении не как единице грамматики, а о предложении, взятом в конкретной речевой ситуации, взаимодействующем с конкретной экстралингвистической реальностью и имеющем конкретное коммуникативное задание [4].

Предметом рассмотрения в настоящей статье явились сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в английских текстах и в их русских переводах. Для уточнения некоторых языковых данных в русском использовались также и «непереводные» тексты. Исследование предложений этого типа продиктовано их высокой частотностью в текстах современного английского и русского языков, их большой коммуникативной значимостью: в английском языке из 1600 случаев употребления сложноподчиненного предложения с разными типами зависимых предикативных единиц (ПЕ) 400 случаев приходится на сложноподчиненные предложения с определительными ПЕ, в русском языке из 1200 случаев — 300 с определительными ПЕ.

Определительные ПЕ подчиняются именному центру подчинения (ЦП) в ведущей ПЕ и характеризуют обозначаемый ими предмет или явление путем указания на его состояние или признак. Основным средством выражения именных ЦП в обоих рассматриваемых языках являются указательные, личные, обобщающие, неопределенные, выделительные местоимения и имена существительные, исходя из чего представляется целесообразным разделить, вслед за русистами,

все определительные ПЕ на приместоименно-определительные и присубстантивно-определительные.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением лишь тех определительных ПЕ, которые входят в состав присубстантивно-определительных предложений.

Присубстантивно-определительные предложения в зависимости от функции подчинительной части выступают в двух разновидностях:

1) с подчинительными частями, выражающими атрибутивно-выделительные отношения,

2) с подчинительными частями, выражающими атрибутивно-распространительные отношения.

Эти две разновидности соответствуют выделяемым в современном английском языке двум видам определительных ПЕ, а именно, ограничительным и описательным.

Выделительно-атрибутивный характер отношений в свою очередь передается двумя типами определительных ПЕ:

а) определительными ПЕ с индивидуализирующей, указательной функцией, выделяющими данный предмет из других, имеющих то же название;

б) определительными ПЕ, имеющими добавочное значение качественной характеристики предмета и часто степени.

Определительные ПЕ первого типа относятся к существительному — центру подчинения в ведущей ПЕ, в качестве левого распространения которого в английском языке выступают определенный или неопределенный артикли, указательные обобщающие, неопределенные и выделительные местоимения типа *this, that, all, some, same*, сочетания *the only, the kind*, а в русском языке — указательные местоимения *тот, тот самый* (единственный). Например:

He said that Andre was *the only* cook in Port-an-Prince *who could make a proper soufflé* (Gr. Greene. The Comedians).

Он говорит, что Андре — *единственный* повар в Порт-о-Пренсе, *который умеет готовить настоящее суфле* (Гр. Грин. Комедианты).

...*such* a Haitian red *which had never existed in nature* (Gr. Greene. The Comedians).

...*такого* гаитянского-красного цвета, *какого никогда не бывает в природе* (Гр. Грин. Комедианты).

Для осуществления союзной связи данных определительных ПЕ в английском языке используются следующие союзные слова и союзы: *who* (для лиц), *which* (для предметов), *that* (для лиц и предметов), *what*, а также *where, when, why*,

how, в русском — *который, какой, чей, где, куда, откуда, когда*. Различные союзные слова показывают то, что выделение осуществляется различными способами: при помощи указания на место (*где, where*), время (*когда, when*), принадлежность (*чей, whose*) и т. д. Наиболее продуктивны и, можно сказать, универсальны в этом типе определительных ПЕ союзные слова *that* в английском и *который* — в русском языке.

Особенность русских союзных слов *который* и *какой* состоит в том, что они характеризуются двойной синтаксической зависимостью: с одной стороны, они согласуются в роде и числе с существительным ведущей ПЕ, с другой — падеж их определяется положением в качестве управляемых слов (или в качестве подлежащего) в зависимой ПЕ:

После ужина опять долго сидели на балконе, *который* выходил в старый тенистый сад... (Лесков. Путимец).

И он со спокойствием ловкого дельца показал мне свои опять едва живые сапожки, *которым* на рынке красная цена тогда была полтинник (Лесков. Воспоминания).

Обычно союзы и союзные слова занимают первое место в зависимой ПЕ. Однако в случае подчинения существительному или инфинитиву союзное слово *который* употребляется после подчиняющих слов:

Но у него были порывы смелого и самоотверженного великодушия, в пример *которого* можно привести его находчивую выходку (Лесков. Воспоминания).

Для английского языка, где отсутствует согласование и управление, союзы и союзные слова характеризуются отсутствием таковой двойной синтаксической зависимости. Особенностью определительных предложений выделительной группы в английском является их способность к бессоюзному подчинению; в русском языке для передачи того же содержания, как правило, употребляется союзное слово *который*:

Those were the last words
she ever said to me (Gr.
Greene. The Comedians).

Это были последние *слова*, *которые* я от нее услышал (Гр. Грин. Комедианты).

Союзное слово *that* не может быть опущено в случае, если оно является подлежащим определительной ПЕ:

He answered angrily swallowing a lump *that hung in his throat* (A. J. Cronin. The Citadel).

Предлоги, управляющие союзными словами, как правило, стоят в конце зависимой ПЕ в английском языке и перед союзными словами в русском языке:

Ср.: This is the man I spoke to you about (A. Hailey. Airport). Это те самые карточки, на которых Павел Иванович представлен сидящим на балюстраде... (Лесков. Воспоминания).

Определительные ПЕ второго типа, как указывалось выше, дают качественную характеристику предмета и всегда присоединяются к ведущей ПЕ при помощи союзов и союзных слов: в английском языке — *as, whom, which, where*, в русском — союзами — *как, как будто, как если бы, что, чтобы* и союзным словом — *какой*.

Особенностью конструкций этого рода в русском языке является то, что в главном предложении употребляется коррелят, выраженный местоимением *такой*. Придаточные определительные в сочетании с местоимением *такой* указывают на тождество качества, определяют качество путем сравнения, характеризуют предмет, указывая на следствие, на обобщенные факты и т. д.

Личное мое мнение о покойном Павле Ивановиче *такое, что* это был человек в своем роде талантливый и очень добрый (Лесков. Воспоминания). Некто из знавших это писателей допускал даже *такую* смешную мысль, *что* не думал ли Павел Иванович устроить мне свидание с Некрасовым (Лесков. Воспоминания).

Особенностью конструкций этого рода в английском языке является то, что они, чаще всего, вводятся союзом *as*, соотносенным с коррелятами *same* и *such* в ведущей ПЕ. Например: *She looked to him much the same child as he had met six years ago* (I. Murdoch. The Italian Girl).

Данные конструкции употребляются в английской разговорной речи значительно реже, чем в русском языке.

Таким образом, как показал исследовательский материал, большую роль в структуре и в значении присубстантивно-определительных предложений с зависимыми ПЕ, выражающими атрибутивно-выделительные отношения, играют соотносительные слова. В лингвистической литературе соотносительные слова рассматриваются как особая категория слов, оказывающая большое влияние на степень спаянности главной части с зависимой. Находясь в главной части сложного предложения, соотносительные слова формально завершают подчиняющую ПЕ, но будучи семантически неопределенными, они выражают смысл неполно, недостаточно, и тем самым как бы предваряют последующие определительные ПЕ. Они показывают, что мысль начинает развиваться в подчиняющей ПЕ и получает свое семантическое завершение лишь в последующей определительной ПЕ, которая

конкретизирует и ограничивает значение имени существительного слишком общего по значению или способствует выделению данного предмета из других, имеющих то же название, путем указания на какой-либо его отличительный признак. Исходя из вышесказанного, синтаксическая связь между подчиняющей и определительной ПЕ, отражающей атрибутивно-выделительные отношения, квалифицируется в обоих языках как связь тесная, обязательная, семантически обусловленная.

Другую группу сложноподчиненных предложений с присубстантивно-определительными ПЕ представляют конструкции, в которых подчиняющая ПЕ завершена и в структурном и в смысловом отношении, т. е. имеет необходимый набор членов предложения для грамматического оформления высказывания, а при ЦП нет слов, требующих их дальнейшего уточнения. Определительные ПЕ в этом случае сообщают дополнительные сведения о лице или предмете, которые либо конкретны по своему значению, либо уже достаточно определены в подчиняющей ПЕ. Например:

There was Philip Pitot... *who* had a suffocating cough, *which* well nigh killed him (W. Thackeray. The History of Henry Esmond).

Здесь же был Филипп Питот, удушающий кашель которого чуть не погубил его.

Подчиняющая ПЕ в составе этой группы сложноподчиненных предложений могла бы функционировать как самостоятельное предложение; соединяет ее с зависимой ПЕ, во-первых, грамматическая связь, осуществляемая с помощью союзных слов, во-вторых, связь смысловая. Такую подчиняющую ПЕ Е. В. Гулыга называет «потенциально-автосемантическим предложением» [5]. Синтаксическая связь между подчиняющей и определительной ПЕ рассматриваемой группы предложений определяется как связь факультативная, формальная.

Определительные ПЕ, выражающие атрибутивно-распространительные отношения, вводятся в английском языке союзными словами *who*, *whose*, *whom*, *which*, реже — *where* и *when*. Для них несвойственно употребление *that* или способа бессоюзного подчинения. В русском языке такие определительные ПЕ вводятся относительными местоимениями *который*, *какой*, *чей*, *где*, *куда*, *откуда*.

В отличие от других типов зависимых ПЕ, местоположение которых в структуре сложноподчиненного предложения относительно свободно, определительные ПЕ в присубстантивно-определительных предложениях, как в английском, так и в русском языках, обычно следуют за центрами их подчи-

нения и в большинстве случаев характеризуются контактным положением по ходу синтаксической зависимости:

The first officer who usually flew as second-in-command to Demerest, tonight had been told to stay home (A. Nailay. Airport).

Первому пилоту, который обычно летал вместе с Димерестом, сегодня было велено остаться дома. (А. Хейли. Аэропорт).

Однако в обоих языках местоположение определительных ПЕ может быть и дистантным по отношению к своим ЦП:

Ср.: There was in him just that added fund of nervous energy which differentiated the man who wins the long jump from the man who loses it (J. Galsworthy. End of the Chapter).

Компсон Грайс, издатель Уилфрида, получил от него письмо из Бангкока, в котором тот сообщал, что чувствует себя хорошо и начал писать (Дж. Голсуорси. Конец главы).

Следует подчеркнуть, что для синтаксиса русского языка такой порядок следования является типичным и структурно оправданным, так как четкая маркированность словоформ в структуре предложения не препятствует дистантному употреблению определительной ПЕ: определяемое слово отличается по роду или числу от следующих за ним поясняющих слов (существительные в родительном падеже, приложения, причастные обороты), а союзные слова согласуются с определяемым словом в роде и числе, что безусловно способствует четкости грамматических отношений между подчиняющей и зависимой определительной ПЕ:

Ср.: Он разгреб бумаги на столе в поисках списка пассажиров, который за последние два часа значительно вырос (А. Хейли. Аэропорт).

He shuffled papers, checking the passenger manifest which had lengthened in the past two hours (A. Nailay. Airport).

В английском поясняющее, относящееся к ЦП имя, выступает в качестве препозитивного определения.

Таким образом, рассмотренные типы определительных ПЕ в обоих языках позволяют уяснить целый ряд признаков сходства и различия в характере синтаксической связи антицидента и зависимой ПЕ; о природе союзных слов и их функций; о месте определительных ПЕ в структуре сложноподчиненного предложения и их частотности в текстах современного английского и русского языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дресслер В. О характеристике и классификации речевых произведений. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978, вып. VIII.

[2] Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

[3] Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation. In: On Translation. Cambridge, Mass., 1959, p. 234.

[4] Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М., 1976, с. 4.

[5] Гулыга Е. В. Сложноподчиненное предложение. Автореф. канд. дисс. М., 1962, с. 11.

Н. Л. ГИЛЬЧЕНОК (Ленинград)

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(На материале русского и немецкого языков)

Сопоставительное изучение словообразовательных систем различных языков весьма продуктивно, поскольку не только позволяет выявить определенные межъязыковые соответствия, но и обнаруживает разные закономерности номинации в сопоставляемых языках, а также углубляет представления о потенциях тех или иных словообразовательных моделей или аффиксов в изучаемых языках [1].

Сопоставительное изучение словообразования, таким образом, весьма актуально, но осложняется тем, что круг проблем, связанных с семантикой производных слов, в теории словообразования разработан еще весьма слабо.

В нашем анализе мы опирались на общепризнанное мнение, что значение суффиксального образования складывается из значений производящей основы, суффикса и словообразовательной модели [2].

Предметом исследования послужили русские прилагательные с суффиксом *-ист*.

Суффикс *-ист* является в современном русском языке живым и продуктивным [3].

«Грамматика современного русского литературного языка» отмечает общее значение прилагательных с суффиксом *-ист*, «характеризующихся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» [4].

Выделяются два семантических подтипа прилагательных с этим суффиксом, образованных от существительных: 1) «обладающих тем, что названо мотивирующим словом», иногда с оттенком «содержащий в качестве составляющей части то, что названо словом», иногда с количественной

оценкой («обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом»); 2) имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» [5].

Прилагательные с суффиксом -ист, образованные от глаголов, имеют значение «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом», часто с оттенком «склонный к действию» [6]. И, наконец, значение «содержащий то или (реже) сходный с тем, что названо в основе мотивирующего слова, имеют адъективные образования с -ист от суффиксальных отыменных прилагательных (типа шелковистый — напоминающий шелк) [7]. Таким образом, можно сделать вывод, что суффикс -ист полисемантивен, причем в сочетании с различными производящими основами он реализует различные семы: содержание, избыток чего-то, сходство, способность/склонность к действию.

Анализ языкового материала свидетельствует, что при сопоставлении с немецким языком устанавливаются различные типы соответствий, в зависимости от того, какая сема суффикса реализована в производном прилагательном. Так, сема «содержание (избыток чего-то)» передается в составе производного немецкого прилагательного суффиксом -ig: жилистый — *sehnig*, глинистый — *lehmig*, морщинистый — *gunzlig*. Ср. также в живом словоупотреблении в переводах художественной литературы *: «Маленькие кулички-песочники со свистом перелетывают вдоль каменистых берегов...» (Т.—З, 92) — «*Kleine Sandschnepfen fliegen pfeifend längs der steinigen... Ufer*» (Т.—W., 21). «Так бывает, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса...» (Г.—II, 300) — «*Dasselbe Gefühl regt sich in der Seele, wenn man lange Zeit von einem moosbewachsenen Erdhügel zum andern springend, durch einen moorigen Wald gewandert ist...*» (II.—Sch., 203).

Прилагательные с суффиксами -ig, -en соответствуют русским прилагательным на -ист, если последние обозначают цвет или другое качество по сходству с тем, что названо мотивирующим словом: «...тело ее спрятано под покрывалом, таким же золотистым, как все в спальне...» (Г.—II, 305) — «*Sie lag auf dem breiten Bett... ganz in die seidene Bettdecke gehüllt, die von derselben goldigen Farbe war wie alles andere im Zimmer*» (II.—Sch., 211); «...солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги». (Т.—З, 101) — «*Fast nie gelingt es den Sonnenstrah-*

* Для сопоставительного анализа использованы данные не менее двух переводов, список и условные обозначения которых даны в примечаниях к статье. В тех случаях, когда в передаче интересующего нас явления нет расхождений, приводится один перевод.

len, bis zu diesem kühlen, silbernen Naß herabzudringen» (Т.—W., 29); «...fast nie berühren die Sonnenstrahlen diese kalte und silberne Feuchte» (Т.—G., 104). Ср. также: «...волнистые волосы...» (Г.—I, 125) — «...welliges Haar...» (I—Sch., 222).

Такого рода соответствия совершенно закономерны и определяются словообразовательной системой имени прилагательного в немецком языке.

Иная картина наблюдается при передаче отглагольных русских прилагательных на -ист, когда в словообразовательной модели актуализуется сема способность/склонность к действию.

В подобных случаях прилагательные на -ист передаются на немецкий язык глагольной формой — Partizip I.

Ср.: «лучистым глазом...» (Г.—I, 130) — «...mit ihrem strahlenden Auge» (I.—Sch., 228); «...твердый, искристый снег...» (Т.—С., 735) — «...harter flimmernder Schnee...» (Т.—G., 7).

Аналогично, т. е. с использованием причастия, передаются и отыменные прилагательные на -ист, обозначающие цвет по сходству с тем, что названо мотивирующим словом, если суффикс реализует в производном прилагательном не одну, а две семы: в данном случае сему «сходство» и сему, которую условно назовем «семой глагольности». Так же передается, например, прилагательное «душистый», которое в современном русском языке вряд ли можно считать отглагольным, но которое имеет семантику «испускающий запах»: «...душистое сено...» (Т.—З., 81) — «...das duftende Heu...» (Т.—W., 11); «...das wohlriechende Heu...» (Т.—G., 77); «...душистыми пальцами...» (Г.—II, 299) — «...mit ihren... duftenden Fingern...» (II.—Sch., 200).

Дело в том, что в определенных контекстах прилагательные на -ист, обозначающие цвет, включают в себя глагольный компонент значения «отливающий, переливающийся». Это, главным образом, прилагательные типа *золотистый, серебристый, огнистый*. Ср.: «И вот мы трое идем на рассвете по зелено-серебристому росному полю» (Г.—II, 207). — «So wandern wir zu dritt bei Tagesanbruch über das silberglänzende taufrische Feld...» (II.—Sch., 59); «...Матрена Ивановна... в шелковом полосатом платье и золотистой головке...» (Г.—I, 111) — «...und trug ein gestreiftes seidenes Kleid und einen golden schimmernden Kopfputz» (I.—Sch., 211); «...in einem gestreiften Seidenkleid und golden schillerndem Häubchen...» (I.—Schw., 198); «...одетый в золотистую шелковую рубаху...» (Т.—I, 24) — «...in einem goldig schimmernden Seidenhemd...» (I.—Sch., 39).

В отдельных случаях глагольный компонент значения в переводе доминирует. Ср.: «Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные, огнистые капли» (Т.—С., 456) — «Der Eimer wippt und schaukelt am Seile, so daß langgezogene, blitzende Tropfen an ihm herabgleiten» (Т.—Г., 6).

В следующем примере «сема глагольности» усилена максимально за счет спрягаемой формы глагола. Ср.: «...на поднятых кудрях серебристый серп луны...» (Т.—С., 492) — «...auf dem verschlungenen Lockenhaar schimmert eine silberne Mondsichel» (Т.—Г., 50).

Словообразовательное значение, включающее «сему глагольность» в приведенных примерах, возникает в русском языке в рамках внутреннего и внешнего контекста, т. е. при условии, что мотивирующее слово по своей семантике допускает наслоение «семы глагольности», а внешний контекст способствует ее выявлению*. Передача с помощью причастия именно семы «отливающий, переливающийся» подтверждается переводами, где эта сема выражена лексикой контекста. Ср.: «...увидел... на белой шапке кургана недалеко — рдяно-желтую с огнистым отливом лису» (Ш.—П. ц, 14) — «...und auf der Schneemütze des nächsten Hügels einen rotgelben feurig-schimmernden Fuchs» (Sch.—Н., 17); «...во вторых, он носил... светло-голубые панталоны с отливом...» (Л. Т.—Д., 70) — «...und hellblau schillernde Beinkleider...» (К.—Р., 87); «...und hellblau schimmernde Beinkleider...» (К.—Р. u. L., 108).

Предпринятый на обширном языковом материале сопоставительный анализ позволяет сделать ряд выводов.

1. Словообразовательный суффикс -ист многозначен и в зависимости от наполнения словообразовательной модели актуализует различные семы.

2. В определенных условиях взаимодействия внутреннего и внешнего контекста суффикс -ист может актуализовать одновременно две семы.

3. Выявляется немногочисленный семантический подтип отыменных и отглагольных прилагательных с суффиксом -ист, имеющих значение: «испускающий то, отливающий, переливающийся тем, что обозначено мотивирующим словом».

4. Глагольный компонент значения причастий на -ист («сема глагольности») передается на немецкий язык (или выражается в немецком языке) на лексико-грамматическом уровне: за счет введения причастий *schillernd*, *schimmernd*.

* Именно внешним контекстом можно объяснить тот факт, что прилагательные типа *золотистый*, *серебристый* в одних случаях переводятся *golden*, *goldig*, *silbern*, *silbrig*, в других — с включением причастия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка. — В сб.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

[2] Харитончик З. А. Семантика суффиксального произвольного слова (на материале прилагательных английского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 4.

[3] Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 176.

[4] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 197.

[5] Там же, с. 197.

[6] Там же, с. 203.

[7] Там же, с. 208.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Г. I—II—М. Горький. I—Детство. II—В людях. Мои университеты. М., 1948.

I—II—Sch.—М. Gorki. I—Meine Kindheit. II—Unter fremden Menschen. Berlin, 1952 (Übertragen von A. Scholz).

II—Schw.—М. Gorki. II—Unter fremden Menschen. Berlin und Weimar, 1968 (Übertragen von G. Schwarz).

Л. Т.—Д.—Л. Н. Толстой. Детство, отрочество, юность. Собр. соч. М., 1979, т. I.

К.-R.—L. Tolstoj. Kindheit, Knabenalter, Jünglingsjahre. — Sämtliche Romane und Erzählungen, Bd. 8, Leipzig, 6. r. (Übertragen von H. Röhl).

Т.—З.—Т.—С. И. С. Тургенев. З—Записки охотника. С.—Стихотворения в прозе. — Собр. соч. М., 1953, т. 1; 1956, т. 8.

К.-R. u. L.—L. Tolstoj—Kindheit, Knabenjahre, Jugendzeit. Berlin, 1952 (Rütten und Loening).

Т.—W.—I. Turgenew. Aufzeichnungen eines Jägers. Leipzig, 6. r. (Übertragen von W. und E. Wonsiatsky).

Т.—G.—I. Turgenew. Gesammelte Werke in 5 Bänden. Berlin, 1952, Bd. 1. (Übertragen von I. Guenther).

Т.—S.—I. Turgenew. Gedichte on Prosa. Leipzig, 1951 (Übertragen von Th. Sommichen).

Ш.—П. ц.—М. Шолохов. Поднятая целина. — Собр. соч. в 8-ми тт. М., 1975, т. 5.

Sch.—H.—M. Scholochow. Neuland unterm Pflug. A.—G. Zürich, 6. r. (Übertragen von N. Held).

В. Т. ДМИТРИЕВА (Ленинград)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ВТОРОЙ (РЕАГИРУЮЩЕЙ) РЕПЛИКИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ДИАЛОГЕ

Установлено, что диалогическая речь любого языка имеет кроме многих других и синтаксические особенности, связанные с тем ее свойством, которое обычно называется «репли-

цированием». Смысловые отношения смежных реплик обуславливают языковые скрепы, сцепления между ними, причем реагирующая реплика имеет подчиненный, зависимый характер, проявляющийся в ее синтаксической форме. Возникающие таким образом предложения, часто называемые «неполными», распространены в диалоге любого языка; не представляют из этого исключения русский и немецкий языки. Первая, относительно свободная в своей структуре, реплика «задает» структуру второй. Решающую роль в этом играет интонация и прежде всего логическое ударение, выделяющее логический предикат, и часто предидирующее одно слово. Логическое ударение позволяет, как известно, выявить в пределах одного и того же предложения различные суждения. Оно свободно и может быть сделано на любом слове, и так как реагирующая реплика — это реакция именно на логический предикат первой реплики, то в ответе могут возникнуть неполные предложения, состоящие из одного слова, которое может быть любой частью речи [1].

Казалось бы, если это действительно распространено во всех языках, то нет оснований опасаться, что изучающий иностранный язык (в нашем случае — немецкий) построит реагирующую реплику диалогического единства неправильно. Раз совпадают условия, должна совпасть и структура. Такое совпадение наблюдается очень часто.

— Ты 'сегодня едешь в Берлин?

— Да, сегодня.

— Ты едешь сегодня в 'Берлин?

— Да, в Берлин.

— 'Ты едешь сегодня в Берлин?

— Да, я.

— Fährst du 'heute nach Berlin?

— Ja, heute.

— Fährst du heute nach 'Berlin?

— Ja, nach Berlin.

— Fährst 'du heute nach Berlin?

— Ja, ich.

Но вот дело дошло до выделения логическим ударением глагола и мы видим, что если в русском языке естественно употребить в зависимой реплике одиночную финитную форму глагола (Ты сегодня едешь в Берлин? — Да, еду), то в немецком языке аналогичная структура (Ja, fahre) не рождает такого эффекта естественности, нейтральности. Если мы и встречаем в реагирующей реплике немецкого диалога единичное использование финитной формы глагола, то такие случаи будут ограничены определенными условиями употребления, как то: глагольные стереотипы Bitte! Danke! и т. п., приближающиеся к ним «Verstehel!», «Gestatten?», «Gratuliere», «Stimmt» и т. д.; повторы, переспросы, служащие для особого

выделения, подчеркивания члена выраженного финитной формой. В остальных случаях финитная форма глагола употребляется либо с подлежащим (часто с инверсией), либо с каким-либо другим «спутником» глагола (чаще всего — наречием), что является своеобразной компенсацией двусоставности немецкого предложения, проявляющейся в немецком языке более последовательно, чем в русском [2]. Сравнивая реагирующие реплики русского и немецкого диалогов, состоящих из одного существительного, мы замечаем разнообразие морфологического оформления немецкого существительного. Во второй реплике оно может быть употреблено, как с артиклем (или словом, его заменяющим), стоящим перед этим существительным в первой реплике, так и без него. Как бы не объяснялось отсутствие артикля в этом случае [3], налицо несходство оформления употребленного в реагирующей реплике члена в русском и немецком диалоге. То же можно сказать и о прилагательном, употреблении артикля перед которым также может варьироваться [4]. Таким образом, при всем кажущемся сходстве построения реагирующей реплики в русском и немецком диалоге, при единичной постановке в ней какого-либо члена, существуют определенные структурные различия.

Случаи различного оформления единичных членов реагирующей реплики должны быть в центре внимания преподавателя, преподающего немецкий язык русским учащимся, так как бессознательно стремясь использовать свой опыт родного языка в аналогичных конструкциях немецкого, студенты именно здесь чаще всего допускают ошибки.

Такой распространенной ошибкой при ответе запрашиваемым членом является употребление именительного падежа вместо винительного, если данный член — существительное, обозначающее неодушевленный предмет мужского рода в единственном числе.

«Wie lange bleibst du in Berlin?»

«Einen Tag noch».

Вследствие совпадения форм именительного и винительного падежей единственного числа для таких существительных в русском языке, русский учащийся часто употребляет здесь форму именительного падежа, не отдавая себе отчета в том, что в немецком языке такого совпадения нет. Для осознания этого обстоятельства полезно потребовать полную форму в ответе, четко определить синтаксическую функцию запрашиваемого члена, сделать на нем логическое ударение, а затем выделить логически ударенный член в самостоятельную структуру.

Другой распространенной ошибкой является неправильная форма прилагательного в ответе на вопрос, касающийся согласованного определения.

«Was für ein Kleid soll es sein?»

«Ein seidenes».

«Welches Kleid ziehst du dir an?»

«Das rote».

«Welches Wasser bevorzugen Sie?»

«Kaltes».

В ответах, аналогичных приведенным, студенты часто делают ошибки в употреблении артикля, не согласуют прилагательное с относящимся к нему, но не названном в ответе существительным.

Для предотвращения этой ошибки также полезно прибегнуть к полной форме ответа, где связи между артиклем, прилагательным и существительным выражены более ясно. Произнеся полный ответ с логическим ударением на определении, студенты выделяют его затем в самостоятельную структуру.

Как уже упоминалось, в немецком разговорном языке широко употребляются предложения без подлежащего. Не менее широко такие структуры распространены и в русском языке. В том случае, когда в предложении, кроме сказуемого есть один или несколько второстепенных членов, русский учащийся, основываясь на своем опыте в родном языке, правильно образует эту конструкцию:

«Gehst du mit ins Kino?»

«Keine Zeit heute. Gehe mit meiner Freundin tanzen».

Однако, по аналогии с русским, студенты часто не называют подлежащее и в том случае, когда в предложении второстепенных членов нет. Поэтому целесообразно предложить учащимся серию упражнений, побуждающих их строить такую конструкцию правильно, то есть, либо завершая предложение подлежащими, либо заключая его каким-нибудь другим членом (чаще — наречием).

Verstehe ich. Sehe schon.

Конструкции без сказуемого русский учащийся образует правильно, так как находит аналогию этому явлению в своем родном языке.

— Я еду в Берлин.

— Ich fahre nach Berlin.

— Ты в Берлин, а я в Дрезден.

— Du nach Berlin, und ich nach Dresden.

Но задача усложняется, если отсутствует часть сказуемого, что может произойти при именном, сложном, глагольном,

а также простом глагольном сказуемом, выраженным сложной глагольной формой.

Такие конструкции употребительны в немецкой диалогической речи [5], следовательно, при обучении разговорному языку их необходимо учитывать. Опыт русского учащегося в образовании таких конструкций ограничен, так как в русском языке существует лишь одна сложная глагольная форма — будущее сложное. В зависимости от логического ударения возможны неполные конструкции без смыслового или вспомогательного глагола:

- Ты "будешь петь?
- Буду.
- Ты будешь "петь? (а не танцевать?)
- Да, петь.

Обучая студентов пользоваться такими конструкциями, нужно вести работу в двух направлениях. Первая задача — научить разграничивать употребление спрягаемой и неспрягаемой части сказуемого. Учитывая опыт русских учащихся в образовании таких структур для сложного будущего в русском языке, целесообразно начать с вопросно-ответных упражнений, содержащих футурум I. В зависимости от того, на какую часть сказуемого падает логическое ударение, студенты употребляют в ответе то спрягаемую, то неспрягаемую его часть.

— 'Wirst du heute sin-
gen?	— Wirst du heute 'sin-
gen?
— Unbedingt werde ich.	— Ja, singen.

Во втором случае, однако, необходимо учитывать следующее. Как известно, безударность вспомогательного и ударность смыслового глагола — норма для аналитической формы немецкого глагола. Поэтому ударение на смысловом глаголе при обычном для вопросительного предложения мелодическом рисунке еще не вызывает необходимости употребить в ответе неспрягаемую часть сказуемого. На вопрос, произнесенный с обычной мелодией (например, с восходящей в случае вопроса без вопросительного слова), даже при логическом ударении на смысловом глаголе следует ответить, употребляя спрягаемую часть сказуемого.

- Wirst du heute singen?
- Unbedingt werde ich.

Необходимость употребить в ответе неспрягаемую часть сказуемого возникает лишь при особом мелодическом рисунке вопроса, который выражает, что состоится или состоялось именно это действие, а не другое (эмоциональная

окраска). При такой мелодии выражается либо возможность противопоставления:

— Wirst du [↓]singen? (Und nicht tanzen?)
либо удивление (и др. эмоции):

— Wirst du "singen? (Hast aber keine Stimme!).

В этом случае, по-видимому, тон на первом логически ударном слоге поднимается, а на последующих слогах падает:

— Wirst du [↑]'singen?

— Ja, singen.

Возможна следующая последовательность упражнений:

а) преподаватель задает вопросы, ставя под логическое ударение то вспомогательный, то смысловой глагол. Студенты соответствующим образом отвечают.

— 'Werden Sie heute sin- — Werden Sie [↑]singen?
gen? — Ja, singen.

— Unbedingt werde ich.

Полезно при этом потребовать некоторый комментарий к краткому ответу, возможное продолжение его, замену его синонимичным вариантом, например:

— Werden Sie heute singen? (Werden Sie das tun, oder werden Sie das nicht tun?)

— Unbedingt werde ich. (Das tue ich).

— Werden Sie heute singen?

— Ja, singen. (Aber nicht tanzen. Oder: Warum wundern Sie sich? Ich 'kann doch singen!);

б) студенты сами задают вопросы друг другу и отвечают на них. В вопросах они воспроизводят интонацию, показанную преподавателем в первой серии упражнений;

в) преподаватель задает вопросы с логическим ударением на неспрягаемой части сказуемого, сопоставляя обычную мелодию вопросительного предложения с тем особым мелодическим рисунком, о котором говорилось выше.

Показав, как надо ответить в том или другом случае и прокомментиовав свои ответы, педагог предлагает учащимся ряд вопросов, требуя от них краткий ответ и комментарий к нему (о комментариях см. выше).

— Werden Sie heute 'singen?

— Unbedingt werde ich.

— Werden Sie heute [↑]'singen?

— Ja, singen.

г) студенты задают друг другу вопросы и отвечают на них, воспроизводя интонацию преподавателя.

После выполнения вышеописанных упражнений на материале футурум I прорабатывается такой же цикл упражнений на материале перфекта.

Несмотря на то, что в русском языке, как известно, не существует аналитической глагольной формы для описания прошедшего времени и у русских учащихся нет опыта в образовании неполных конструкций для глагола в прошедшем времени, они легко справляются с этими упражнениями, так как уяснили себе сущность явления при работе над предыдущим циклом.

Принцип построения нового цикла упражнений тот же самый, обоснования такие же, поэтому ограничимся при их характеристике лишь показом схематических примеров.

А. Преподаватель спрашивает, студенты отвечают.

— 'Haben Sie gestern gesungen?

— Natürlich 'habe ich.

— Haben Sie gestern ge'sungen?

— Ja, gesungen".

Б. Студенты спрашивают друг друга по вышеприведенному образцу.

В. Преподаватель сопоставляет разные мелодии при одном и том же логическом ударении.

— Haben Sie gestern ge'sungen?

— Natürlich "habe ich.

— Haben Sie gestern ge'sungen?

— Ja, gesungen.

Г. Студенты воспроизводят в вопросах и ответах образец, показанный в пункте В.

Естественно работать над тренировкой соответствующих неполных глагольных конструкций при прохождении отдельных грамматических тем [6]. Например, при проработке темы «Perfekt» сразу же указывается на возможные структурные варианты предложений со сказуемым, представленным этой формой в диалогической речи, затем проводится тренировка таких структур. Полезно, однако, после прохождения всех соответствующих тем посвятить некоторое время обобщению тенденций в образовании неполных глагольных структур для всех случаев сложного сказуемого и сказуемого, выраженного сложной глагольной формой. Зависимость от логического ударения, стремление конструкции к завершенности путем инверсии — все это должно быть твердо усвоено студентами, как представляется, уже на начальной стадии обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Более подробно о связи интонации и структуры реплик диалога мы упоминали в статье «Специфика употребления перфекта в немецкой диалогической речи». См.: Грамматические исследования. Л., 1975, ч. 1.

[2] Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. М., 1979, с. 120—122.

[3] Ср.: Дмитриева В. Т. Структурные особенности немецкой диалогической речи. Автореф. канд. дисс. Л., 1964, с. 17; Парамонова И. П. Переспрос в немецкой разговорной речи. — В сб.: Структура простого предложения в немецком языке. Л., 1972, с. 76—79.

[4] Дмитриева В. Т. Указ. раб., с. 17; Парамонова И. П. Указ. раб., с. 81—82.

[5] Подробное их описание см.: Дмитриева В. Т. Указ. раб.

[6] Это частично осуществлено в учебнике для I курса факультетов иностранных языков педагогических вузов: Бибин О. А., Дмитриева В. Т., Маркова А. И. Немецкий язык. Л., 1972.

М. А. ЗЫКОВА (Ленинград)

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОИЗНЕСЕНИИ НЕМЕЦКИХ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В лингвистической литературе все большее внимание уделяется вопросам соотношения системы и нормы языка, изучению различных сторон нормы. Во многих случаях эти проблемы рассматриваются с позиции поиска лингвистических оснований для методики обучения чужому языку, в частности его произношению. В связи с этим возникает множество проблем, связанных с характером отклонений в речи иностранца от нормативного произношения изучаемого языка. Эти отклонения вызываются интерференцией, источником которой является наложение особенностей фонетической системы родного языка на произношение языка изучаемого. Со стороны же слушающего носителя изучаемого языка эти отклонения воспринимаются как акцент.

Говоря о лингвистических границах акцента, В. А. Виноградов пишет: «Таким образом, понятие акцента может охватывать разнообразные явления, но общим и основным условием констатации акцента должно быть наличие интерференции двух языковых систем и норм» [1]. В. А. Виноградов предлагает различать два типа акцента: преходящий и остаточный. Первый тип акцента характерен для ситуации овладения языком, он затрагивает все языковые уровни. Второй тип акцента характерен для ситуации владения вторым языком, он ограничивается фонетическим уровнем.

В фонетике установлено, что фонетические ошибки носят различный характер. Одни ошибки ведут к неразличению фонем, а следовательно, к непониманию смысла [2], другие ошибки не связаны с различением фонем и вызывают легкий акцент в речи говорящего. В работах, посвященных дальнейшей конкретизации критериев существенности ошибок, ученые также стремятся рассматривать их в соотношении с понятиями системы и нормы изучаемого языка. Автор одной из статей научно-методического плана, Г. С. Мисири, исходя из положения о нецелесообразности отрыва фонологии от фонетики и системы от нормы, высказывает мнение, что все произносительные ошибки можно определить как отклонения от произносительной нормы. В своей работе автор различает три уровня нормы. Первый уровень, наивысший, определяется, как область идеальной корреляции системы, фонем в их ведущих значениях (изолированно, в сильных позициях). Нарушения на этом уровне ведут к непониманию смысла. Второй уровень, связанный с понятием «фонетика», «вариант», определяется как основной, как реализация в речи моделей системы согласно принятым обществом правилам, по традиционным образцам. Третий, низкий уровень нормы, связан с понятием «артикуляционная база», «вариация» (вариативность), «аллофон» — это реализация, обусловленная индивидуальными особенностями говорящего [3].

Автор выстраивает эту систему с целью определения значимости ошибки. Ошибки первого уровня относятся к недопустимым уже на начальном этапе обучения. Ошибки второго уровня определяются как грубый акцент, ошибки третьего уровня как легкий акцент. Следует однако заметить, что есть непоследовательность в выборе критерия для определения уровня. Если первый и третий уровни определяются на основании сходного критерия, а именно, реализации фонем и аллофонов, то второй уровень определяется на основании другого критерия. Например, здесь возможен выбор различных сосуществующих вариантов таких, как выбор вариантов [ы] или [а] в первом предударном слоге слов *жара* или *шагать*.

В работах представителей ленинградской фонологической школы, касающихся вопросов произносительной нормы и ее соотношения с системой, различается два аспекта произносительной нормы — орфоэпия и орфофония. Орфоэпия трактуется как сторона нормы, занимающаяся вопросами выявления состава фонем слова, а орфофония вопросами качества произнесения отдельных звуков. Иными словами, орфоэпия понимается как правила, определяющие нормативный фонемный состав слова, а орфофония как правила

произношения вариантов фонем [4]. Такое различие основано на теоретическом положении, согласно которому фонема считается самостоятельной единицей, могущей быть непосредственно связанной со значением.

Различение двух аспектов нормы проводится и при обучении произношению иностранного языка [5]. Отклонения в речи иностранца могут быть ошибками орфоэпического плана, искажающими состав фонем слова. Ошибки такого рода хорошо осознаются носителями изучаемого языка. Речь иностранца содержит и орфофонические ошибки, не нарушающие фонемного состава слова, но искажающие общий облик слова.

При обучении немецкому произношению обычно не проводится анализа ошибок в нормативном произношении с точки зрения разных аспектов произносительной нормы немецкого языка. Такое рассмотрение могло бы быть полезным, так как могло бы вскрыть некоторые механизмы интерференции в процессе овладения русскими немецким произношением.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение наиболее распространенных ошибок русских при овладении произношением немецких гласных и согласных с позиции различения двух аспектов произносительной нормы немецкого языка. Материалом статьи послужили данные методической литературы по фонетике немецкого языка и слуховые наблюдения над речью студентов отделения немецкого языка и литературы.

К группе орфоэпических нарушений в вокализме немецкого языка относится замена лабиализованных гласных переднего ряда гласными заднего ряда, обусловленная отсутствием в русской фонологической системе противопоставленности гласных переднего ряда по признаку лабиализации; русские лабиализованные гласные принадлежат к заднему ряду.

Наличие в русской системе гласных меньшего числа подъёмов, чем в немецкой, обуславливает другие ошибки орфоэпического плана: подстановку вместо закрытого /e:/ в одном случае открытого звука, похожего на /ε:/, в другом случае — более закрытого, похожего на /i:/, а также подстановку вместо /i/ гласного среднего подъема /ε/ или замену открытого /u/ звуком более низкого подъема, похожим на /ɔ/.

Неразличение долготы оказывается особенно важным в гласных верхнего и нижнего подъема. Так вместо [ʃti:l] может быть произнесено [ʃtɪl], т. е. может быть произнесен краткий звук, похожий по качеству на русский /i/. Слово в таком случае может быть понято как [ʃtɪl], т. е. замена

долгого на краткий изменяет состав фонем слова, ошибка же в качестве оказывается орфофонической. Подобное неразличение долготы возможно и в верхнем и в нижнем подъеме заднего ряда, неверная долгота может исказить фонемный состав слова, т. е. привести к орфоэпической ошибке.

К орфофоническим ошибкам в гласных можно отнести неточную реализацию /i:, ɪ, a:, a, o:, ə, u:, ʊ/ при правильном различении долготы. Так, гласный /o:/ может быть произнесен как дифтоноид, подобно русскому /o/. К часто встречающимся ошибкам орфофонического плана относится, например, неверная реализация немецких дифтонгов.

В произнесении немецких согласных звуков носители русского языка также делают ошибки, которые можно расценить как орфоэпические, т. е. искажающие фонемный состав слова. К ошибкам такого рода можно отнести ошибки в ряду глухих спирантов, более насыщенном в немецком языке фонемными различиями. Здесь происходит замена немецких звуков разного места образования на звук заднеязычный, напоминающий /x/.

Отсутствие в русском языке заднеязычного носового сонанта приводит к замене его на сочетание переднеязычного сонанта /n/ с заднеязычным взрывным: [zingən], [zank].

В ряде случаев орфоэпическая ошибка происходит в силу того, что немецкое чередование заменяется русским. Так может произойти замена глухого согласного на звонкий перед звонким шумным: ['aɔz,ga:bə].

В основном многочисленные ошибки в консонантизме, встречающиеся у носителей русского языка, носят орфофонический характер. К ним можно отнести широко распространенную палатализацию согласных перед гласными переднего ряда, а также иногда заметную веляризацию согласных, ошибки в произнесении аффрикат, вариантов /r/. Все перечисленные ошибки могут быть отнесены к ошибкам орфофонического плана, так как не изменяют фонемного состава слов, но являются результатом неверной реализации вариантов немецких фонем.

Таким образом, существует разница в характере нарушений носителями русского языка орфоэпической и орфофонической стороны немецкой произносительной нормы в группах гласных и согласных фонем. Большое количество орфоэпических ошибок в вокализме вызывается тем, что русские гласные противопоставлены по меньшему количеству признаков, т. е. имеет место так называемая недодифференцированность фонемных категорий. Преобладание в консонантизме ошибок орфофонического плана частично объясняется тем, что русские согласные противопоставлены по большему ко-

личеству признаков, т. е. налицо сверхдифференцированность в речи изучающего немецкий язык [6].

Ошибки орфоэпического плана могут быть вызваны также различиями в дистрибуции фонем родного языка и иностранного.

Таким образом, подход к вопросам интерференции с позиции различения двух аспектов произносительной нормы может быть плодотворным как в плане изучения нормы, так и в плане теории обучения произношению. Необходимым представляется более глубокое изучение нарушения обеих сторон немецкой произносительной нормы, подкрепленное экспериментально — фонетическими исследованиями. Проблема является актуальной и в плане исследования восприятия ошибок обоих видов носителями немецкого языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. М., 1976, с. 20.

[2] Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1963, с. 45—47.

[3] Мисри Г. С. О критериях оценки произносительных ошибок с позиции существенности (на материале русской речи арабских студентов). — В сб.: Теоретическая фонетика и обучение произношению. М., 1975, с. 194—197.

[4] Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976, с. 25—28; Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л., 1973, с. 6—10.

[5] Виллер М. А., Гордина М. В., Белякова Г. А. Фонетика французского языка. Л., 1978, с. 16.

[6] Виноградов В. А. Указ. раб., с. 41.

Н. А. КОБРИНА (Ленинград)

О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ

Типология — это наука о соотношении и сравнении языков, выявлении их сходства и специфики в общих строевых чертах, в способах выражения основных грамматических значений.

Типологические исследования последних лет обнаруживают крайнее разнообразие подходов к решению этих вопросов, и сейчас уже наметились по крайней мере четыре возможных пути или направления.

Первое направление (оно является первым и хронологически) ставило целью выявление общих черт у группы языков, черт, вытекающих из их генетической общности или близости. Сравнивались поэтому только родственные языки,

в основном в плане морфологического состава и лексики, так как этот метод ориентировался на слово. Последнее определило ограниченность всего подхода — сравнивались единицы и элементы систем, но метод не давал возможности сравнивать системы в целом. На этой основе сформировалось сравнительное языковедение, изучавшее исторические корни и историческое развитие языков. Конечной целью этого направления было построение типологической и генетической классификации языков.

Однако уже в процессе этой работы лингвисты убедились, что поставленная задача сопряжена с большими трудностями: обнаружилось, что даже у близкородственных языков имеются существенные различия, поскольку в процессе эволюции они теряли (и продолжают терять) одни типовые черты и приобретали новые. Например, английский и немецкий языки — ближайšie родственники, однако они различны по способу оформления основных синтаксических связей в предложении: английский язык — преимущественно аналитический, немецкий — синтетический. В то же время совершенно неродственные языки, против всяких ожиданий, обнаруживают типологическое сходство (как, например, английский и китайский языки), обычно частичное, не во всей системе. Так или иначе, становилось очевидным, что происхождение языков, их родство и их структурные типы не находятся в прямой связи

Оказалось также, что очень немногие языки являются «чистыми», гомогенными по типу образования форм по всей системе, напротив, большинство обнаруживают разные типологические признаки. Поэтому созданная в свое время типологическая классификация, ориентированная только на тип языка в чистом виде, согласно которой все языки делились на три типа — флективные, агглютинативные и изолирующие (позже, после изучения Э. Сепиром языков американских индейцев, к этим трем типам был добавлен четвертый тип — инкорпорирующие языки) — эта классификация оказалась неудовлетворительной для определения языков относительно друг друга. Небезынтересно отметить, что Л. В. Щерба считал борьбу с этой классификацией (точнее, с приклеиванием ярлыка к языку) «частной и чисто отрицательной задачей в плане создания языковых описаний» [1].

Нельзя, однако, отрицать, что сами языковые типы отражают фактическую характеристику языка, учитывают не только набор каких-то структурных и структурно-функциональных характеристик, но и их взаимодействие в системе и потому могут быть использованы как абстрактная модель, как основа для характеристики языка, для выявления в нем

тех или иных типологических черт и общей упорядоченности системы, ибо «типизация и выявление типов есть средство познания устройства или строения» языков [2].

Отсутствие прямой связи между типологической близостью языков и их генетическим родством заставило лингвистов искать причины типологического сходства в каких-то имманентных свойствах языка. Типологические исследования приобрели другую направленность — поиск прежде всего универсальных черт языков и создание типологии универсалий и лишь затем обращение к конкретному языку и поиск в нем тех или иных типологических черт. В этой конечной цели второе направление смыкается с первым. Однако первая стадия работы в этом втором направлении вылилась в самостоятельную область языкознания: установление типов универсалий и отдельных универсалий преследует целью создание системы обобщенного типа языковой структуры, которые должны помочь выявить специфические черты каждого конкретного языка. По существу это задача создания генерализованной философии языка.

Попытки генерализации самого объекта исследования, т. е. языка, велись давно, неоднократно возобновлялись на разной методологической основе. С одной стороны — это выявление общей логической, или логико-грамматической основы языка. Одной из наиболее успешных попыток такого рода было создание универсальной (рациональной) грамматики Пор-Руаяля в XVII в. французскими монахами философом Антуаном Арно и грамматистом Клодом Лансело. Универсальная грамматика исходила из существования прямой связи между языком и мыслью, а потому — из существования семантических (точнее логических) категорий, которые а priori приписывались каждому языку. Язык, таким образом, представлялся как дихотомия, состоящая из априорно-преформативной (постулатной) сферы и конкретно-формальной сферы (реализации). Первая сфера заложена в человеке от рождения — ее корни в логическом мышлении человека. Вторая сфера подлежит усвоению и реализации в практике общения.

Логическая основа языка в дальнейшем получила иную интерпретацию и освещение: либо как «общий для всех языков субстрат» (Мещанинов [3]), либо как изоморфизм языков (Уорф [4]), либо как глубинный уровень языка, или глубинная структура (Хомский и др. [5]). С развитием науки об универсалиях была создана более детальная их разработка, на разных уровнях и в разных аспектах языка. В связи с этим В. М. Солнцев ставит вопрос о частных типологиях — фонологической, морфологической, синтаксиче-

ской, — и о возможности выделения и изучения лексической и семантической типологии [2].

Помимо общности логической, сходство языков коренится в фундаментальных свойствах всякого языка как знаковой системы, в функциональном назначении языка. Однако последнее сходство так или иначе сводимо к общности логической и общности физиологической, так как функционирование языка связано с выражением и передачей мыслей и лимитировано особенностями устройства человеческого слуха и органов речи.

Сущность третьего направления в типологии И. И. Мещанинов сформулировал следующим образом: «Каждый язык представляет собой выдержанную типовую единицу» [6]. Это направление, объединяющее типологические исследования, которые преследуют цель установить специфические черты и своеобразие каждого языка, В. Скаличка назвал «характерологической типологией» [7]. Естественно, что в этом ракурсе анализ специфических черт каждого конкретного языка сводится к выявлению разных типологических тенденций, действующих в языке, и сущности их взаимодействия: на базе такого изучения систематизируются общие закономерности, определяющие взаимоотношение разных элементов языковой системы, их совместное проявление не только в плоскости одного уровня, но сильнее всего это взаимодействие реализуется именно между единицами и процессами, принадлежащими к разным уровням.

Характерологическая типология может также составить основу для типологического сопоставления языков, если выявить характеристику каждого языка в каких-то сопоставимых величинах, например в числовых индексах, отражающих основные характерные черты языка. Такой метод сопоставления языков предложил Дж. Гринберг [8].

В связи с тем, что сам язык представляет собой взаимодействие многих систем, характерологическая типология чаще ставит не столько общую задачу описания языка как сбалансированное координацию разных типологических проявлений, сколько описание частных его подсистем или уровней, где выявляются гомогенные типологические особенности [9]. Этот путь можно рассматривать как самостоятельное, четвертое направление в типологии.

В настоящей работе отправной точкой избрано третье направление, т. е. характерологическая типология одного языка, выявление основных типологических черт в его системе, их совместное проявление и взаимодействие.

Политипологичность английского языка впервые отметил Г. Суит, занимаясь некоторыми неясными проявлениями в области развития падежной флексии 's [10].

Английский язык, как любой язык, представляет собой более или менее сбалансированную систему в каждый исторический срез, в которой все типологические черты и элементы проявляются и функционируют во взаимодействии. Система эта не является идеальной, но сама ее неидеальность, как отмечают многие лингвисты [11], создает основу для постоянного развития языка в каких-то участках системы, что в свою очередь ведет к новой балансировке и упорядочению системы на следующем этапе развития.

Проявление этих закономерностей хорошо прослеживается на материале английского языка в обозримый исторический период. Так, фонологические изменения (установление четкого ударения ближе к началу слова) привели в свое время к нивелированию окончаний и к замене синтетического словоизменения аналитическим. Последнее стало возможным только благодаря параллельному с этим процессу установления относительно фиксированного порядка слов в предложении вместо относительно свободного на более ранних стадиях развития языка. Эти изменения сказались в свою очередь на словаре и на морфологической системе, в которой преобладающими стали аналитические способы словоизменения. Эти изменения в свою очередь оказались весьма существенными для морфологической системы в целом. В связи с тем, что для языка аналитического типа словоизменение реализуется вне слова, выиграли те классы слов, для которых аналитическое словоизменение наиболее приемлемо, т. е. те классы, для которых категориальные значения наиболее генерализованные, всеобъемлющие и обладают единообразной формой, легко узнаваемой в процессе коммуникации. В английском языке таким классом оказался глагол, у которого в настоящее время сложилась максимально полная система видовых и временных категорий, с преимущественным их выражением аналитическими средствами. Кроме полного набора временных и видовременных форм в английском языке существуют специальные формы «будущего в прошедшем» и формы, названные А. И. Смирницким «категорией временной отнесенности», обнаруживающие грамматическую многозначность, так как помимо собственно временного значения предшествования передают видовое значение законченности.

Максимальность глагольной парадигмы носит иногда характер избыточности, что проявляется в первую очередь

в практическом отсутствии или малой употребительности некоторых форм, а также в дублировании, в «перекрывании» категориальных значений форм друг другом. Например, значение длительности действия передается в сходных контекстах и формой Indefinite и формой Continuous (he sat и he was sitting), формой Perfect и Perfect Continuous (так называемое инклюзивное значение этих форм — he has waited for two hours и he has been waiting for two hours). Наиболее отчетливо синонимичность форм представлена в сослагательном наклонении, где формы вообще не выстраиваются в единую парадигму, а дают несколько параллельных рядов с дублированием оттенка значения нереальности. Так, условное действие может передаваться формами if he come, if he came, if he had come, should he come. Желательное действие выражается формами he knew, he had known, he were, he should come, he may (might) come. С другой стороны, одна и та же форма может выражать разные значения гипотетического действия в зависимости от структуры предложения (фразосхемы) [12]. Так, he should come выражает необходимость (It is necessary that he should come), сомнение (We feared lest he should come); побудительность (I order that he should come) и т. д.

Нечеткость границ между парадигмами еще более очевидна в отсутствии четкого разграничения парадигматического и синтагматического значения, т. е. в совпадении категориальных форм и синтаксических форм. Так, пассивные формы структурно тождественны именному сказуемому, и в смысловом плане (даже в контексте) эти формы не всегда четко дифференцируются, в противоположность немецкому языку, где эти формы разграничены употреблением разных глаголов (werden — в пассиве и sein — в именном сказуемом). Некоторые формы сослагательного наклонения структурно тождественны модальному сказуемому, а также видо-временным формам Past Indefinite и Past Perfect. В последнем случае выявляется структурная тождественность двух парадигматических форм. В связи со всеми этими совпадениями формы сослагательного наклонения обретают категориальную однозначность только в определенных синтаксических условиях (фразосхемах) — при наличии определенных союзов, определенной структуры предложения, определенных обстоятельств, свидетельствующих о смещении временного плана и нейтрализации основного временного значения (например, if he stayed with us *now*).

В противоположность собственно глагольным категориям, характеризующим характер протекания действия, глагольные категории, ориентированные на другой класс (на имена),

т. е. категории лица и числа, не получили аналитического развития и потому представлены реликтами распавшейся системы отражения — окончанием 3 лица единственного числа и окончанием множественного числа. Недостаточность этих форм для целей коммуникации в целом компенсируется возросшей ролью местоимений при осмыслении категории лица. Очевидно с этим связана также общая особенность строя английского предложения, которое не дало бесподлежащей модели. Для прилагательных, после утери ими форм согласования (т. е. категорий числа, рода, надежда), сохранились только формы сравнения (с некоторым сомнением у лингвистов, считать ли их формами словоизменения или словообразования; те же сомнения относятся и к формам сравнения у качественных наречий). С другой стороны, с утерей флексий установилась строгая функциональная дифференциация на атрибутивные и предикативные прилагательные по значению. Так, возможно словосочетания *utter darkness*, но невозможно **The darkness was utter*, аналогично, возможно *top boy*, но невозможно **The boy was top*. Иногда в разных функциях оказываются закрепленным разные значения прилагательных — *the right girl, the girl was right*.

Бедность флексиями у имен объясняется спецификой аналитического строя. Для аналитического языка существенно, чтобы слово «не обростало» флексией. Глагол как раз и удовлетворяет этому условию со своей способностью выражать категории вне слова, «не обрастая» флексией. Для существительного этот способ мало приемлем (ср. немногочисленные аналитические способы выражения признака пола в образованиях типа *she-goat, he-goat, tommy-cat, pussy-cat*), так как при полифункциональности существительных это бы сильно усложнило общую схему предложения. Что касается склонения, то аналитический способ выражения падежных отношений с помощью предлогов также не дал (и не может дать) четкой системы, так как сами предлоги являются многозначными, а потому полифункциональными, и в выборе того или иного предлога чаще играет роль не столько содержание отношений, сколько законы сочетаемости — с глаголом или существительным. В лучшем случае может наблюдаться закрепление предлогов для выражения части падежных отношений (как это и произошло с предлогом *of* — для выражения отношений родительного падежа, предлогом *to* — для выражения отношений дательного падежа).

* Звездочка обозначает неграмматическое построение.

Наиболее сложным и запутанным вопросом в системе английского языка является сущность и функциональный статус форманта *-s*, который называют также родительным или притяжательным падежом. Не ясно прежде всего, почему из четырех синтетических падежных форм в древнеанглийском языке выжила только эта форма, хотя для выражения отношений родительного падежа параллельно с ней развилась аналитическая форма с предлогом *of*, почти всегда вполне адекватно заменяющая флексию. Впервые этим парадоксальным лингвистическим дуализмом заинтересовался Г. Суит. Он обратился к сопоставлению современной синтетической формы выражения падежных отношений *-s* и аналитической формы с предлогом *of* с историческими данными об использовании родительного падежа. Как известно, существительные в родительном падеже в древнеанглийском не обязательно были в препозиции к определяемому слову, по типу *My friend's books*, возможны были также конструкции по типу, который не сохранился в современном английском языке, но имеется в немецком и русском языках: «*die Bücher meines Freundes*» и «книги моего брата». Результаты сопоставления убедили Г. Суита, что формант *-s* сохранился только в тех случаях, когда в соответствующей конструкции в древнеанглийском языке слово в родительном падеже предшествовало определяемому существительному. В тех же случаях, когда порядок слов был иным, обратным, произошла замена на аналитическую форму с предлогом *of* [10].

Дальнейшее становление и функциональная эволюция этой формы находится в полном соответствии с утвердившейся позиционной характеристикой. Происходит обеднение в передаваемых отношениях — утеряно партитивное значение, ограничено объектное значение, так как их выражение было связано с обратным порядком следования: определяемое — определяющее. Происходит также сужение сферы применения — формант *'s* начинает преимущественно употребляться с одушевленными существительными и фактически только с существительными в единственном числе, поскольку формы *boy's* и *boys'* звучат идентично, и различие между ними чисто зрительное, графическое [13].

С другой стороны, формант *-s* начинает выполнять функции, не свойственные падежной флексии. Он широко используется для оформления атрибутивной функции существительного, а также слов других классов, целых словосочетаний и предикативных единиц, например *women's college*, *today's newspaper*, *the women present's opinion*, *the man I saw yesterday's son*. Последние два примера свидетельствуют

о том, что для форманта '-s более важным является положение перед определяемым словом, чем непосредственно после определяющего.

Формант 's используется также в качестве словообразовательного аффикса (the baker's, my uncle's).

Перечисленные случаи функциональной модификации требуют решения вопроса о сущности и статусе форманта 's. Сущность явления, конечно, давно вышла за рамки падежной флексии — налицо черты универсальности у этого средства при выражении синтаксических атрибутивных отношений, вне зависимости от уровня соединяемых единиц. Здесь формант 's обнаруживает свойство агглютинативных частиц в языках этого строя. Наряду с агглютинативной сущностью наблюдается лексическая избирательность 's, связанная с сохранением одного из значений родительного падежа (принадлежности), что ставит формант 's в положение формы с несколькими статусами.

Все перечисленные случаи функциональных модификаций или транспозиций форманта 's по-видимому являются прямым следствием распада всей падежной системы, исчезновения оппозиций противопоставляемых членов. Выжившие две формы не могли закрепиться в языке как двухпадежная система в силу несоответствия их формального двучленного выражения многочленной понятийной реляционной основе. При этих условиях форма бывшего родительного падежа * могла, очевидно, выжить только при двух условиях: 1) если ее функционирование не противоречило новым строевым нормам, т. е. фиксированному порядку слов, и 2) если она могла быть переосмыслена семантически и функционально. Именно эти условия и были реализованы, и они определили историческую модификацию форманта 's.

Таким образом, и сам факт выживания форманта 's и пути его дальнейшей эволюции определились влиянием другого феномена в развитии языка — установления фиксированного порядка слов. Следует подчеркнуть, что если основной способ выражения отношений связан с расположением элементов, то это всегда говорит об изолирующих чертах в языке.

Изолирующий тип организации является доминирующим в английском языке. По данным Дж. Пирса определение индекса изолирующих свойств по методу Гринберга дало 80% (для китайского языка, который является типичным изолирующим языком, этот индекс равен 99%) и каждые

* В том, что по традиции эту форму продолжают называть родительным падежом, есть своя логика, так как нецелесообразно называть одно явление на разных стадиях его развития по-разному.

четыре слова из пяти в английском нормальном предложении можно характеризовать как изолирующую конструкцию [14].

Признание важности и определяющей роли этого свойства языка получило отражение в выделении многими лингвистами специальной области синтаксиса — позиционного синтаксиса [15].

Изолирующий тип выявляется в том, что место слова в предложении определяет его синтаксический статус и характер синтагматического взаимодействия с окружающими словами, т. е. порядок слов выполняет ту роль, которая во флективных языках выполняется флексией. Возможность такой подмены определяется взаимным функциональным перекрыванием морфологических и синтаксических средств. В формулировке В. Скалички «значение морфологических единиц — это так называемая транспозиция частью лексических, частью синтаксических единиц, что означает повторение этих значений в единицах лексики и синтаксисе, например, именительный падеж повторяет часть значения подлежащего, винительный падеж повторяет часть значения дополнения и т. д.». И далее: «В английском языке нет разницы между именительным падежом и подлежащим. . . Частная система морфологии оказывается в системе языка излишней» [16].

Аналогично выражение глагольного управления существительным в винительном падеже принимает на себя аранжировка глагол+дополнение, выражающее объект действия, выражение управления дательным падежом принимает на себя аранжировка глагол+дополнение, обозначающее реципиента действия.

Утверждение за порядком слов структурно-категориальной роли способствовало развитию еще одной особенности английского языка — размыванию границ классов слов, тенденции не различать формы слов, выступающих как разные части речи. Речь идет не об омонимах типа русских слов печь (пироги) и печь (из кирпича), а о регулярных параллельных употреблении слов, совпадающих в своей исходной форме, типа heavy — тяжелый и heavy — снаряд, head — голова и to head — возглавить и т. д. В сфере служебных слов наблюдается недифференцированность таких слов, как out, in, up, on, встречающихся в статусах предлога, наречия, послелога с одним и тем же лексическим значением (хотя и весьма общим значением). Единственным различительным критерием для них является функция.

Регулярное и широкое исследование [17] одной исходной формы в разных категориальных качествах свидетельствует

об отсутствии четкого соответствия между формальным и функциональным в английском языке, о несовпадении понятия «класс» с понятием «функция» и, следовательно, о необязательности строгого соотношения «один денотат — одно слово», так как не всегда одному слову соответствует один денотат, да еще определенного понятийного профиля.

Вопрос исторического возникновения и развития пар слов (образованы ли пары по конверсии, или это результат фонетических изменений и совпадения форм) для носителей современного языка и, соответственно, для осмысления слов не имеет существенного значения. Важно, что тенденция использовать одно слово в разных категориальных статусах приобрела характер живой продуктивной модели.

Изолирующий тип организации вызвал к жизни еще одну особенность английского языка — стирание четких функциональных границ между словом, словосочетанием и предложением. Эту особенность мы уже отмечали при перечислении функциональных модификаций форманта 's. Естественно, что вызвана она не формантом 's, формант 's лишь приспособился к новым нормам в языке.

Это свойство языка связано с той легкостью, с которой в языке образуются номинативные словосочетания. Практически любая предикативная единица с эксплицитно выраженной предикативной связью может быть сведена к номинативному словосочетанию с имплицитно намеченными предикативными отношениями, и последняя может быть использована в функции слова, например в атрибутивной функции. Это явление представляет собой структуры нанизывания, и оно получило в англистике название *compositional phrasing* [18]. Например: *The mines produce salt efficiently* → *the efficiently-salt-producing mines*.

Универсальный характер такой трансформации в языке интересен не только с позиций возможного создания грамматики номинализации [19], но также с точки зрения возникновения в языке двух параллельных систем выражения предикативных отношений: первая система — с эксплицитным формальным выражением субъектно-предикатной связи и индикацией основных актуализационных значений предикативности — модальности, персональности, темпоральности [20]; вторая система — имплицитная, где субъектно-предикатная связь не оформлена, а намечена только позицией, и основные значения предикативности не выражены. Строго говоря, выражение иерархического порядка в них отсутствует, поэтому увеличивается удельный вес лексического значения в выражении отношений и осмыслении конструкции, но даже значение слов не всегда обеспечивает одно-

значное толкование и восприятие имплицитных связей, а потому и смысла этих структур. Так «a turtle-dreaming boy» может быть осмыслено как «a boy as dreamy as a turtle», т. е. «мальчик, погруженный в мечты, подробно черепахе» или как «a boy dreaming of a turtle» — «мальчик, мечтающий о черепахе». Аналогично сочетание «girl-crazy» может значить «думающий о девочках», «безумный, дурной как девчонка».

Однако именно неоднозначность этих построений оказалась стилистически емкой, и это дало очень интересное следствие — конструкция получила широкое функционально-стилистическое использование, там, где требуется выразить смысл не до конца, не совсем эксплицитно, с целью вызвать любопытство (как, например, в газетных заголовках) или создать двусмысленность (как в приводимых выше примерах).

Вторым следствием отсутствия выраженности иерархической структуры является то, что эти цепочки нанизывания практически не лимитированы, что также используется в стилистических целях.

Наряду с изолирующими тенденциями и с еще существующими остатками флексии в английском языке наблюдаются явления, не укладывающиеся ни в одну из этих типов образования форм, а именно — происходит дальнейшее упрощение и иногда разрушение флексии (уже аналитической), превращение вспомогательных слов в своего рода аффиксы.

Мысль о цикличности развития языков неоднократно высказывалась лингвистами. Так, Веннеман считает, что развитие всех языков может быть представлено как движение от структуры «морфология + небольшое число правил грамматически функционирующего порядка слов» к структуре «порядок слов + немного морфологических правил» и снова в обратном направлении. Эту же мысль высказывает В. Н. Ярцева [21].

Разрушение аналитической флексии выявляется при сопоставлении утвердительной и отрицательной форм в будущем времени (he'll go and he won't go), где корень will уже не прослеживается, и использование полных форм he will go и I shall go воспринимается скорее как эмфатическое употребление, чем как норма. Нормой является также стирание различий лица в самих формах shall и will, should и would в стяженных формах I'll/he'll, I'd/he'd и др. Этот процесс стирания или упрощения парадигмы (если под парадигмой иметь в виду единство формы и содержания) до одного возможного варианта свидетельствует об ослаблении понятийной основы категории лица, так как последняя получает

устойчивую реализацию только в оппозиции 3 лицо единственного числа, остальные лица в обоих числах, в прочих же случаях выражение категории лица осуществляется лексически (местоимением или существительным в функции подлежащего). Поэтому для системы глагольного спряжения дифференциация shall—will не подкрепляется необходимой в таком случае регулярной парадигмой в других временных формах. Это несоответствие и вызывает разрушение формальных признаков, отбрасывание излишних форм носителя языка так же, как это имело место в падежной системе при разрушении флексии.

Аналогичный процесс избавления от аналитических форм наблюдается при опускании форм have/has в Present Perfect в различных территориальных и социальных вариантах английского языка, особенно часто с наиболее употребительными глаголами do, see, be, get и др.: I seen it вместо I have seen it [22].

Процесс отбрасывания лишних грамматических признаков наблюдается и в следующем: в вопросительном предложении во фронтальной позиции местоимению в косвенном падеже предпочитается местоимение в именительном падеже: Who(m) did you see? В основе этого явления Сепир усматривает четыре причины: 1) who/whom не относятся к классу личных местоимений, где существенно выражение разницы между формами в статусах подлежащего и дополнения; 2) как вопросительные местоимения они ассоциируются в мышлении носителей языка с неизменяемыми вопросительными наречиями where, when; 3) начальная позиция ассоциируется с неизменяемостью формы; 4) сочетание whom did фонетически неудобно [23].

Из этих четырех причин 1) и 3) фактически сводятся к более общей причине — фиксированному порядку слов (т. е. изолирующим свойствам языка).

* * *

Затронутые нами специфические черты строя английского языка свидетельствуют о наличии нескольких типологических правил выражения грамматических значений. Из них доминирующим является изолирующий способ, оказавший влияние на становление и развитие других средств и всех аспектов и уровней языка. Вторым типологическим средством выражения грамматических значений является флексия, в основном аналитическая. Черты агглютинативности проявляются только в некоторых случаях функционирования форманта 's.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Щерба Л. В. Очередные проблемы языкознания. — В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1, с. 8.
- [2] Солнцев В. М. Типология и тип языка. — Вопросы языкознания, 1978, № 2, с. 29.
- [3] Мещанинов И. И. Структура предложения. М. — Л., 1963, с. 7.
- [4] Whorf B. L. A linguistic consideration of thinking in primitive communities. — Language, thought, and reality. Selected writings of B. L. Whorf. N. Y. & Cambridge, Mass., 1956.
- [5] Chomsky N. Current issues in linguistic theory. La Haye, 1964.
- [6] Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типология систем. — Филологические науки, 1958, № 3, с. 5.
- [7] Скаличка В. О современном состоянии типологии. — Новое в лингвистике. М., 1963, т. 3, с. 28.
- [8] Greenberg J. H. A quantitative approach to morphological typology of languages. — International Journal of American linguistics, 1960, N 26.
- [9] В таком плане определяет цель типологических исследований Е. С. Кубрякова в работе «О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования» — Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 74.
- [10] Sweet H. Words, logic and grammar. Transactions of philological society, 1875—1876.
- [11] См., например: Simko J. A criterion of relationship between languages. — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 5. Jg., 1957, 2, S. 196.
- [12] Термин «фразосхемы» используется Е. И. Шендельс в работе «О сопоставительно-типологическом анализе в морфологии» — Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
- [13] Ряд грамматистов отрицает существование родительного падежа для существительных множественного числа. См., например: Kruijsinga E. A Handbook of present-day English. Groningen. 1932, v. II (2), p. 5 (Note), 8, 39, 60, 87 (if).
- [14] Pierce J. E. Toward a new typology in linguistics. — Linguistics, Mouton, 1977, N 200.
- [15] См., например: Palmer F. R. Grammar. Penguin books, 1975, p. 56.
- [16] Скаличка В. Типология и тождественность языков. — Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 34.
- [17] Подробнее см. написанный автором раздел «Части речи» в «Пособии по морфологии современного английского языка» (авторы Корнева Е. А., Кобрин Н. А., Гузеева К. А., Гессовская М. И.). М., 1974, с. 16 и след.
- [18] Hathaway B. A. A transformational syntax. The grammar of Modern American English. N.-Y., 1967.
- [19] См.: Lees R. B. The grammar of English nominalization. Bloomington, Indiana, 1966.
- [20] Актуализационная сущность этих категорий обоснована А. В. Бондарко в работе «Об актуализационных признаках предложения» — Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.
- [21] Venneman Th. Explanation in syntax. — In: Syntax and semantics. 1973, v. 2, p. 26; Ярцева В. Н. Роль традиции и инновации в типологической характеристике английского литературного языка. Типология германских литературных языков. М., 1976, с. 43.

[22] Шур Г. С. О двух особенностях перфекта в современном английском языке, их типологии и социолингвистических причинах их возникновения. Типология германских литературных языков. М., 1976.

[23] Sapir E. Language: an introduction to the study of speech. N. Y., 1921, p. 156—160.

Л. В. КОМИССАРОВА (Иркутск)

НЕМЕЦКИЕ СОСТАВНЫЕ ТЕРМИНЫ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Опыт статистического анализа)

В ходе научно-технической революции, оказывающей огромное влияние на развитие всех наук, усиливается внимание к исследованию научно-технических текстов. Центральной лексикологической проблемой при исследовании научно-технической речи является проблема термина (определение термина, соотношение термина и его формы, соотношение термина и общепринятого слова и т. п.) и терминообразования (различные способы создания новых терминов, построение терминологических систем и др.).

Один из важнейших вопросов, непосредственно связанный с названными проблемами, сопоставление терминологических единиц в разных языках. Своеобразие этого вопроса заключается в том, что он, с одной стороны, относится к сфере терминологии, с другой стороны, входит в круг наиболее актуальных проблем современной лингвистики, придающей большое значение сопоставлению двух (или нескольких) родственных (генетически родственных) или неродственных языков.

В настоящей статье обобщается опыт статистического анализа двуязычного специального словаря по электротехнике [1]. Выбор данного подязыка обусловлен ведущей ролью этой области знания в современной науке. Терминология электротехники, а также других наук, получивших развитие на ее основе (радиотехники, электроники и т. д.) широко используются в общелитературном языке.

Объект нашего исследования — составные термины немецкого языка и их эквиваленты в русском языке. В немецком языке в качестве составных терминов выступают сложные слова и словосочетания, тогда как в русском языке эту роль выполняют в основном словосочетания, а сложные слова занимают промежуточное положение между простыми и составными наименованиями. Неодинаковое деление лексического состава терминологии в немецком и русском языках

обусловлено спецификой сопоставляемых языков, а именно — различием в использовании языковых средств и способе создания новых терминов (в немецком языке ведущим является словосложение, в русском — сочетание слов). Изучение указанных терминологических единиц представляется важным по следующим причинам: во-первых, они наименее изучены по сравнению с простыми терминами, во-вторых, представляют значительную часть терминологической лексики и, в-третьих, что особенно важно, — это единицы, обладающие высокой информативностью и характеризующиеся сложностью грамматической структуры и логического содержания.

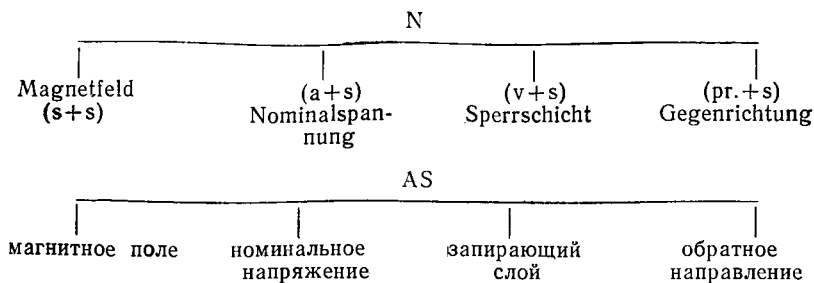
В результате анализа указанного словаря (около 60 тыс. терминов) выделено 37 811 составных терминов, которые составляют 63% от общего количества терминов. Все составные термины в немецком языке делятся на две группы: 1) цельноформленные единицы — сложные слова — 32 179 (85,6%); 2) раздельноформленные терминологические единицы — словосочетания — 5032 (14,4%). Как показывают количественные данные, сложные слова-термины представляют собой группу терминов, которая превосходит по количеству словосочетания — термины [2; 3]. Рассмотрим названные группы в отдельности.

При сравнении составных терминов — сложных слов с их русскими эквивалентами обнаруживаются расхождения прежде всего в структуре. Так, немецким сложным словам, образованным по различным моделям, соответствуют 36 структурных типов русского языка. Из них 35 составляют русские словосочетания, и один тип — цельноформленные единицы русского языка. Эта неизоморфность свидетельствует о различиях в плане выражения сложных понятий в сопоставляемых языках и об огромных возможностях (емкости, информативности, компактности и т. п.) немецких сложных слов терминологического смысла.

Такое типичное соответствие «немецкое сложное слово — русское словосочетание» позволило условно разделить все сложные слова-термины на а) «формальные» сложные слова, т. е. те, которые соотносятся с русскими словосочетаниями, и с позиции русского языка ближе стоят к словосочетаниям, чем к словам; б) «истинные» сложные слова, которым соответствуют русские корневые, производные и сложные слова. При сопоставлении сложных слов с их русскими эквивалентами сложные слова не разбивались на группы по типу образования, так как учет морфологического строения не имеет значения для русских эквивалентов. В последних используются части речи, необходимые для обозначения какого-

либо понятия. В этой связи можно привести пример, показывающий, что немецкому сложному слову, первым компонентом которого являются разные части речи, соответствуют словосочетания русского языка со структурой AS «прилагательное/причастие + существительное».

Схема 1

Примечание*. Условные обозначения: А — имя прилагательное, S — имя существительное, N — сложное слово, а, v, s, pr — компоненты сложного слова (основы прилагательного, глагола, существительного и предлог).

Большинство русских эквивалентных словосочетаний построено по определенным моделям и совпадает с моделями составных терминов исследуемой области знаний. Наиболее употребительными и продуктивными соответствиями в двух языках являются девять эквивалентных пар, которые покрывают в словаре 91,1% всех немецко-русских соответствий, а двуязычная модель N — AS представляет большинство среди сопоставляемых терминов (см. табл. 1). В реальных научно-технических текстах зафиксированы только указанные типы соответствий русского языка. Это свидетельствует о том, что немецкое сложное слово имеет определенное количество регулярных эквивалентов в русском языке, в которых словосочетания со структурой AS и SS стоят на первом месте.

Охарактеризуем кратко лишь основные черты эквивалентов немецких сложных слов-терминов. Самыми распространенными являются русские атрибутивные словосочетания типа «прилагательное/причастие + существительное» (AS). Сходство между сопоставляемыми единицами проявляется здесь в том, что определение в форме первого компонента имеется как в сложном слове, так и в атрибутивном словосочетании. Сюда относятся также некоторые сложные слова, состоящие из трех компонентов, которые включают так называемые «истинные» сложные слова: *Wärmegleichgewicht* — 'тепловое равновесие', *Diodenstromkreis* — 'диодная цепь'.

Сравнительная характеристика немецких составных терминов и русских эквивалентов

Немецкие составные термины	Русские эквиваленты	Двуязычная модель	% соотношение
Magnetfeld	Магнитное поле	N→AS	43,2
Potentialdifferenz	Разность потенциалов	N→SS	17,0
Anodenstromanhebung	Увеличение анодного тока	N→SAS	7,2
Festkörperkristal	Твердое кристаллическое тело	N→AAS	6,3
Katodenbasisschaltung	Схема с общим катодом	N→SPrAS	4,6
Stromflußphase	Период протекания тока	N→SSS	3,4
Amplitudenbegrenzung	Ограничение по амплитуде	N→SPrS	3,0
Lichtmesser	Фотометр	N→W	3,0
Endverstärkerstufen	Выходные каскады усиления	N→ASS	3,0

Иногда возможны два варианта соответствий, например, AS и SS: Anodenstrom — ‘анодный ток’ и ‘ток анода’. Предпочтение при переводе отдается, как правило, первому варианту, так как модель AS наиболее характерна для русского языка.

Вторая по численности и употребительности эквивалентная пара N→SS, где немецкому сложному термину соответствуют субстантивные словосочетания «существительное+существительное (род. пад.)». Здесь используются также преимущественно двухкомпонентные сложные слова: Quellen-spannung — ‘напряжение источника’, а также композиты, в состав которых входят «истинные» сложные слова: Leit-fähigkeits band — ‘зона проводимости’, Metalloberfläche — ‘поверхность металла’. В этой паре структур двух языков при сохранении отношений «определение — определяемое» наблюдается расхождение, проявляющееся в порядке следования компонентов.

Двуязычная структура N→W, где немецкому сложному слову соответствуют корневые, производные и сложные слова, составляет 3,0%. Наибольшее количество соответствий составляют пары «немецкое сложное слово — русское сложное слово». Интересным представляется тот факт, что здесь проявляется сходство немецкого и русского языков в способности образования сложных слов с первым компонентом — интернациональными словами, которыми могут быть: Elektro — (электро), Auto — (авто), Energie — (энерго)

и др.: Autoresonanz — (авторезонанс), Phonovision — (видео-телефон).

В немецких сложных словах первыми компонентами наряду с заимствованными словами выступают немецкие слова, которым в русском языке соответствует иноязычная лексика, что делает русское наименование более терминологичным: Funkbetrieb — 'радиосвязь', Selbstblockung — 'автоблокировка'.

Обратимся к рассмотрению второй группы составных терминов — словосочетаний немецкого языка в сравнении с их русскими эквивалентами. В подъязыке электротехники было выделено семь типов словосочетаний (всего 5632), среди них со структурами:

- AS (aufgelegte Spannung) — 87,5%;
- SS (Anspringer der Spannung) — 4,9%;
- SPrS (Einschaltung auf Kurzschluß) — 4,0%;
- SPrAS (Bildröhre mit scharfen Ecken) — 1,7%;
- AdvAS (schlecht zentrierter Anker) — 1,4%;
- AAS (piezoelektrischer umgekehrter Effekt) — 0,3%;
- SAS (Filter hoher Selektivität) — 0,2%.

Процентное соотношение указанных моделей свидетельствует о том, что типы словосочетаний, используемые в качестве составных терминов, распределяются весьма неравномерно. Самой многочисленной группой терминов являются словосочетания со структурой AS «прилагательное/причастие + существительное» и составляют 87,5% от всех терминов — словосочетаний. На остальные шесть типов приходится 12,5%. Следовательно, в научном стиле немецкого языка наибольшее распространение и употребление находят атрибутивные словосочетания с препозитивным определением. В этом также проявляется сходство с русским языком, в котором словосочетания такого рода по продуктивности и количеству стоят на первом месте по сравнению с другими структурными моделями словосочетаний. Однако немецкие словосочетания — термины не имеют такого разнообразия моделей, как русские словосочетания и не употребляются так широко, как немецкие сложные слова.

Немецкие составные термины, образованные по модели AS, соответствуют в русском языке 23 видам русских словосочетаний. Наибольшее количество этих терминов эквивалентны терминам с изоморфной структурой, покрывающей 71,5% всех эквивалентов этого типа. Отношение атрибутивности между компонентами немецких и русских словосочетаний большей частью не нарушаются. Основные расхождения в структуре этой группы терминов связаны с тем, что

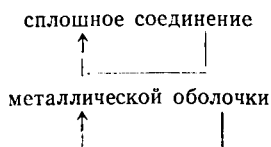
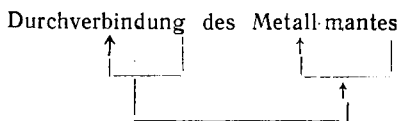
в русском словосочетании содержится часто больше компонентов, чем в немецком:

Увеличение количества компонентов дает возможность более точной дифференциации понятия с целью указания его наиболее существенных качеств. Однако здесь наблюдается некоторое противоречие между такими требованиями к термину, как четкость и краткость.

Сопоставление составных терминов, представляющих словосочетания с определением — именем существительным в родительном падеже и их эквивалентов, показывает, что в большинстве случаев (43,2%) они передаются на русский язык также субстантивными словосочетаниями типа SS. Появление других эквивалентных словосочетаний здесь закономерно, так как связано с вхождением в эту группу терминов со структурой N, поэтому возможны соответствия с определениями, выраженными именами существительными, прилагательными и причастиями (SSS, ASS, SAS). Одной из причин появления таких терминов в исследуемом подязыке является возможность избежания слишком громоздких сложных слов.

Если посмотреть на словосочетания — термины с позиции русского языка, то обнаруживается, что они эквивалентны в основном субстантивным словосочетаниям (или атрибутивно-субстантивным), состоящим в русском языке из большего количества компонентов:

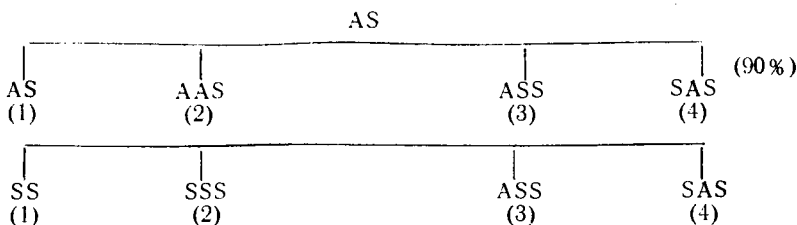
Разложение терминов на ЛНС (несмотря на структурное различие) показывает сходство в их содержании. Так, русский эквивалент ASAS состоит практически из двух смысловых отрезков, представляющих собой расширенную структуру SS (с определениями, выраженными именами прилагательными).

Проведенный структурный анализ немецко-русских соответствий составных терминов — словосочетаний показывает, что каждый вид терминов немецкого языка имеет определенные соответствия в русском языке.

В каждой группе терминов выделяются несколько характерных структурных соответствий для данной модели, например, для немецких терминов со структурой AS наиболее типичными являются первые четыре структурных типа словосочетаний русского языка, покрывающие 90% всех немецко-русских эквивалентов (остальные 19 составляют 10%).

Типичные соответствия рассмотренных составных терминов немецкого языка и их русских эквивалентов можно представить в виде следующей схемы:

Схема 2

Примечание*.Вершину схемы соответствий составляют модели немецких словосочетаний (AS и SS). Внизу располагаются русские эквиваленты, цифрой при этом отмечается последовательность эквивалентных моделей в зависимости от количества. В скобках указано процентное отношение эквивалентных моделей от общего количества терминов данной группы.

Наибольшее совпадение структурных моделей наблюдается в самой многочисленной группе терминов — словосочетаний со структурой AS.

Краткое рассмотрение составных наименований в немецком и русском языках показывает, что а) высокая степень употребительности сложных слов немецкого языка и словосочетаний русского языка для выражения составного наименования является важной типологической характеристикой исследуемых языков; б) характерной чертой внешней формы составных терминов является тенденция к синтетизму в немецком и к аналитизму в русском языке; в) в плане содержания русские термины отличаются большей специализацией и дифференциацией понятий, чем немецкие, которым свойственна большая широта и меньшая специализация.

Суммируя все сказанное о составных терминах немецкого языка в сопоставлении с русским языком, изобразим составные термины в двуязычной ситуации в виде таблицы 2 с указанием количественных данных, полученных в результате анализа I. Приведенная таблица представляет, таким образом, общий вид немецко-русских эквивалентов сложных слов и словосочетаний в подязыке электротехники. Подобное соотношение составных терминов будет наблюдаться, по всей

вероятности, и в других подъязыках научного стиля, поскольку терминологическая лексика разных подъязыков создается аналогичным образом в соответствии с закономерностями строя того или иного языка.

Таблица 2

Немецко-русские эквиваленты сложных слов и словосочетаний *

№	Немецкие составные термины	Немецко-русские соответствия	Примеры	Количество	%
1	Сложные слова ССТ	ССТ — ТС	Gleichstrom — переменный ток	31196	96,8
		ССТ — ССТ	Lichteffekt — фотоэффект	849	2,7
		ССТ — ПС	Kenlinie — характеристика	125	0,34
		ССТ — КС	Stromkreis — цепь	19	0,06
Всего				32179	100
2	Словосочетания ТС	ТС — ТС	Elektrisches Feld — электрическое поле	5542	100
		ТС — ССТ	Elektrische Karrotage — электрокаротаж	90	1,67
		Всего			

Примечание *. Условные обозначения: ССТ — сложные слова-термины, ТС — терминологические словосочетания, ПС — простые слова, КС — корневые слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Немецко-русский электротехнический словарь. М., 1973.

[2] Подробно о сложных словах-терминах см.: Л. В. Комиссарова. О составных терминах немецкого языка. — В сб.: Моделирование языка и машинный перевод. Иркутск, 1979; е е же: Структурно-семантическая характеристика немецких составных терминов — сложных слов. — В сб.: Моделирование языка и машинный перевод. Иркутск, 1979.

[3] Сальман С. Структурно-семантическая характеристика русских электротехнических терминов и способы их перевода на арабский язык. Автореф. канд. дисс. Л., 1972.

БЫТИЙНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В системе простого предложения современных немецкого и русского языков значительное место занимают номинативные односоставные предложения, ядро которых образуют бытийные односоставные предложения (БОП). Эти структуры представляют собой, по мнению многих лингвистов, типологически самостоятельную модель простого предложения, структурно организуемую именем существительным в именительном падеже при поддержке предикативной интонации, типовым (обобщенно-грамматическим) значением которого является утверждение бытия, наличия, существования предмета [1]. Будучи составной частью общей системы простого предложения, БОП должны быть изучены не сами по себе как окказиональные образования, а на основе и с позиций этой системы. Рассмотрение моделей БОП немецкого языка на фоне соответствующих моделей русского языка позволит лингвистически более четко выделить специфические закономерности их структуры и семантики, а в методическом отношении поможет прогнозированию ошибок русских учащихся при обучении их немецкому языку.

Ср. следующие примеры: *Heuernte.* (Strittmatter, 311); *Frühherbst.* (Ibid); *Зима, горы, пустая палуба!* (К. Паустовский); *Мглистое, туманное утро* (Правда, 14.06.75).

Наблюдения над развитием и оформлением бытийных предложений в сравниваемых языках убеждают в том, что эти структуры переживают сейчас бурный количественный и качественный рост, укрепляются как продуктивные модели простого предложения, расширяют сферу своего употребления. Значительные изменения претерпевает синтаксическая структура этих предложений, что проявляется, в частности, в усложнении форм и способов распространяемости главного члена, его синтаксических связей с второстепенными членами. Большое влияние на структуру оказывают все расширяющиеся возможности лексического наполнения основных моделей и, в первую очередь, лексического выражения главного члена. В настоящей статье мы остановимся на некоторых структурно-семантических особенностях БОП, иллюстрирующих сходные и различительные черты сравниваемых структур.

Анализ фактического материала позволяет констатировать наличие важных черт сходства немецких и русских БОП. Это прежде всего совпадение их обобщенно-граммати-

ческого значения, а также основных конструктивных особенностей моделей.

Наиболее частотным типом конструктивного минимума БОП является модель нераспространенного бытийного предложения, содержащего лишь главный член (см. вышеприведенные примеры), которую схематично можно представить следующим образом:

$$KM_1 = \Gamma_{им},$$

где КМ — конструктивный минимум предложения, Γ — главный член, им — именительный падеж.

Важно отметить большую распространенность таких структур в немецком языке, поскольку в этом языке весьма употребительны сложные имена существительные, часто соответствующие в русском языке атрибутивным сочетаниям, ср.: *Früherbst. Hauptbahnhof. Ранняя осень. Главный вокзал.*

Основным распространителем БОП является определение, которое не представляет собой однако однородную категорию в семантико-синтаксическом аспекте. Связи определения с главным членом могут быть различными, более или менее тесными, что диктует необходимость дифференцированного подхода к соответствующим моделям БОП. Языковые факты свидетельствуют о том, что имеются определенные лексические ограничения, накладываемые на слова, выступающие в роли главного члена БОП. В самом общем виде мысль о зависимости лексического наполнения бытийных предложений от их синтаксической структуры была высказана Н. Ю. Шведовой в связи с изучением ею детерминантов простого предложения. Отмечая, что не каждое слово может стать главным членом бытийного предложения в условиях его нераспространенности, Н. Ю. Шведова показывает, что при контекстуальной поддержке эти ограничения могут исчезнуть [2]. Таким контекстуальным условием могут стать определения к главному члену, помогающему ему сформировать типовое по смыслу и структуре БОП. Эти определения мы будем условно именовать облигаторными, учитывая их важную роль в оформлении конструктивного минимума. Для примера приведем БОП с определением, обозначающим признак исчисляемого понятия при количественной мере, ср.: *Stöße von Büchern. (Kellerman, 140). Груды книг.*

Элиминация такого определения в условиях изоляции предложения от контекста ведет к утере им смысловой и структурной законченности (*Stöße. Груды*). Таким образом, как немецкие, так и русские БОП могут иметь и другой тип конструктивного минимума:

$$KM_2 = \Gamma_{им} + A_0,$$

где A_0 — облигаторное определение.

В то же время большинство определений при главном члене служат лишь факультативному распространению предложения и имеют обычный статус определения, как второстепенного члена, не входящего в состав КМ предложения, ср.: *Dopnerndes Gebrüll* (Remarque, 92); *Galante Zeremonien* (Strittmatter, 175); Ночь. Редкая тихая ночь (С. Баруздин).

Наряду с отмеченными структурными параллелями необходимо указать на целый ряд различий в синтаксическом построении БОП немецкого и русского языка, что обусловлено специфическими закономерностями их строя. Здесь следует прежде всего остановиться на так называемых генетивных БОП русского языка, к которым относятся некоторые утвердительные и все отрицательные модели. Конструктивный минимум утвердительных генетивных БОП формируется именем существительным в родительном падеже, которое выполняет роль главного члена, ср.: *Смеху! Шуму!* [3]. В структурно-осложненных вариантах появляются различные частицы: *Ну и народу! Вот смеху-то!*

Типовое значение этих БОП осложнено дополнительными смысловыми оттенками. На бытийное значение в этих случаях наслаивается добавочное количественное значение большого количества, являющееся грамматическим, поскольку оно имеет конструктивное формальное выражение. Таким образом, в русском языке в отличие от немецкого имеется особая модель БОП, которую условно можно обозначить следующим образом:

$$KM_3 = \Gamma_{\text{род}}$$

где $\Gamma_{\text{род}}$ — главный член, выраженный именем в родительном падеже.

В этих предложениях русского языка наблюдается отход от принципа номинативности предложения, имеет место параллелизм именительного и родительного падежей в форме главного члена. В немецком языке таких построений не наблюдается, что несомненно связано с более строгой обязательностью осуществления принципа номинативности предложения, согласно которому подлежащее, а также главный член БОП оформляются преимущественно именем существительным в именительном падеже.

Аналогичная структура конструктивного минимума наблюдается в отрицательных БОП русского языка, главный член которых выступает в форме родительного падежа в сочетании с отрицательным словом *ни*, ср.: *Ни души. Ни облачка* [4].

Отрицательные БОП немецкого языка, в отличие от соответствующих структур русского языка, сохраняют форму

именительного падежа имени существительного в роли главного члена, т. е. номинативность предложения, ср.: *Kein Laut* (Kellermann, 156).

Возможно этим объясняется их широкая распространенность в немецком языке: почти все утвердительные БОП имеют соотносительные отрицательные варианты, чего нельзя сказать о русском языке.

Другой отличительной особенностью русского языка является наличие в нем особой структурной разновидности БОП, осложненной препозитивной частицей *вот*, ср.: *Вот мельница*. Следовательно, можно отметить еще одну разновидность конструктивного минимума бытийного предложения в русском языке:

$$KM_4 = V_{от} + Г_{им}$$

В русистике эти структуры традиционно именуются бытийными с указательным значением [5]. Они характеризуются дополнительным смысловым оттенком указательности, который появляется в обстановке обнаружения говорящим предмета, бытие которого им утверждается.

В немецком языке бытийные предложения с аналогичным осложненным значением структурно не отличаются от обычных БОП, их смысловое своеобразие проявляется на основе показаний большого контекста, поскольку указательный оттенок не получает специального формального выражения, ср.: «*Fußspuren*». Schröder blieb stehen...» (Reporter, 6) (Следы ног. Или: Вот следы ног.)

Лишь в отдельных случаях можно усмотреть формальное выражение подобного оттенка с помощью локального наречия *hier*, употребляемого при главном члене, но эти построения структурно уже нельзя назвать типичными бытийными предложениями, ср.: «*Hier Wasser, Vater!*» (Meinck, 92). Вот вода, отец.

Однако в большинстве таких структур немецкого языка вполне четко проявляется чисто локальная семантика такого наречия, ср.: «*Hier Christa Müller, wer spricht denn dort?*» (Uhse, 260).

В подобных построениях немецкого языка напрашивается их иная трактовка, а именно, как двусоставных неполных предложений, сказуемое которых репрезентировано локальным обстоятельством. Такое понимание учитывает высокую степень глагольности немецкого предложения в отличие от русского предложения, чаще допускающим отступления от глагольности.

Анализируя синтаксическую структуру БОП в сравниваемых языках нельзя не отметить, что русские БОП обладают способностью иметь формы ирреальных наклонений, выра-

жаемые синтаксическими средствами, ср.: Пускай боль. Если бы снег. Лишь бы тишина [6]. Для русского языка вообще характерно присутствие различных, в том числе и модальных, частиц при отдельных словах в предложении, ср.: Я бы поел. Пойти бы в театр. В театре бы побывать [7]. Таким образом, в арсенале русского предложения имеются синтаксические средства модальности, использование которых возможно как в двусоставных, так и в односоставных предложениях.

В немецком языке основным выразителем модальных значений является глагол, присутствие которого в предложении в большинстве случаев необходимо. Поскольку характерной чертой БОП считается типологическое отсутствие глагольной финитной формы, выражение модальных и темпоральных значений возможно иными средствами, которые однако значительно меньше распространены в немецком предложении в сравнении с русским. Лишь в редких случаях немецкие БОП сопровождаются модальными словами, относящимися ко всему предложению в целом, ср.: *Keine Faulenzerei, natürlich* (Strittmatter, 228); *Ein fürchterlicher Knall vielleicht...* (Becher, 8)

Однако такие случаи весьма редки. Указанная особенность русских БОП диктуется своеобразием грамматического строя данного языка и, в частности, приоритетом аналитических средств в выражении модальных значений.

Весьма актуальным и вместе с тем дискуссионным является вопрос о возможности наличия в БОП особого члена предложения — детерминирующего обстоятельства (термин Н. Ю. Шведовой) [8]. Согласно теории Н. Ю. Шведовой детерминирующее обстоятельство (ДО) может выступать как в дву-, так и в односоставных предложениях. Этот член предложения может включаться также и в состав номинативного предложения, детерминируя все предложение в целом. Так, детерминирующее обстоятельство можно усматривать, например, в следующих случаях: *Überall Schreibpapier, Bücher* (Kellermann, 378); *Plötzlich eine Gesteinwand* (Ibid) *...ringsum Gefangene* (Noll, 540); *Dort ein kleines Dörflein* (Ibid). Повсюду бумага, книги. Вокруг поля. Вдруг стена. Сегодня жара.

ДО находится здесь в препозиции, оно выражено наречием с локальной или темпоральной семантикой. Традиционно подобные предложения в немецком и русском языках определялись как безглагольные неполные двусоставные предложения, так как в них предполагался эллипс глагола-сказуемого [9]. Однако такое решение не вполне учитывает реальные закономерности структуры простого предложения

в сопоставляемых языках и не подтверждается структурно-семантическим анализом. Отсутствие в этих структурах глагола-сказуемого не диктуется конситуативными условиями, не лишает предложения их смысловой законченности. Глагольное сказуемое может быть восстановлено, исходя из общего содержания предложения и с опорой на наличествующие его члены. Но это «восстановление», как правило, не требуется. Тем не менее разбираемые построения по-разному воспринимаются в рамках синтаксической системы конкретного языка.

Так, для русского языка введение в такие предложения глагола-сказуемого не всегда обязательно. Более того, оно может стать нарушением языковой нормы, ср.: Сегодня есть(?) воскресенье.

В немецком языке с его обязательной глагольностью предложения более ощутимо отсутствие глагола-сказуемого, введение которого в текст, как правило, не нарушает типовую норму предложения, ср.: *Überall ist Schreibpapier.*

Глагольность как релевантный признак системы простого предложения не может не оказать влияние на характер отдельных разновидностей, по форме отклоняющихся от типичного глагольного образца. Поэтому само появление обстоятельства уже способствует возникновению между ним и номинативом проекции предикативного отношения.

Тем не менее и в русском и в немецком языках обращает на себя внимание более или менее стабильный характер предложений с анализируемой структурой, что выделяет эти предложения из типичных случаев эллипса. Наряду с вышесказанным нельзя не отметить и другие важные синтаксические особенности данных структур, подтверждающих их бытийное значение: закономерное отсутствие личной глагольной формы, наличие логического ударения на имени существительном, содержание и расположение обстоятельственного члена. Имя существительное оказывается здесь синтаксически более весомым, чем обычное подлежащее двусоставного предложения, оно близко по своей функциональной задаче к главному члену бытийного предложения, который называет предмет, бытие которого утверждается. Обстоятельный член детерминирует номинатив по условиям проявления этого признака и выступает преимущественно в позиции, что характерно для грамматического детерминанта. Вышесказанное подтверждается трансформацией отчленения обстоятельства от предикативной основы, которую оно детерминирует:

Überall Schnee. Schnee. Повсюду снег. Снег.

Таким образом, в описываемых случаях возникает ситуация синкретичного языкового явления, характеризующегося противоречивыми признаками, сочетающимися в себе черты дву- и односоставных предложений. Отнесение этих построений к типичным двусоставным или типичным односоставным предложениям не представляется возможным как в том, так и в другом языках.

В заключение отметим, что бытийные предложения как один из типов простого предложения, представляют собой сложное синтаксическое явление как в русском, так и в немецком языках. Наряду с многими чертами синтактико-функционального сходства, они характеризуются также и чертами различия в плане структуры и семантики, что в первую очередь обусловлено особенностями их грамматического строя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 57; Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, с. 158.

[2] Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 21.

[3] Там же, с. 562.

[4] Там же.

[5] Панов А. С. Изменения в употреблении номинативных предложений. — В сб.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 75.

[6], [7] Шведова Н. Ю. Там же.

[8] Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — Вопросы языкознания, 1964, № 6.

[9] Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 56; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 45.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Strittmatter—E. Strittmatter. Ole Bienkopp. Berlin, 1969.

Kellermann—B. Kellermann. Der 9. November. Moskau, 1956.

Remarque—E. M. Remarque. Drei Kameraden. Moskau, 1963.

Reporter—Reporter an der Grenze. Berlin, 1960.

Uhse—B. Uhse. Patrioten. Berlin, 1960.

Meinck—W. Meinck. Der Herbsturm fegt durch Hamburg. Berlin, 1955.

Becher—J. Becher. Abschied. Berlin, 1959.

Jobst—H. Jobst. Ukrainische Miniaturen. BZ. 1970, N 3.

Noll—D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Berlin, 1964.

З. Ф. МИХАЙЛОВА (Новгород)

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЦЕЛЕВОГО ЗНАЧЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

К синонимическому ряду, выражающему отношения цели и выделенному по принципу функциональной синтаксической синонимии, в немецком языке относятся предложные группы, придаточные предложения цели, а также инфинитивные конструкции *um ... zu*. Данный вопрос достаточно широко исследован в советской германистике [1]. Почти все исследователи приходят к выводу, что по частотности употребления на первом месте в вышеназванном синонимическом ряду стоит инфинитивная конструкция *um ... zu*.

Хотя данные языковые средства и являются лексико-грамматическими синонимами и не случайно их называют таковыми, все же они при установлении их синонимичности находятся в несколько различных синтаксических условиях. Нельзя не обратить внимания и на то, что предложная группа и придаточное предложение цели всегда выступают в одной синтаксической функции, а инфинитивная конструкция *um ... zu* синтаксически многозначна, полифункциональна. Кроме синтаксической функции цели (в плане диахронии, являющейся первичной) инфинитивная конструкция *um ... zu* в предложении может выступать в функции обстоятельства следствия, причины, а также в функции определения, отношения к собственному высказыванию (или вводного оборота), предикатива и т. д.

Перечисленный ряд можно, вероятно, продолжить, так как инфинитивная конструкция *um ... zu* все более расширяет рамки своего употребления и увеличивает круг синтаксических функций. Если несколько десятилетий назад употребление конструкции в некоторых случаях считалось нарушением норм немецкого языка [2], то в настоящее время многие лингвисты говорят о возникновении новых синтаксических функций инфинитивной конструкции *um ... zu*. Данная языковая структура является ярким примером, доказывающим положение о том, что язык — это живая, постоянно развивающаяся система.

Так, Е. Т. Ризель и Е. И. Шендельс [3], говоря о трудностях установления синтаксического статуса и стилистических оценок некоторых языковых инноваций, приводят, в частности, примеры с инфинитивной конструкцией *um ... zu* и отмечают, что грамматики немецкого языка освещают только основные значения данной конструкции: цели, след-

ствия и модальное значение. Анализируя нижеследующие примеры: Da schreibe ich und schreibe, um es dann wieder durchzustreichen wenigstens der Seeleute gelangten in die Rettungsboote, um ein paar Tage später auf der unübersehbaren Menge salziger Flüssigkeit zu verdursten, Е. Т. Ризель и Е. И. Шендельс приходят к выводу, что инфинитивная конструкция um ... zu имеет еще два новых значения.

В первом предложении, по мнению авторов, данная инфинитивная конструкция имеет статус синтаксического словосочетания, сама же синтаксическая функция ими не называется. Во втором предложении, как утверждают исследователи, инфинитивная конструкция um ... zu является близкой к статусу предложения «satzwertig» и выступает со значением временного следования двух процессов «das zeitliche Nacheinander».

В отношении стилистической оценки инфинитивных конструкций в данных предложениях Е. Т. Ризель и Е. И. Шендельс высказывают мнение, что в первом предложении мы имеем дело с экспрессивно-стилистической окраской инфинитивной конструкции, вызывающей иронический стилистический эффект, а во втором предложении — со стилистически нейтральной формой.

На наш взгляд, и в первом предложении, и во втором инфинитивная конструкция выступает с идентичным значением, а именно, временной последовательности. Вероятно, и во втором предложении инфинитивная конструкция um ... zu имеет стилистическую нагрузку — эффект драматизации.

Как показывают многие работы по данной проблеме, критерии выделения ранее упомянутых нами синтаксических функций инфинитивной конструкции um ... zu еще недостаточно полно исследованы и точно установлены, так как в традиционной системе выделения членов предложения, все инфинитивные конструкции um ... zu отвечают на вопрос: wofür? wozu?, поэтому нужно допускать, что несовершенный качественный анализ может привести к некоторым неточностям в количественном анализе.

В русском языке, который генетически связан с немецким языком и который так же как и немецкий является языком синтетическим, существуют те же языковые средства для выражения отношения цели, что и в немецком: предложная группа, придаточное предложение цели и придаточная часть сложного предложения, указывающая на цель и вводимая подчинительными союзами: *чтобы (чтоб), для того чтобы, с тем чтобы, дабы* [4].

Мы хотели бы ограничиться наблюдениями над языковыми структурами, имеющими в своем составе инфинитивы

(инфинитивная конструкция *im ... zu* в функции цели и придаточная часть сложного предложения, указывающая на цель), а также придаточных предложений цели.

Цель, целевые отношения может устанавливать только предмет одушевленный, точнее говоря живой, деятельный субъект [5]. И потому интуитивно или сознательно (вольно или невольно), исследуя языковые явления, характеризующие целевые отношения, лингвист всегда занимался и занимается не в последнюю очередь вопросом о субъекте действия. Иными словами, при анализе языковых структур на предмет определения целевых отношений необходимо выяснить и проанализировать субъект действия.

Что касается русского языка, то здесь данный вопрос решается однозначно: «придаточные предложения цели могут соединяться с любым предложением, в котором говорится о чем-либо сознательно, активно кем-либо совершаемом» [6].

Относительно придаточной части, указывающей на цель, высказывается такая же мысль, т. е. что между придаточной частью, вводимой союзом *чтобы*, и основной (или главной частью сложного предложения) устанавливаются целевые отношения; если субъект действия — «лицо или лица» [7].

В немецком языке исследователи больше уделяли внимания определению субъекта действия основной части предложения и придаточной вообще, а не качеству субъекта — и не определению субъекта действия на предмет: одушевленность — неодушевленность.

По всей вероятности, критерий одушевленность — неодушевленность, служащий определению целевых отношений в русском языке, а также в английском [8] релевантен и для немецкого языка, а может быть, и для всех языков, принимая во внимание всеобщий характер действия диалектических законов. Итак, в языковых структурах, выражающих отношения цели, субъект действия — всегда предмет одушевленный, всегда человек.

Следующий вопрос наших рассуждений — вопрос о субъекте действия главного предложения и придаточного цели, о субъекте действия «предложения-носителя» [9] и инфинитивной конструкции со значением цели в немецком языке, а также основной части предложения и придаточной, указывающей на цель, в русском языке.

Как известно, в большинстве случаев в главном предложении и в придаточном цели, как в немецком, так и в русском, субъекты действия разные. В грамматике русского языка [10] в разделе «Сложные предложения с придаточным цели» тем не менее приводится пример, где союз *чтобы*

явно вводит придаточную часть с целевым значением, а не придаточное цели. *Я спал два-три часа днем, чтобы было легче дежурить ночью.*

Субъект действия предложения-носителя и инфинитивной конструкции *um ... zu*, а также основной части и придаточной, указывающей на цель (как в приведенном выше примере), как правило, один и тот же.

В немецком языке придаточное предложение цели вводится союзами *damit, daß, auf daß*, а инфинитивной конструкцией со значением цели является конструкция *um ... zu*.

В русском языке придаточное предложение цели и придаточная часть, указывающая на цель, вводятся одними и теми же подчинительными союзами: *чтобы, для того чтобы, с тем чтобы, дабы*.

При изучении немецкого языка, особенно в аспекте «Перевод», у студентов, для которых русский язык родной, возникают в связи с вышеназванными моментами трудности. Часто они допускают ошибки следующего характера: сложные предложения с двумя субъектами действия, т. е. сложноподчиненные предложения с придаточными цели, переводят с русского языка на немецкий при помощи инфинитивной конструкции *um ... zu*.

Для устранения и предупреждения данных ошибок необходимо проводить небольшой лингвистический анализ, главной задачей которого является, во-первых, выяснение субъекта действия подчиненного предложения, во-вторых, сравнение последнего с субъектом действия главного предложения.

Говоря выше о регулярном характере действия данной закономерности (разносубъектность сложноподчиненных предложений с придаточным цели и односубъектность предложений с инфинитивными конструкциями *um ... zu*), мы сделали оговорку — «за исключением».

Действительно, в некоторых исключительных случаях в сложных предложениях немецкого языка с придаточным цели субъект действия один — это субъект главного предложения. В подобных случаях вступает в силу стилистический момент, не входящий в круг задач настоящей статьи.

Иногда возникают трудности при переводе с немецкого языка на русский таких предложений с инфинитивной конструкцией *um ... zu*, где субъект действия инфинитивной конструкции не идентичен субъекту действия предложения-носителя. Субъектом действия конструкции выступает в данных случаях существительное в косвенном падеже: в винительном, дательном или реже родительном, стоящее в предложении-носителе [11]. Например: *Die Lehrerin schickte das Mädchen nach Hause, um der Mutter zu helfen*. Субъектом

действия инфинитивной конструкции в данном предложении могут быть слова и *die Lehrerin* и *das Mädchen*. Чтобы определить субъект действия инфинитивной конструкции, нужен контекст.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дубровская А. С. Синонимические средства выражения цели в современном немецком языке. — В сб.: Сборник научных трудов. М., 1976, вып. 103; Каннер Л. М. Обособленные инфинитивные обороты в современном немецком языке. — В сб.: Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка. Л., 1963; Кустова Н. И. Придаточные предложения цели, инфинитивный оборот с *im... zu* и предложная конструкция *zu*+существительное как лексико-грамматические синонимы в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1976; Шварц М. Б. Инфинитивная конструкция с *im... zu* и ее синонимы в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966; Фирсова Т. М. Выражение цели в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс. Ярославль, 1968; Смирнов Н. С. Инфинитивный оборот с *im... zu* и его синонимы в немецкой научно-технической литературе. Автореф. канд. дисс. Ярославль, 1973.

[2] Brinkmann H. Die deutsche Sprache (Gestalt und Leistung). Düsseldorf, 1962, S. 303—306.

[3] Riesel E., Schendels E. Deutsche stilistik. М., 1975, S. 45—46.

[4] Ермакова О. П. Словосочетания, выражающие целевые отношения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

[5] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 2, с. 102.

[6] Грамматика русского языка. М., 1960, т. 2, с. 331.

[7] Указ. раб., с. 377.

[8] Чистоедова Л. Т. Синонимический ряд конструкций, выражающих целевые отношения. — В сб.: Учен. зап. МГПИИЯ. Синтаксические исследования по английскому языку. М., 1971, с. 108—109.

[9] *Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.* Mannheim—Wien—Zürich, 1973, S. 1320—1324.

[10] Указ раб., с. 331.

[11] Bech G. Studien über das Verbum infinitum. Bd. 2. Köbenhavn. 1955, S. 102.

И. П. ПАРАМОНОВА (Ленинград)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ АТРИБУТИВНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

(На материале разговорной речи)

Сложноподчиненные предложения с определительным придаточным в немецком и в русском языках имеют немало общих черт, базирующихся как на общей понятийной основе, так и на сходной выраженности их в системе языка — в структурной и лексико-семантической организации. В парадигматике сложных предложений заключены признаки,

составляющие их типологию, которые позволяют сопоставлять сложноподчиненные предложения данного вида в немецком языке с соответствующими сложноподчиненными предложениями в русском языке.

Одним из узловых моментов характеристики сложноподчиненных предложений является их классификация. Как в германистике, так и в русистике в основу выделения сложноподчиненных предложений с придаточными различного вида был изначально положен функциональный принцип, согласно которому сложноподчиненное предложение уподоблялось простому предложению, а придаточное (определяющее придаточное) — члену простого предложения (определению). Хотя данный принцип классификации сложноподчиненных предложений давно признан в языкознании неисчерпывающим, именно он заложил базу для специальных исследований придаточных в различных языках. Среди придаточных предложений определяющие придаточные наряду с обстоятельственными придаточными пользуются наиболее устойчивым признанием в науке о языке [1].

Для полного и всестороннего исследования придаточных предложений, и для определяющих придаточных в том числе, необходимо учитывать в первую очередь их семантические и структурные особенности. Именно структурно-семантическая (семантико-структурная) классификация учитывает типологическую сущность сложноподчиненных предложений и позволяет охарактеризовать их наиболее полно и всесторонне по следующим аспектам: *к чему* присоединяется придаточная часть, *как* присоединяется (при помощи каких формально-грамматических средств) и *в каких* смысловых отношениях находятся главная и придаточная части [2]. Значительная продвинутость в изучении сложноподчиненных предложений с определяющим придаточным наметилась с исследованием характера соотношений между главным и придаточным в плане их структурной и семантической организации [3].

При описании основных типологических черт сложноподчиненных предложений с определяющими придаточными в немецком и в русском языках мы будем учитывать следующее:

1. Синтаксическую функцию придаточного предложения по отношению к главному: а) к какому члену (слову) главного предложения относится определяющее придаточное, б) как грамматически и лексически выражено определяемое — опорное слово.

2. Средства связи между главным и придаточным предложениями.

3. Смысловые отношения между главным и придаточным предложениями.

4. Порядок расположения придаточного по отношению к главному.

5. Основные структурные черты придаточного предложения.

1) Сложноподчиненные предложения с определительными придаточными входят в общую систему сложноподчиненных предложений и характеризуются парадигматически наличием подчинительной связи между главной и придаточной частями. Подчинительная связь выражается в синтаксической зависимости подчиненной части (определяющего придаточного) от подчиняющей части (главного предложения). Определительные придаточные предложения, синтаксически и структурно зависящие от главного предложения, наряду с общими для всех придаточных свойствами, имеют своеобразные, только им присущие особенности. Они касаются характера синтаксической зависимости, сущности этой зависимости, которая заключается в том, что определительные придаточные входят в состав сложноподчиненного предложения посредством зависимости от определяемого — опорного слова, от его лексико-морфологической природы. Присловная зависимость определительных придаточных предложений составляет их основное синтаксическое свойство.

Присловная зависимость определяющего придаточного реализуется в семантической и структурной отнесенности или к существительному или к местоимению главного предложения, независимо от того, какую функцию в предложении выполняет определяемое существительное или определяемое местоимение. Таким образом, в сложноподчиненных предложениях с определительными придаточными синтаксические связи между главным и придаточным осуществляются на лексико-морфологической основе [4]. Присловная зависимость определяющего придаточного координируется с присловной зависимостью определения как члена предложения [5]. Определительные придаточные входят в сложное предложение только в сочетании с определяемым (опорным словом) — существительным или местоимением, функционирующим как член предложения. Это обстоятельство дало основание ряду исследователей квалифицировать сложноподчиненное предложение с определительным придаточным как одночленное [6], нерасчлененное [7] — в русистике и как *Gliedteil-Sätze* — в германистике [8].

Основное синтаксическое свойство определительных придаточных в русском и в немецком языках одно и то же. В силу этого мы считаем целесообразным, как и в русистике, квалифицировать определительные придаточные в немецком языке под углом зрения их присловной зависимости и подразделять их соответственно на присубстантивно-определительные предложения и на местоименно-определительные предложения [9].

Присубстантивно-определительные придаточные относятся к существительному в главном предложении, независимо от его синтаксической функции в предложении, и содержат развернутую характеристику предмета, выраженного определяемым существительным, или раскрывают его признак, т. е. являются своеобразными распространителями. Грамматическая (категориальная) природа имени существительного как части речи позволяет любому существительному в немецком и в русском языках иметь при себе определительное придаточное предложение.

Was kann man auch von *einem Menschen* erwarten, der Katzen erhängt? (Kellermann, 179). Selt dem Überfall auf Rußland schreibt er dann und wann *Brieje*, die ihn zwei Tage Arbeit kosten. . . (Fallada, 298). Hans, jetzt hast du *die Ruhe*, die du oft dir gewünscht (Wolf, 38). Ищи *человека*, который этим делом с тобой займется, — воскреснешь, а то пропадешь (Розов, 519). Я представитель *завода*, куда идет ваша продукция. . . (Попов, 106). Они спят и видят *сны*, которые нам с вами не видать больше (Арбузов, 66).

Среди присубстантивно-определительных предложений выделяются изъяснительные придаточные, зависящие от ограниченного количества существительных особой семантики; изъяснительные определительные придаточные (Inhaltssätze) характеризуются аналогичными чертами в немецком и в русском языках. В своем содержании они раскрывают значение определяемых абстрактных существительных со значением восприятия, волевых и эмоциональных состояний, мыслительной деятельности, речи и под. Специфическая семантика определительных изъяснительных придаточных обуславливает их структурные особенности.

Noch nie habe ich auf all diesen Karten *einen Hinweis* gefunden, daß er seine Nachrichten aus dem Radio gezogen hätte (Fallada, 307). Hans, ich gebe noch immer nicht *die Hoffnung* auf, daß du dich mit den Jahren zum Menschen entwickelst (Daheim, 308). . . а душа у нее трепещет от сладкой *надежды*, что у нее-то, у нее-то все будет не так, как говорят другие (Симонов, 51).

По своему содержанию изъяснительные определительные придаточные коррелируются с изъяснительными дополнительными придаточными, зависящими от глаголов-сказуемых той же семантики.

Приместоименно-определительные предложения (которые в русистике некоторыми языковедами причисляются к местоименно-соотносительным придаточным предложениям [10]) конкретизируют значение или раскрывают содержание опорных слов — указательных, определительных, отрицательно-неопределенных и других местоимений. Приместоименно-определительные придаточные не могут считаться распространителями опорных слов, так как они восполняют лексическую малознаменательность синсемантических определяемых местоимений [11]. Местоимения, конкретизируемые определительными придаточными, имеют различную семантику. Наиболее употребительными среди них являются местоимения с предметным и качественным значением, — по своей природе соотносимые с классом существительных и прилагательных. В немецком языке это местоимения: *der, die, das, einer, keiner, jemand, niemand, jeder, etwas, alles, nichts, einige, viele, alle, manche, (ein) solcher* [12]. В русском языке — *тот, та, то, те, кое-кто, этот, каждый, ничто, все, всякий, любой, такой, такое, такие*.

Dem, der nicht kämpft, kann nichts geschehen (Brecht, 347). *Das ist einer, von dem wir nicht seinen Namen wissen* (Brecht, 148). *Aber ich habe jemanden gefaßt, der die Karten verteilt hat* (Fallada, 201). *Ich will alles tun, was du sagst* (Fallada, 215). Как мы ненавидим *тех*, кто лжет (Розов, 510). *Всех*, кто сюда приезжает, сначала охватывает безудержное отчаяние... (Попов, 60). И это *все*, что он рассказал про меня? (Симонов, 50). Иногда годами думаем о женщинах, что они не *такие*, какие нам были нужны! (Симонов, 37).

2) Средствами связи главного и придаточного предложений в сложноподчиненном предложении с определительным придаточным являются относительные местоимения (союзные слова) и союзы. Соответственно вид подчинения может быть относительным и союзным. Самый распространенный для определительных предложений относительный тип подчинения дает основание ряду германистов квалифицировать относительные придаточные в немецком языке как относительные предложения [13]. По виду подчинения определительные придаточные в русском и в немецком языках идентичны. Различия лежат в лексическом значении некоторых союзных слов и в тех оттенках значения, которые они приносят в характер определения опорного слова.

Роль союзных слов в определительных придаточных предложениях немецкого языка выполняют относительные местоимения с корнем *d-* и *w-* *der*, (*die*, *das*), *welcher*, (*welche*, *welches*) *weg*, *was* *wo*, относительные местоименные наречия с корнем *w* — *wohin*, *woher*, *womit*, *wovon* и. а., а среди союзов наиболее употребительны *daß*, *als ob*.

В роли союзного слова в определительных придаточных русского языка выступают относительные местоимения *который*, *какой*, *чей*, *что*, *когда*, *где*, *куда*, *откуда*, *которые*, а из союзов — *что*, *чтобы*, *как-будто*.

Склоняемые союзные слова в немецком и в русском языках, анафорически соотносимые с опорным словом (существительным или местоимением) главным предложением, согласуются с ним (где это возможно) в роде и числе, чем выражают связь придаточного предложения с главным. Падежная форма союзных слов *der*, *welcher*, *который*, *какой* и др. зависит от того, каким членом придаточного предложения они являются, какую синтаксическую функцию выполняют в предложении.

Наиболее употребительными союзными словами для немецкого определительного придаточного являются *der*, *die*, *das*, для русского — *который* и *какой*. В их лексическом значении содержатся некоторые специфические оттенки. Так, немецкие относительные местоимения *der*, *die*, *das* лишь в самом общем виде выражают характеризующую функцию определительных придаточных. В этом они могут быть сопоставимы с относительными местоимениями *который*, *которая*, *которое*, *которые*, имеющими выделительно-типизирующий оттенок значения.

Er ist mein guter Freund, der mich berät, im Geschäftlichen (Brecht, 144). Он первый герой-узбек, *который* к нам после госпиталя приехал (Симонов, 46).

Русское относительное местоимение *какой* с его качественно-типизирующим оттенком значения не имеет аналогов в немецком языке среди склоняемых союзных слов, семантически оно близко немецкому несклоняемому *wie*.

Ведь нынче я совсем не похож на того Витьку Бойцова, *каким* был когда-то (Арбузов, 5). *Das würde mir Freude machen, daß ich aus einem Jungen, wie du bist, noch etwas gemacht habe* (Fallada, 351).

Среди несклоняемых союзных слов сфера употребления немецкого *wo* шире, чем у аналогичного русского *где*. *Wo* вводит определительные придаточные, соотносимые не только с существительными локальной семантики, как и русское *где*, но также еще и соотносимые с существительными темпо-

ральной семантики, а в просторечии — даже с существительными предметными и личными.

Ich bin in Gegenden gekommen, wo kein Krieg war... (Brecht, 110). Школа, где я раньше училась, юбилей справляет (Розов, 475). An den Abenden, wo... der Mond seine Bahn beschrieb (Heine) [14]. Wenn ich mit meine Kinder, wo mir verblieben sind, eine Stelle fänd, wo nicht herumgeschossen würd, mocht ich noch ein paar ruhige Jahr haben (Brecht, 178).

Русское несклоняемое союзное слово *когда* можно отчасти сравнить с немецким *da*, хотя второе значительно менее употребительно.

Почему я запомнила тот день, *когда* впервые увидела Сережу? (Арбузов, 33). ...mit einem Mann aus jener Zeit, *da* sie noch kämpften für eine bessere Zukunft (Fallada, 292).

Союзы осуществляют связь изъяснительного определительного придаточного с определяемым существительным. В этом отношении немецкий союз *daß* и русский союз *что*, как и другие союзы в этой же функции, аналогичны. В связи с особой семантикой изъяснительного предложения союзы *daß/что* могут элиминироваться без ущерба для содержания изъяснительного предложения.

Ich habe das Gefühl, *daß* ein grüner Stein unter ihren Ringen fehlt (Kellermann, 300). Какое-то чувство, *что* этот страх у меня не во лбу, а где-то в затылке (Симонов, 55). Jetzt habe ich das Gefühl, es ist heute ein schlechter Tag (Fallada, 316).

3) Смысловые отношения между главным и придаточным предложениями базируется, с одной стороны, на том, в какой мере главное предложение нуждается в придаточном и, с другой стороны, на смысловом содержании придаточного предложения по отношению к смысловому содержанию главного предложения.

Наиболее полно смысловые отношения между главным и определительным придаточным и обусловленные ими структурные характеристики обоих предложений исследовались Е. В. Гулыгой в плане автосемантики и синсемантики главного и придаточного [15]. Под тем же углом зрения рассматривались придаточные предложения в русском языке. Синсемантическая структура главного предложения и результирующая из нее необходимость придаточного предложения проявляется особенно наглядно в таких сложноподчиненных предложениях, в которых главное предложение содержит какую-нибудь синсемантическую единицу (неопределенное, указательное, отрицательно-неопределенное и другое местоиме-

ние) или выступает в качестве опорного слова или в сочетании с существительным.

Ob du den Erfolg erlebst oder *derjenige*, der an deine Stelle getreten ist (Fallada, 293). ...es war Otto Quangel, der Vater ihres früheren Verlobten, *jener* Mann, dem sie einmal das Geheimnis ihrer illegalen Organisation verraten hatte (Fallada, 287). Люди на земле должны быть счастливы. Особенно *те*, которые коммунизм строят (Арбузов, 45). И перед тобой нет даже *того* оправдания, к которому я в минуты слабости прибегаю (Симонов, 14).

Синсемантическая главная предложения вызывается также еще наличием в его составе существительных обобщенного значения, когда требуется раскрыть это значение (человек, дело, обстоятельство, Mensch, Sache, Tatsache). В немецком языке при известных контекстуальных условиях синсемантическая существительного маркируется артиклем, неопределенным или определенным.

...bei uns ist eben *ein* Mann eingeliefert worden, der mit dieser Postkartenaffäre zu tun haben soll (Fallada, 323). Ich kenne *die* Doktrin, nach der alles Elend der Welt davon kommen soll, daß der Fischer und der Arbeiter... nur seine bloßen Arme hat... (Brecht, 346).

Синсемантическая придаточного определительного имеет почти универсальный характер. Относительные местоимения, относительные местоименные наречия и союзы, служащие выражению подчинительной связи, свидетельствуют о зависимом характере придаточного как в немецком, так и в русском языках. И только бессоюзные определительные придаточные могут являться фактически автосемантическими, присоединяющимися к синсемантическим главным предложениям.

Ich habe heut noch meinen Entschluß gefaßt, ich geh mit dir oder ohne dich nach Utrecht zurück, und zwar heut (Brecht, 178).

Вне факторов синсемантии и автосемантии смысловое содержание определительного придаточного по отношению к смысловому содержанию главного предложения может иметь двоякий характер. В лингвистике определительные придаточные подразделяются на собственно-определительные и на несобственно-определительные. Собственно-определительные выражают характерный, отличительный признак определяемого, конкретизируя его значение. Содержание собственно-определительных придаточных непосредственно связано с содержанием главного предложения.

Aber der Kommissar, *der nicht Wort hält*, so was kann doch nicht sein! (Fallada, 265). ...я живу в комнатухе, в которую стыдно привести человека (Маконин, 40).

Несобственно-определятельные придаточные имеют коммуникативно новое содержание или дополнительное содержание, которое тематически не связано с содержанием главного предложения. В германистике [16] для них используется термин *weiterführende Attributsätze*, а в русистике — распространительные [17], повествовательно-распространительные или придаточные определятельные с распространительной функцией [18]. Определятельная функция этих предложений сочетается с оттенком присоединительности, по своему содержанию они близки сочиненным предложениям.

...выпили три чайника с колбасой, которую добыл нам один неравнодушный к литературе старший политрук... (Симонов, 42). Und er gesellte sich wieder zu seinen Spielgefährten, die auf der Fahrbahn vor dem Laden tobten (Fallada, 257).

4) Порядок расположения придаточного определятельного предложения в немецком и в русском языках сходен — это контактная постпозиция или интерпозиция придаточного по отношению к главному. Как правило, придаточное определятельное, для которого характерна присловная зависимость, занимает позицию непосредственно после опорного слова (определяемого). Между опорным словом и определятельным придаточным в немецком языке может находиться однословный компонент главного предложения, чаще всего — это именная часть сказуемого, для которой предназначена конечная позиция в немецком предложении. В редких случаях перед определятельным придаточным и опорным словом располагаются несколько компонентов главного предложения.

Aber sie können doch nicht auf jeden *losknallen*, der eine schäbige Mütze hat (Brecht, 359). Und ein Bekannter *war nicht dort*, der mich verpfeifen könnte (Fallada, 227).

В русском языке возможны случаи, когда определятельное придаточное находится перед главным предложением. В таких сложноподчиненных предложениях в главной части перед определяемым существительным имеется указательное местоимение.

Которая мне понравилась, той материи уже нет. Где я бывал, тех мест ты не знаешь [19].

5) Основные структурные черты определятельных придаточных заключаются в наличии средств подчинительной связи и в строении придаточных предложений. Как было показано выше, союзные слова и союзы в немецком и в русском определятельном предложении занимают начальную позицию, перед ними могут употребляться только предлоги. Строение придаточных определятельных в немецком языке существенно отличается от строения придаточных определи-

тельных в русском языке по двум основным параметрам: по порядку слов и по составу. Немецкие определительные придаточные имеют, как все союзные придаточные, специфический порядок слов с финитным глаголом в конце предложения (исключение составляют бессоюзные изъяснительные определительные придаточные). Им обычно свойственна также двусоставность и глагольность. Для словопорядка в русском определительном придаточном (как и в остальных придаточных) нет жестких правил, двусоставность и глагольность также не является важным условием организации определительных придаточных в русском языке.

Мальчика-то, которого упомянули, увидеть охота? (Розов, 472). Я даже картошку, которую взял, ел с опаской (Макошин, 112). А одежда, что на нем, шабуром называется (Попов, 77).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Определительные придаточные не выделяются специально в тех работах, в которых основное внимание исследователя сосредоточено на отнесенности придаточного к словам определенных лексико-морфологических разрядов. Ср.: Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 226—232.

[2] Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978, с. 311.

[3] Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. — Вопросы языкознания, 1959, № 2; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 682—700; Белошапкова В. А. Указ. соч.; Валгина Н. С. Указ. соч.; Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973, с. 338—340; Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971, с. 123—128.

[4] Валгина Н. С. Указ. раб., с. 313—314.

[5] В. Г. Адмони рассматривает атрибутивные предложения в разделе, посвященном подчиненным предложениям, соответствующим главным (необходимым) членам элементарного предложения. См.: Адмони В. Г. Указ. раб., с. 338.

[6] Поспелов Н. С. Указ. раб.

[7] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 683; Белошапкова В. С. Указ. раб., с. 220.

[8] Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1966, S. 28.

[9] Валгина Н. С. Указ. соч., с. 325—328, 328—330; В. А. Белошапкова включает присубстантивно-определятельные предложения в разряд присловных предложений, а приместоименно-определятельные предложения — к типу местоименно-соотносительных предложений. См.: Белошапкова В. А. Указ. раб., с. 226.

[10] Белошапкова В. А. Указ. раб., с. 226—227.

[11] Белошапкова В. А. Указ. раб., с. 227.

[12] См. подразделение субстантивных отрицательно-неопределенных слов на местоименные слова с семей 'дискретное количество' и на местоименные слова с семей 'недискретное количество'. Перл Н. Е. Активная сочетаемость субстантивных местоименных слов в современном немецком языке (на материале указательных и отрицательно-неопределенных прономинативов). — Автореф. канд. дисс. Л., 1979, с. 10—11.

- [13] Der große Duden. Grammatik. Leningrad, 1962, S. 509—512;
А д м о н и В. Г. Указ. соч., с. 338.
[14] Пример заимствован из кн.: Der große Duden. Op. cit., S. 511.
[15] Гулыга Е. В. Указ. раб., с. 123—128.
[16] Jung W. Op. cit., S. 28.
[17] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 699.
[18] Валгина Н. С. Указ. раб., с. 326.
[19] Примеры заимствованы из кн.: Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. М., 1960, с. 276.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Brecht—Bertold Brecht. Vorwärts und nicht vergessen... Ausgewählte Werke. Moskau, 1976.
Fallada—Hans Fallada. Jeder stirbt für sich allein. Berlin, 1955.
Daheim—Hans Fallada. Damals bei uns daheim. Berlin und Weimar, 1977.
Kellermann—Bernhard Kellermann. Die Stadt Anatol. Berlin, 1955.
Wolf—Friedrich Wolf. Gesammelte Dramen. Band 3, Berlin, 1952.
Арбузов—А. Арбузов. Иркутская история. М., 1960.
Маконин—Владимир Маконин. В большом городе. М., 1980.
Попов—Владимир Попов. Тихая заводь.—Новый мир, 1980, № 6.
Розов—Виктор Розов. В добрый час. Пьесы. М., 1973.
Симонов—Константин Симонов. Двадцать дней без войны.—Роман-газета, 1973, № 12.

И. А. ИВАНОВА (Тамбов)

О НАЛИЧИИ ПРИЗНАКА КОМИТАТИВНОСТИ В НЕЛИЧНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА

(На материале английского и русского языков)

Элементы с признаком комитативности (сопроводительности) являются одной из интересных проблем синтаксической семантики. Интересны они прежде всего тем, что план выражения синтаксем, содержащих дифференциальный синтаксико-семантический признак комитативности, достаточно широк—в английском языке этот признак может быть обнаружен наряду с другими признаками в сочетаниях существительного с предлогом *with*, в причастии I, прилагательном, а также в причастии II и герундии в определенных позициях.

Объектом исследования в данной статье выступают причастие I, несущее признак комитативности, и его эквиваленты в русском языке.

Для выявления признака комитативности в причастии I в английском языке и его эквивалентах в русском языке мы воспользуемся методом синтаксемного анализа, который предполагает выделение элементарных единиц глубинной структуры предложения — синтаксем и включает в себя метод моделирования, вскрывающий внутренние синтаксические связи в предложении и позволяющий выявить компоненты поверхностной структуры предложения, и метод эксперимента, под которым понимается трансформация, позволяющая обнаружить дифференциальные синтаксико-семантические признаки элементов глубинной структуры предложения — синтаксем. Следует отметить, что трансформация в данном случае предполагает полное или частичное совпадение семантического содержания данного предложения и трансформа.

Синтаксема — это совокупность дифференциальных синтаксико-семантических признаков. Исследуемая синтаксема получила свое название от одного из частных синтаксико-семантических признаков (признака комитативности), составляющих ее синтаксико-семантическое содержание [1].

Существует три основных подхода к выделению и изучению синтаксем, имеющие в качестве отправных точек содержательные особенности синтаксем, средства выражения синтаксем и синтаксические позиции последних, т. е. позиции тех или иных (ядерных, неядерных) компонентов предложения.

В настоящей статье мы рассмотрим план выражения комитативной синтаксемы, а именно, причастие I в английском языке и его эквиваленты с признаком комитативности в русском языке.

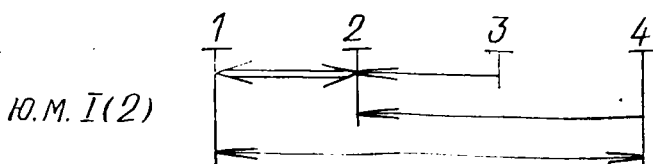
Рассмотрим следующие предложения:

1. Lucy took off her coat, *commenting* inevitably on the heat of the room (M. Drabble. The Waterfall).
2. She lay on her bed, *thinking* of a story she had read once (ibid).
3. Gwendolen was sitting, again *looking* at her hands (Kaushanskaya. English Grammar).

Поскольку нас интересует только определенный элемент предложения, мы не будем подвергать анализу все предложение в целом, а исследуем только его часть. На результаты анализа это ограничение никакого влияния не оказывает.

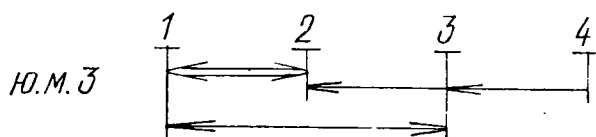
В первом предложении между первым и вторым элементами наличествует ядерная предикативная связь, между вторым и третьим — субординативная связь, между четвертым и вторым — субординативная связь, между четвертым и первым — неядерная предикативная связь [2]. Эти связи нахо-

дят свое выражение в следующей юнкционной модели (далее — Ю. М.):

Во втором предложении между первым и вторым элементами — также ядерная предикативная связь, между вторым и третьим — субординативная связь, между вторым и четвертым — субординативная связь, между первым и четвертым — неядерная предикативная связь. Соответственно, юнкционная модель второго предложения совпадает с первой.

В третьем предложении между первым и вторым элементами — ядерная предикативная связь, между вторым и третьим — субординативная связь, между третьим и четвертым — субординативная связь, между первым и третьим — неядерная предикативная связь. Юнкционная модель третьего предложения имеет вид:

На основе юнкционных моделей, вскрывающих внутренние синтаксические связи элементов в предложении, можно выделить дифференциальные синтаксические признаки и построить компонентные модели (далее — К. М.) предложений.

Первый компонент в первом и втором предложениях на базе ядерной предикативной связи со вторым компонентом и неядерной предикативной связи с четвертым компонентом определяется как ядерный дважды предиклируемый (NP_1P_1). Второй компонент в первом и втором предложениях на базе ядерной предикативной связи с первым компонентом определяется как ядерный предиклирующий (NP_2). Третий компонент в обоих предложениях на базе субординативной связи со вторым определяется как неядерный зависимый (ND). Четвертый компонент указанных предложений на базе субординативной связи со вторым и неядерной предикативной связи с первым определяется как неядерный зависимый предиклирующий (NDP_2).

Аналогичным образом разбирается и третье предложение. Поскольку юнкционные и компонентные модели первого и второго предложений совпадают, можно ограничиться двумя компонентными моделями, из которых первая будет представлять первое и второе предложения:

к. м. 1/2/ $NP_1P_1 \cdot NP_2 \cdot ND \cdot NDP_2$

к. м. 3 $NP_1P_1 \cdot NP_2 \cdot NDP_2 \cdot ND$

Поскольку нас непосредственно интересуют ядерный дважды предизируемый, ядерный предизирующий, неядерный зависимый предизирующий компоненты, то неядерные зависимые компоненты можно опустить.

Таким образом, исходя из построенных юнкционных и компонентных моделей, можно заключить, что все три предложения идентичны по своему синтаксическому содержанию.

Тогда как дифференциальные синтаксические признаки компонентов предложения — единиц поверхностной структуры — устанавливаются в синтагматическом плане, дифференциальные синтаксико-семантические признаки синтаксем — единиц глубинной структуры предложения — устанавливаются в парадигматическом плане с учетом их синтагматических свойств — сочетаемости, дистрибуции и т. д. [3].

Синтаксико-семантические признаки могут быть категориальными и частными. К категориальным относятся субстанциальность, процессуальность и квалификативность. К частным признакам относятся агентивность, активность, локативность, комитативность и т. д.

Проанализируем первый компонент в данных трех предложениях. Он характеризуется категориальным признаком субстанциальности, а на основе ядерной предикативной связи и неядерной предикативной связи — частным признаком агентивности. Следовательно, мы получаем субстанциальную дважды агентивную синтаксему ($SbAgAg$). Второй компонент во всех трех предложениях обладает категориальным признаком процессуальности и на основе сочетаемости с субстанциальной агентивной синтаксемой — частным признаком активности. Следовательно, это — процессуальная активная синтаксема ($PrAct$). Неядерный зависимый предизирующий компонент в указанных предложениях характеризуется категориальным признаком процессуальности и на базе неядерной предикативной связи — частным признаком активности (обозначает действие). На базе субординативной связи этот элемент характеризуется также признаком комитативности. Наличие этого признака подтверждается трансформацией замены причастия I во всех трех предложениях личной фор-

мой глагола, в результате чего ясно прослеживается сопутствие одного действия другому:

- 1) Lucy took off her coat and commented. . .
- 2) She lay on her bed and thought. . .
- 3) Gwendolen was sitting again and looked. . .

Таким образом, получаем процессуальную активную комитативную синтаксему (PrActCmt).

Синтаксемная модель всех трех предложений будет иметь вид:

SbAgAg · PrAct · PrActGmt

Рассмотрим следующие русские предложения:

1. Пассажир яростно отбивался, *угрожая* именем эригерцога (Д. Гранин. Неожиданное утро).

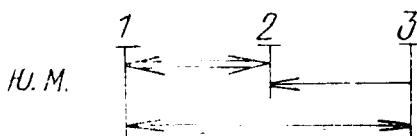
2. Из-за угла, *помахивая* зонтиком, вышел низенький господин (Там же).

3. Рядышком сидел, *листая* газету, сам художник (Там же).

Выделенные во всех трех предложениях элементы являются деепричастиями. Английский язык не имеет аналогичной грамматической формы. Деепричастие выражает добавочное, второстепенное действие при главном и объединяет в себе признаки глагола и наречия. Последнее особенно важно, так как наличие признаков наречия у деепричастия, а именно, способность быть обстоятельством и примыкать к главному слову в словосочетании, дает возможность рассматривать деепричастие в синтаксической функции обстоятельства образа действия. Это позволяет в результате синтаксико-семантического анализа выявить в элементе предложения, выраженном деепричастием, исследуемый дифференциальный синтаксико-семантический признак комитативности, поскольку деепричастие выражает действие, сопутствующее, сопровождающее основное действие, выраженное глаголом-сказуемым.

В английском языке этот же признак выявляется у причастия I в аналогичной синтаксической функции.

Проведя с данными предложениями все операции, изложенные выше, можно убедиться, что их юнкционная, компонентная и синтаксемная модели совпадают с описанными моделями английских предложений и, соответственно, имеют вид:

Следовательно, подчеркнутые во всех трех предложениях элементы являются также процессуальными активными комитативными синтаксемами.

Таким образом, план содержания комитативных синтаксем в рассмотренных английских и русских предложениях совпадает, единственным отличием является план выражения — причастию I, несущему в английском языке признак комитативности, соответствует в русском языке деепричастие, имеющее указанный признак.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мухин А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976.

[2] Воскресенская Н. Е. Предложения с «двойным сказуемым» в синтаксико-семантическом аспекте. — Вопросы филологии, ЛГУ, 1976, № 5.

[3] Антипина Н. А. Составные синтаксические элементы «модальный глагол + инфинитив» и модальные конструкции в структуре предложений современного английского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1974.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Гр ан и н Д. Неожиданное утро. Л., 1970.

Gr abble M. The Waterfall. London, 1972.

Кау ша н с к а я V. L. Grammar of the English Language. L., 1963.

Г. Г. СОКОЛОВА (Ленинград)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

(В сравнении с русским)

Исследование сочетаемости прилагательного французского языка началось лишь в последние годы, до этого основное внимание уделялось глаголу и существительному [1]. Основная цель статьи — показать на материале двухкомпонентных сочетаний французского и русского языков некоторые особенности лексико-семантической сочетаемости прилагательных. Постановка такой задачи связана с функционированием прилагательных в речи, с нормой сочетаемости [2], ибо правильная организация высказывания предполагает «соблюдение законов сочетаемости слов» [3], столь различных от языка к языку.

Для осуществления поставленной задачи прилагательные, образующие переменные сочетания с существительными, рас-

считаются с точки зрения «свободы» их выбора и возможного сложения смыслов определяемого и определяющего. Сложение или сопоставление смыслов лексем, признаваемое правильным, нормативным носителями языка, реализуется по определенным в каждом языке правилам в рамках синтаксических моделей, типичных для единиц определенного лексико-грамматического класса. Моделью (или дистрибутивной формулой), в пределах которой рассматривается сочетаемость существительного и прилагательного, для русского языка является $A+S$, а для французского — $S+A$. Добавим, что члены приводимых атрибутивных сочетаний стилистически нейтральны, так как нас интересуют самые общие закономерности семантической сочетаемости; при сочетании лексем, относящихся к разным функциональным стилям, действуют особые правила соединения смыслов, что не входит в поставленную нами задачу.

Семантическая сочетаемость лексем зависит в общих чертах от трех основных факторов: потенциальной синтаксической сочетаемости (связанной с принадлежностью лексемы к определенному лексико-грамматическому классу), потенциальной сопоставимости понятий, носителями которых являются совместно встречаемые лексем, и потенциальной лексико-семантической сочетаемости, зависящей как от класса лексемы, так и от ее принадлежности к определенной ЛСГ. Норма речи, или узус определяет сочетания как правильные для данного языка в определенный период времени.

Сочетание формируется из лексем, выбор которых связан с потребностями ситуации (экстралингвистического фактора). Выбор необходимых для коммуникации лексем и их соединение опирается на знание говорящим комплекса парадигматических характеристик этих лексем, которые предопределяют их синтагматические связи. Из всех элементов парадигматического комплекса при установлении специфики сочетаемости прилагательных и существительных в двух неродственных языках основным представляется лексико-семантический элемент. Сопоставляемые ниже прилагательные фиксируются переводными словарями как лексические эквиваленты, и задача состоит в уточнении их реальной семантической эквивалентности (частичной или полной; полная эквивалентность имеет место значительно реже в результате расхождения систем номинации в разных языках), что объяснит закономерности их нормативной сочетаемости. За исключением трех прилагательных, остальные, рассматриваемые в статье, являются постпозитивными [4], обладающими различной сочетаемостью и в большей части обследованных текстов определяющими преимущественно абстрактные суще-

ствительные. Для снятия возможных смысловых модификаций, обусловливаемых контекстом, переменные сочетания были выделены из французского текста. Русские переменные сочетания представляют собой их лексико-семантические эквиваленты. Сопоставимость языковых единиц в лексическом и семантическом планах предполагает сопоставимость их означающих и означаемых.

Таблица 1

Нормативность эквивалентных сочетаний

1. ami intime сочетан. норм.	1. <i>закадычный друг</i>	сочет. норм.
2. amie intime сочетан. норм.	2. <i>закадычная подруга</i>	сочет. ненорм.
3. ennemi juré сочетан. норм.	3. <i>заклятый враг</i>	сочет. норм.
4. ennemie jurée сочетан. норм.	4. — — — —	сочет. возм. теоретически

В первом и третьем примерах французские и русские означающие и означаемые членов сочетаний сопоставимы; во втором примере означаемые также сопоставимы, но означающее *закадычная* не нормативно для русского языка (из-за влияния внутренней формы этого слова) [5]. Сочетание *закадычная подруга* встречается в речи детей или необразованных людей; возможно его использование и с определенной коммуникативной целью. В четвертом примере во французском языке означаемые и означающие сопоставимы, в русском подобное сочетание, допустимое в разговорной речи (оно имеет шуточный оттенок), возможно лишь теоретически из-за отсутствия формы женского рода у существительного *враг*. При ее наличии и означающее и означаемое были бы сопоставимы. Таким образом, «свобода» сочетаемости членов сочетаний, называемых традиционно свободными, относительна, так как значение одного из членов может оказаться несопоставимым с другим, или же значения (обозначаемые) сопоставимы, а на лексическом уровне эта сочетаемость не реализуется ввиду ненормативности в системе данного языка. Сопоставляя французские и русские прилагательные, признаваемые эквивалентными, сравним, каков круг определяемых ими существительных. Прилагательные изучаются в прямых и переносных значениях.

Первое прилагательное не фиксируется Малым Робером [8] и словарем современного французского языка, но подобно прилагательным — обозначениям географических понятий, характеризуется широтой сочетаемости, определяемой внеязыковой реальностью — *entente, traité, politique, alliance*

Лексико-семантическая избирательность эквивалентных прилагательных

№	Прилагательные	Существительные
1	Балканский	соглашение, договор, политика, альянс
2	Непрерывный	соп, крпн
3	Международный	право, политика, обзор, солидарность
4	Праздничный	настроение, народ, цвет, погода, костюм
5	Искусственный, на- пускной, ненастоящий	смех, вид, улыбка
6	Инфляционный	характер
7	Нефтеносный	месторождение, пласт
8	Красочный	стиль, слог, выражение, оформление
9	Первостепенный	факт, значение, задача, дело
10	Политический	борьба, воспитание, устройство, режим
11	Мрачный	вид, мысль, предчувствие, времена, погода
12	Вампирический	
13	Старый	долг, истина, порядок, времена, режим, мода
14	Живой	ум, темперамент, участие, отклик, язык
15	Жизненный	образ, предложение, правда
1	Balkanique	entente, traité, politique, alliance
2	Continuel	hostilité, devenir, efforts
3	Étranger	politique, affaires
4	Férie	jour
5	Factice	amitié, gaieté, amabilité, douceur
6	Inflatoire	hausse, caractère, baisse
7	Petrolifère	champ, gisement, couche, région
8	Pittoresque	langue, style
9	Primordial	rôle, importance, droit
10	Politique	faillite, intérêts, économie, vie
11	Sombre	pensées, période, avenir, temps, méthode
12	Vampirique	histoire
13	Vieux	rêve, civilisation, ville, mélodie
14	Vif	esprit, désir, discussion, couleur, écho
15	Vital	importance, principe, force, élan

(*balkanique*). Прилагательное *балканский* издавна известно носителям русского языка и отличается широкой сферой сочетаемости с существительным, обозначающими общественно-политические понятия (*балканские войны, договоры* и т. п.). *Balkanique* и *балканский* не только лексические, но и семантические эквиваленты. Абсолютная эквивалентность (правда, не без исключений — *Средняя Азия — Asie Centrale*)

свойственна узкому кругу прилагательных *alliance française, traité soviétique, frontière chinoise, côté sud, nord etc.*

Прилагательное *étranger* в переносном значении сочетается с *politique* и *affaires*: *politiques étrangère, affaires étrangères*. Вместе с прилагательным *international*, в значении *международный*, которое, как правило, определяет абстрактные существительные — *prjx, droit, solidarité, forum*; *étranger* составляет семантический эквивалент русского прилагательного *международный*. Таким образом, *étranger* и *international* по отдельности представляют собой лишь лексические эквиваленты русского прилагательного. Это явление довольно типично, поскольку нередко два, даже три французских прилагательных способны охватить круг денотатов, определяемых одним русским прилагательным, и наоборот. Самым непосредственным образом подобное замечание касается прилагательного *férié*, о котором можно заметить, что «в любом языке довольно четко выделяются такие... слова, сочетаемость которых исчерпывается одним или несколькими словами» [6]. *Férié* по данным словарей характеризуется единичной сочетаемостью, имея значение *праздничный, нерабочий*: *jour férié*. В других случаях понятие *праздничный* (без сознания нерабочий) выражается аналитическими прилагательными *de fête* и *du dimanche* — *un air de fête, les habits, le costume, une robe du dimanche*; причем *du dimanche* определяет существительные, относящиеся к одежде и времяпрепровождению — *une promenade du dimanche, de fête* к внешности: *un air de fête*. Прилагательное *праздничный* — лексический эквивалент *férié, de fête* и *du dimanche* в отдельности, является также их коллективным семантическим эквивалентом: *праздничный* — убор, наряд, убранство, костюм, одежда, цвет, вечер, погода, прогулка, вид, настроение и т. и. Факт принадлежности прилагательных французского и русского языков и определяемых ими существительных к сходным ЛСГ не определяет границ сочетаемости каждого из них. Полное представление о сочетаемости языковой единицы возникает в результате анализа большого количества наиболее типичных примеров, поскольку сочетаемость развивается постепенно и незаметно [7].

Если русское прилагательное *праздничный* [8] заменяет три французских прилагательных, то аналогично и французское *factice* соответствует напускному, искусственному и ненастоящему: *amitié factice* *ненастоящая дружба, gaieté factice* *напускное* веселье, *amabilité, douceur factice* *напускная, искусственная любезность, мягкость*, т. е. *factice* способно определять круг существительных, входящих в три различных ЛСГ.

Сочетаемость (встречаемость) прилагательных с группой приведенных в таблице существительных вскрывает национальный характер избирательности и соединения стилистически нейтральных лексем.

Отобразив полисемантические французские прилагательные, образующие синонимический ряд, например *aigu* и *pointu*, попытаемся проследить, как реализуются значения членов переменных сочетаний, образуемых одним из таких прилагательных и существительных (абстрактным или конкретным).

1. Существительные первой ЛСГ называют предметы заостренной формы: *pointe, flèche, pic, menton*. Факт принадлежности слова к определенной ЛСГ проявляется в наличии постоянной характеристики слова, его неповторимых индивидуальных свойств. Именно эти свойства (набор сем) потенциально определяют и ограничивают круг прилагательных (в атрибутивном сочетании), с которыми то или иное существительное способно сочетаться на уровне семантики. Так, существительное *подбородок* предполагает возможность ассоциации с прилагательными формы — *острый, квадратный*, внешнего вида — *красивый, некрасивый, толстый, двойной, тройной, аккуратный*, передающими характер человека — *волевой*, (здесь приводятся только основные стилистически нейтральные прилагательные). Французское *menton* допускает образование атрибутивных сочетаний с прилагательными сходных ЛСГ: а) *en galoche, pointu, rond*; б) *façant, avancé, saillant, double*; в) *volontaire*. Число существительных, образующих переменные сочетания с *aigu* и *острым* ограничивается не внеязыковой реальностью, а системными свойствами каждого из языков. Находя общие черты в сочетаемости казалось бы «простых» слов (*подбородок, гвоздь, колокольня, стрела*), нет оснований переносить правила сочетаемости из одного языка в другой в связи с различиями в системе номинации, что неизбежно нарушит правильность высказывания и затруднит акт коммуникации. Существительные, ассоциирующиеся с прилагательным *aigu*, входят в несколько ЛСГ, но объединяются в одной ЛСГ «остроконечные предметы»: *pointe, flèche, angle, bec*. Более широкой сочетаемостью отличается прилагательное *pointu*. Оно образует сочетания с обозначениями заостренных предметов (*clocher, talon, clou, nez, chapeau*) и теми, где эта характеристика факультативна (*menton, dent*). *Pointu*, как и *aigu*, не употребляется с существительными одушевленными; только с теми, которые называют конкретные предметы и абстрактные понятия. Некоторые из существительных, чьи значения сопоставимы с *pointu*, относятся к соматизмам —

talon, nez, menton, dent, но набор их другой, чем для aigu. Считаем, что соматизмы, включающие сему остроконечности, образуют нормативные сочетания с pointu. Прилагательное aigu сопоставимо не с соматизмами, а с другими существительными той же ЛСГ и, следовательно, круг существительных в рамках одной ЛСГ ограничен для каждого из синонимичных прилагательных.

2. Во вторую ЛСГ включаются абстрактные существительные, которые способны определяться прилагательными aigu и pointu, но в разной степени. Это звуковые обозначения: son, voix, ton, cri, timbre и т. п. При соединении с этими существительными более употребительно aigu. По данным Petit Robert — une note aiguë, des voix aiguës, un cri, un timbre, un son, un ton aigus. Синонимами aigu в сочетаниях с перечисленными существительными являются strident (cri, voix), perçant (cri, voix), déchirant (cri), de раоп. С другой стороны, pointu, хотя и несколько реже, но также сочетается с существительными: parler sur un tonpointu, un homme à la voix pointue. Вполне допустимо сочетание и parler sur un ton aigu.

Семантическая сочетаемость pointu несколько уже, чем сочетаемость aigu, которая включает все случаи сочетаемости pointu в рамках данной ЛСГ.

3. В третьем случае существительные относятся к ЛСГ «болезни и болевые ощущения». Образую атрибутивные сочетания с существительными douleur, maladie, crise, phase, néphrite etc, aigu проявляет комбинаторные возможности, несвойственные pointu, что находит объяснение в различной структуре значения этих прилагательных. Pointu (по данным Petit Robert): 1. qui se termine en une ou plusieurs pointes; 2. fig. désagréable, sec; 3. (d'un son, d'une voix) qui a un timbre aigu, désagréable; accent pointu. Очевидно, таким образом, что семантика pointu не предполагает его нормативной сочетаемости (встречаемости) с существительными — обозначениями болезней.

4. Семантическая структура pointu вскрывает основания, исключающие его сопоставимость с существительными, обозначающими названия философской категории (sens) и свойства человека (intelligence). Мы допускаем также, что внутренняя форма этого прилагательного ограничивает в ряде случаев его употребление с абстрактными существительными. Intelligence и sens образуют переменные сочетания с aigu. Разумеется, не исключена возможность метафорического употребления pointu в intelligence pointu, что свойственно исключительно книжному языку. С другой стороны, абстрактные существительные caractère и esprit определяются pointu

в значении *pointilleux*, а не *aigu*. Сочетаемость рассмотренных прилагательных сходна в лексико-семантическом плане, но между ними существуют подчеркнутые выше различия и, «следовательно, для правильного употребления этих слов в речи требуется очень четкое знание различных их оттенков» [9], которые невозможно постичь, ограничиваясь исключительно анализом парадигматических характеристик. Изучение семантических особенностей прилагательных *pointu* и *aigu* в атрибутивных сочетаниях выявило их частичную замещимость в синтагматике, на основании чего предполагается рассматривать подобные лексические единицы как частичные синонимы или частичные лексико-семантические эквиваленты.

Частичная семантическая эквивалентность, являющаяся системным признаком французских прилагательных *aigu* и *pointu*, приобретает иные формы при их сопоставлении с русским прилагательным *острый*, комбинаторные возможности которого достаточно широки. Сопоставляя французские прилагательные с русским уместно подчеркнуть, в чем заключается частичная внутриязыковая и внешняяязыковая эквивалентность, где они перекрещиваются и в связи с какими факторами.

В русском языке прилагательное *острый* имеет следующие значения: 1. Отточенный, хорошо режущий или колющий. Острый нож. Острое копьё. Нормы сочетаемости русского прилагательного и его французского эквивалента *aigu* частично совпадают, поскольку *острой стреле* соответствует *une flèche aiguë*. 2. Суживающийся к концу. Острый нос лодки. Сапоги с острыми носами. Острый угол. В этом случае *острый* переводится посредством *aigu* — *un angle aigu*. *Острый нос лодки* — *le nez pointu du canot*. *Сапоги с острыми носами* — *des bottes au bout effilé*. 3. Перен. Проницательный, хорошо воспринимающий. *Острый ум* — *une intelligence aiguë*. *Острый глаз* — *des yeux d'aigle*. Ни *aigu*, ни *pointu* со словом *глаз* неупотребимы. 4. Отличающийся остроумием. Так как в систему современных значений французских эквивалентов *отличающийся остроумием* не входит, естественно, что *aigu* и *pointu* не используются для перевода сочетаний *острая шутка*, *острый язычок*. *Острая шутка* — *une plaisanterie aiguë* является книжным эквивалентом, соответствующим норме прошлого века. Более современный вариант включает прилагательные *fine* или *ricquante*. Эти примеры свидетельствуют о том, что только синтагматика выявляет национальную специфику сочетаемости слов. Не включая сему *остроумия*, *aigu* в переменном сочетании «заимствует» ее в семантическом контакте с *plaisanterie*, где она является

основной. *Острый язычок* имеет эквивалентом *langue de vipère*. . . 5. Перен. сильно действующий на вкус или на обоняние. *Острый запах* — *odeur forte*. *Острый соус* — *sauce piquante*. *Aigu* и *pointu* не присуще это значение. 6. Перен. Сильно, ясно выраженный; напряженный. *Острая боль* — *une douleur aiguë*. *Острое воспаление* — *une inflammation aiguë*. *Острый недостаток* чего-л. — *une pénurie flagrante de qch.* *Острое положение* — *une situation, un état critique*. Прилагательные *острый* и *aigu*, в основном, совпадают в этом значении и взаимозаменяются, поскольку *aigu* ассоциируется с существительными ЛСГ «болезни и болевые ощущения». В переносном значении *aigu* употребляемо также с существительным *conflit*. Сравнимая сочетаемость *aigu*, *pointu* и *острого* отметим более частое перекрещивание *aigu* и *острого*, чем *pointu*, в котором рельефнее выражено значение *остроконечный*, чем *острый*. Таким образом, частичным эквивалентом прилагательного *острый* будем считать *aigu*, а не *pointu*, поскольку оно выполняет функцию мало отличную от той, которая свойственна целому ряду прилагательных, обладающих семей *остроты* в прямом или переносном смысле — *perçant, piquant, pénétrant, d'aigle, de vipère* etc.

Из сказанного следует, что а) нормы сочетаемости близких по значению слов одного языка (синонимов) совпадают частично, и правильное употребление их в речи обусловлено особенностями узуса данного периода времени и частично узусом предшествующей эпохи. Тот факт, что какие-либо слова одного языка способны образовывать сочетания со словами той же ЛСГ, что и в сопоставляемом языке, не дает оснований констатировать идентичность сочетаемости тех и других; б) нормы сочетаемости лексических эквивалентов в двух языках перекрещиваются лишь частично; в ряде случаев (например, *pointu*) перекрещивание значений «эквивалентов» единично, ввиду больших различий систем значений каждого из них; для передачи понятий, выражаемых с помощью *aigu*, *pointu* и *острый*, требуется, как мы убедились, ряд других прилагательных и в том, и в другом языках. Для адекватной передачи значения переменных сочетаний одного языка на другом необходимо точно представлять, в каких своих значениях сопоставимые лексемы совпадают или не совпадают, а также учитывать различие правил сочетаемости и норму речи рассматриваемого периода развития языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Г а к В. Г. К проблеме семантической синтагматики. — В сб.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1971.

[2] Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.

[3] Галинская М. М. К вопросу о нормах сочетаемости в русском и английском языках. — В сб.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1964.

[4] Соколова Г. Г. Транспозиция прилагательных и существительных во французском языке. М., 1973.

[5], [6] Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, гл. 6, 7.

[7] Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.

[8] В статье используются: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970 и Petit Robert. P., 1972.

[9] Медникова Э. М. Указ. раб.

О. Е. ФИЛИМОНОВА (Ленинград)

ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ СИНТАКСЕМЫ СТЕПЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Важную роль сравнительно-сопоставительного метода при изучении теоретических проблем того или иного иностранного языка и при практическом овладении им отмечают многие советские лингвисты [1]. Сравнительный метод дает возможность полнее вскрыть языковую сущность исследуемого явления и специфику его выражения в сравниваемых языках.

Большой интерес представляет сопоставительное изучение синтаксических элементов со значением степени, широко распространенных как в английском, так и в русском языке. Мы рассматриваем такие элементы, как *very*, *quite*, *a bit*, *a lot* и *очень*, *совсем*, *немного* в предложениях типа *He is very tired* и *Он очень устал* как синтаксему степени [2]. Синтаксема представляет собой синтаксико-семантический инвариант, устанавливаемый с опорой на синтаксическую связь в системе парадигматических противопоставлений. При сопоставлении синтаксемы степени в английском и русском языках необходимо сравнить морфологическую и лексическую базу ее реализации в предложении, а также проследить особенности дистрибутивных возможностей сопоставляемых единиц. Большую практическую значимость имеет и установление функциональных соответствий синтаксемы степени в сравниваемых языках.

Морфологические формы, представляющие синтаксему степени в английском и русском предложениях, разнообразны. В английском предложении синтаксема степени может

быть выражена: 1) наречием, 2) существительным (с предлогом или без предлога), 3) фразеологизмом:

1 Mary and her brother Simon never seemed very English (D. G., 156); She felt a little daring, a little carefree (S. H., 210);

2) You are a bit young for service (H. L., 20). She was not in any degree fit to look after her children (P. B., 121);

3) George Armstrong is head over heels in love with her (D. C., 124). I'm sick to death of the subject (D. M., 116).

Такие же морфологические средства используются для выражения синтаксемы степени и в русском языке:

1) Ваша музыка слишком фантастична и беспорядочна (К. П., 24); Вечер был сизый, печальный и очень сырой (К. П., 41);

2) Начинается надоедливый до зевоты конец (К. П., 55); Мы... говорим о ней, говорим до тошноты, до того, что самим противно, до подлости (К. П., 35);

3) По вашему лицу я вижу, что вам нужно в Сухум до зарезу (К. П., 106); Накурили черт знает как (К. П., 99).

Как в русском, так и в английском языках, наиболее часто для выражения степени используются наречия [3]. Среди них можно выделить наречия, обозначающие высокую степень (*very, quite, too, much, all, highly, extremely; очень, совсем, слишком, чрезвычайно, совершенно* и др.), низкую степень (*a little, slightly, vaguely; немного, слегка, чуть, едва* и др.) и среднюю степень проявления признака, действия или состояния (*half, fairly, rather; довольно, отчасти* и др.). В русском и в английском языках обращают на себя внимание наречия, сочетающие значение степени со значением качества (*marvellously, fabulously, infinitely; потрясающе, баснословно, безгранично* и др.), а также наречия, имеющие эмоциональную окраску (*terribly, awfully, fearfully, infernally; ужасно, страшно, адски* и др.).

Перечисленными морфологическими средствами не исчерпываются возможности выражения синтаксемы степени в сопоставляемых языках. Как в русском, так и в английском языке, наблюдаются случаи, когда синтаксема степени представлена прилагательным:

Ужасный веселый, здоровый был мальчик, десяти месяцев стал ходить, разговаривать (И. Б., 182); А случай такой, что сам полковник ужасный здоровый был... (И. Б., 183).

They were rather elderly and mad keen on gastronomique excursions, trying new places to eat, new dishes and that sort of thing (H. B., 59); You seem to have been gone an awful long time (H. B., 64).

Интересно отметить, что в английском языке это явление встречается значительно чаще, чем в русском. Употребление прилагательного вместо ожидаемого наречия в предложениях указанного типа в английском языке характерно для разговорного стиля. В русском же языке использование прилагательного вместо наречия осуществляется в неграмотной речи. Приведенные выше предложения в рассказе И. А. Бунина произносит неграмотная крестьянка.

В русском языке имеются случаи, когда синтаксема степени выражена наречием, однокорневым с глаголом, при котором она употребляется (*битком набит, валом валит* и т. п.):

Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным, унавоженным переулкам между телегами и палатками, лошадьми и коровами (И. Б., 14).

При сравнении дистрибутивных возможностей синтаксемы степени в английском и русском языках также обнаруживаются общие и отличительные черты исследуемых единиц. Как в русском, так и в английском языке, синтаксема степени может употребляться при прилагательном, наречии, глаголе, причастии, существительном, а также при словах категории состояния:

1) Старик был в меру торжествен и в меру печален (К. П., 45).

The beach was fairly full (J. W., 366).

2) Жизнь проходит слишком быстро (К. П., 82).

Quite emphatically, I do not know about these things (W. T., 344).

3) Я, могу сказать, довольно-таки пошатался по свету (И. Б., 27).

From time to time I half awoke from my tranced state (L. D., 152).

4) С ног до головы была охвачена жутью и Наталья (И. Б., 144).

My mind is quite made up (S. M., 271).

5) Вы совсем мальчик (К. П., 50).

Mr. Warbeck is quite a character with us (H. L., 59).

6) Мне стало его жалко до слез (К. П., 119).

I was very aware of death and dying (S. Ch., 93).

В русском языке возможно употребление синтаксемы степени и при деепричастии:

По привычке, он произносил некоторые слова как бы с чувством, выделяя их с трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словах, ни о тех, к кому они относились (И. Б., 108).

Наиболее распространенными в сопоставляемых языках являются случаи употребления синтаксемы степени при прилагательном. Крайне редко и в английском и в русском языке синтаксема степени употребляется при существительном без предлога, однако для английского языка типично использование синтаксемы степени перед предложноименной группой:

She was madly in love with him (S. M., 20).

I am a little out of sympathy with them for a moment (E. W., 48).

Отличительной чертой английской синтаксемы степени является то, что для нее более типично иметь при себе зависимые элементы, выраженные наречием, прилагательным, местоимением, существительным:

It's so very hot to-night (S. M., 269).

He was far too dignified (E. H., 136).

We were cornering much too fast (L. D., 153).

Are you fed up with me? — Not a bit of it (H. L., 48).

If you jerk it just that little bit too vigorous, you get a shower — bath (H. L., 31).

В целом ряде случаев русские соответствия английской синтаксемы степени не допускают употребления при себе зависимых элементов. Так, при переводе вышеуказанных предложений на русский язык «теряются» зависимые элементы *so, far, much, of it*:

Сегодня вечером очень жарко. (*Сегодня вечером так очень жарко).

Он был слишком горделивым. (*Он был гораздо слишком горделивым).

Мы огибали угол слишком быстро. (*Мы огибали угол очень слишком быстро.)

Видимо, в отношении английского языка здесь можно говорить о явлении языковой избыточности, а также о большой эмоциональности приведенных английских предложений по сравнению с русскими. То же самое можно сказать и об английских предложениях, в которых имеется две синтаксемы степени, из которых одна предшествует определяемому слову, а вторая следует за ним:

Oh no, Mitle is quite good enough for me (H. L., 23).

В заключение рассмотрим еще несколько примеров, когда синтаксема меры, представленная в английском предложении, отсутствует в соответствующем ему русском предложении:

The boots are too big for him. — Сапоги ему велики (O. A., 67).

These shoes are too small for me. — Эти ботинки мне малы (О. А., 277).

В данном случае в русских предложениях нет эквивалента синтаксемы степени *too*, поскольку в русском языке имеются лексемы *велик* и *мал*, синонимичные сочетаниям *слишком большой* и *слишком маленький*.

В русском языке имеется целый ряд глаголов, семантика которых предполагает совершение какого-либо действия в высокой степени (в большом количестве): *набегаться*, *наговориться*, *наглядеться* и т. п. В английском языке таким глаголам соответствуют сочетания глаголов с наречиями, представляющими в предложениях синтаксему степени:

набегаться — have had enough of running (О. А., 302),

наглядеться — see enough of (О. А., 305),

наговориться — talk enough (О. А., 305).

Русским глаголам с приставкой *над* также соответствуют в английском языке сочетания глаголов с наречиями, однако последние указывают не на высокую, а напротив, на низкую степень проявления действия:

надламывать — break partly (О. А., 306),

надпарывать — rip partly open (О. А., 307),

надрезывать — cut slightly (О. А., 307),

надрывать — tear slightly (О. А., 307).

Аналогичны и английские соответствия русских глаголов с приставками *по-* и *под-*:

побаиваться — be rather afraid (О. А., 429),

подвигать — move a little (О. А., 434),

подмачивать — wet slightly (О. А., 437),

подточить — sharpen a little bit (О. А., 442).

Объяснение указанному явлению следует искать в принадлежности русского языка синтетическому строю, а английского — аналитическому.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. — Филологические науки, 1960, № 1; Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. М. — Л., 1947, с. 44.

[2] Синтаксемный анализ разработан А. М. Мухиным и широко применяется в современных лингвистических исследованиях: Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М. — Л., 1964; его же: Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976.

[3] О семантической классификации наречий степени см.: Мерошниченко Г. В. Определительные наречия в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955, с. 10; Kirchner C. Gradadverbien Restrictiva und Verwandtes in Heutigen English, Halle, 1955, S. 12; В ряде работ наречия типа *very*, *too* именуются интенсификаторами: Roberts P. Understanding English. N. Y., 1958, p. 92; Fries Ch. The Structure of English. N. Y., 1956, p. 92. См. также: Завгородняя Л. В. К во-

- прошу о комбинаторных свойствах качественных наречий.— В кн.: Системное описание лексики германских языков. Вып. 1. Л., 1976, с. 63.
- D. G.—D. Garnett. Letting Down the Side, Modern English Short Stories. M., 1978.
- S. H.—S. Hill. A Bit of Singing and Dancing. Modern English Short Stories. M., 1978.
- H. L.—H. Livings. Stop It, Whoever You Are. New English Dramatists. Penguin Books, 1967.
- P. B.—Ph. Bentley. Ring in the New. London, 1969.
- D. C.—D. Cusack. Say No to Death. Kiev, 1976.
- D. M.—D. du Maurier. Rebecca. M., 1956.
- H. B.—H. E. Bates. How Vainly Men Themselves Amaze. Modern English Short Stories. M., 1978.
- J. W.—J. Wain. The Life Guard. Modern English Short Stories. M., 1978.
- L. D.—L. Durrell. The Little Affair in Paris. Modern English Short Stories. M., 1978.
- W. T.—W. Trevor. The Day We Got Drunk on Cake. Modern English Short Stories. M., 1978.
- S. M.—W. S. Maugham. The Force of Circumstance. Modern English Short Stories. M., 1978.
- E. W.—E. Waugh. Brideshead Revisited. Penguin Books, 1973.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- К. П.—К. Паустовский. Романтики. М., 1967.
- И. Б.—И. А. Бунин. Повести и рассказы. М., 1956.
- О. А.—О. С. Ахманова. Русско-английский словарь. М., 1969.

Н. К. ФИЛОНОВА (Нижний Тагил)

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР

(На материале современного английского
и русского языков)

Одной из интересных и актуальных проблем синтаксиса является парцелляция. Под парцелляцией понимается расчленение единой синтаксической структуры на несколько частей, имеющих интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельного предложения. По мнению исследователей, изучение парцелляции позволяет выявить соотношение языкового и речевого в строе предложения, определить коммуникативные возможности одной и той же модели предложения в разных условиях ее использования [1], глубже понять семантико-синтаксические свойства самой языковой структуры [2]. В связи с тем, что тенденция к так называемому рубленому синтаксису отмечается в развитии многих современных литературных языков, высказывается мысль о необходимости изучения явления парцелляции в сопоставительном плане [3].

В работе сопоставляется и описывается парцелляция полипредикативных предложений, организованных по способу подчинения, в английском и русском языках. Цель исследования — выявить общие для этих языков закономерности протекания процесса парцелляции в данной структуре.

Полипредикативные предложения выступают структурной разновидностью сложного предложения, выражающей частное значение категории предикативности — полипредикативность [4]. Эти предложения представляют собой легко парцеллируемые структуры. Это объясняется тем, что части полипредикативных предложений — предикативные единицы (ПЕ) — имеют некоторые основные признаки самостоятельных предложений: выполняют функцию пропозитивной номинации, имеют зачастую свой собственный модальный план и до некоторой степени сохраняют интонационное оформление обособленных предложений. Сохранение частями полипредикативных предложений этих признаков самостоятельных предложений делает их менее слитными, легко поддающимися речевому парцеллированию.

Другим фактором, делающим полипредикативные предложения легко парцеллируемыми конструкциями, является сама протяженность этих предложений, усугубляемая сложными синтаксическими и смысловыми взаимоотношениями их частей. Пауза в данном случае нужна не только для создания определенного стилистического эффекта, но и для осмысления этих взаимоотношений, их упорядочения с целью подготовки восприятия к новой «порции» информации.

Парцелляция полипредикативных предложений, организованных по способу подчинения, осуществляется в основном по тем же законам, что и парцелляция бипредикативных сложноподчиненных предложений. И в английском, и в русском языках разрыв синтаксических связей возможен в случае потенциальной факультативной сочетаемости центров подчинения. При обязательной сочетаемости центров подчинения парцелляция возможна при наличии следующих условий:

1) базовая часть структурно закончена: «While I was waiting for the connection», Gosden said, «I remembered an amusing story. *About how some people are lucky & some people are unlucky* (Shaw. *Love on Dark Street*, 68).

Тут она понесла несусветное. *Что-то о том, как трудно понять человека, но наступает минута, почему-то она говорит «ночная минута», и человек открывается* (Трифонов. Дом на набережной, 163);

2) парцеллят начинается с ПЕ, которая входит в ряд однородного соподчинения: People began to say that Eustacia

was working too hard at the store. *She was beginning to look old. She would be an old maid* (Wilder. *The Eighth Day*, 272).

Эльфрида Михайловна была журналисткой, работала на радио. Она напредила слова Ленина о том, что борьба с бюрократизмом потребует десятилетий. *Что для успеха этой борьбы нужна поголовная грамотность* (Трифонов. *Дом на набережной*, 138).

Полипредикативные парцелляты можно классифицировать прежде всего по значению зависимых ПЕ, которые являются начальными в их составе. И в английском и в русском языках такие ПЕ — со значением причины, следствия, времени, условия, цели, изъяснительности, уступки, противительности и в качестве относительно присоединенных конструкций. Показателями синтаксической зависимости парцеллятов от базовой части служат подчинительные союзы, союзные слова, относительные местоимения. Часто одновременно употребляются подчинительный и сочинительный союзы, наречия и союз, предлог и союз и т. д., например:

When did you last see Julian, Axel? Nearly four years ago. Before he went to South Carolina. *And a bit before my momentous meeting with you in Athens, my dear* (Murdoch. *A Fairly Honourable Defeat*, 20).

Все дружно расхохотались. Потому что новость, конечно, была приятной не только для меня. *И потому что вот так, хором, по святой и нерушимой традиции полагалось кричать в любой школе, когда наступал последний день учебы* (Рекмчук. *Нежный возраст*, 32).

ПЕ в полипредикативных парцеллятах объединяются в русском и английском языках при помощи одних и тех же способов связи:

1) способом сочинения

а) союзного:

For we were waiting for another bus to take us anywhere somewhere down in Sussex, and it was as dark as the inside of a Cabinet Minister (Cary. *The Horse's Mouth*, 219).

Негритенок смотрел на Женьку серьезно, немного насмешливо; набитое опилками туловище у Джимми было такое худенькое, что вызывало жалость. *Поэтому Женька огорченно почмокал губами, а негритенок в ответ на это вдруг покачал головой и стал глядеть на Женьку искоса и лукаво: «Что же ты, Женька, не ложишься спать? Вот придет мать, она тебе покажет, где раки зимуют»* (Липатов. *И это все о нем...*, 48—49);

б) бессоюзного:

• Now and then, as a favour to highly placed people Papa performed operations. Dilation and courettage. *Only when*

there is a terrific crises, when some young socialite heiress got knocked up (Bellow. Mr. Sammler's Planet, 101).

Ганс скромно помалкивал. Будто ничего не произошло. Будто не он сейчас прыгал с трамплина. *Будто не ему хлопали в ладоши, не ему предназначались восторги зрителей* (Рекемчук. Нежный возраст, 15);

2) способом подчинения

а) союзного:

But I couldn't make out why I gave poor Eve-Oothoon a head as big as her body, a little fat legs, and why she had her hands over her ears. *Unless she was trying not to hear Hickson & Cocker who were getting quite excited over the papers* (Cary. The Horse's Mouth, 105).

Если бы не спутники, которые отташили его, все кончилось бы совсем скверно. *Потому что он не соображал, что делает* (Ю. Трифонов. Дом на набережной, 159).

б) бессоюзного:

«That's right», said Sara. *Though goodness knows, children are a work too* (Cary. The Horse's Mouth, 79).

Коля заявил: точит его мечта махнуть зимой поохотиться в тундру. На машине работает без души, в городе ему скучно (Астафьев. Царь-рыба, 8);

в) союзного и бессоюзного подчинения одновременно:

Sad, little creature born of joy and mirth. *Though I must admit that poor Papa was so distracted with debt and general misery that I daresay he didn't know what he was doing* (Cary. The Horse's Mouth, 297).

Но я ушел. Навсегда. *Чтобы не быть «громоотводом», в который всаживалась вся пустая и огненная энергия гулевого папы и год от года все более дичающий, необузданной в гневе мачехи, ушел, но тихо помнил: есть у меня какие-никакие родители и, главное, — ребята, братья и сестры, Колька сообщил — уже пятеро!* (Астафьев, Царь-рыба, 4);

3) при помощи сочинения и подчинения одновременно (союзного и бессоюзного):

I wanted to grieve for Papa. That man suffered a lot. Even more than my mother who had to watch him suffer. *For she had seven children to worry about and children are a duty. Whereas a broken-hearted man with a grievance is only a liability, a nuisance. And he knows it* (Cary. The Horse's Mouth, 27).

В окна струился светлый ночной воздух, в кабинете горела настольная лампа, абажур которой Прохоров накрыл зеленым носовым платком. *Наверно, поэтому в кабинете было по-домашнему уютно, но Прохорова не интересовал*

внешний мир, в котором не могло быть спокойно и уютно до тех пор, пока не решится вопрос: столкнули Евгения Столетова с тормозной площадки или он сам совершил неудачный прыжок (Липатов. И это все о нем... 29).

Часто полипредикативные предложения подвергаются расчленению неоднократно, и в этом случае возникают парцеллированные комплексы, которые могут быть представлены:

а) однородными ПЕ, например:

Would you believe that sometimes I dream that money's like the yeast bread we learned to make in the convent, growing big and fat and swelling all out of the pans and bowls? Like it was alive, growing and creeping and walking. Like it was taking over the earth (Ann Grau. The Condor Passes, 366).

Ганс вооружился плоскогубцами и пинцетом, расстелил на столе газету, поставил плитку и принялся в ней ковыряться. Деловито. Спокойно. С видом доброго хозяина. *Будто он приехал не сегодня. Будто он приехал не с войны. Будто он вообще никогда не уезжал (Рекемчук. Нежный возраст, 31);*

б) неоднородными ПЕ, например:

But there I knew it was ordained. And if I didn't know what was due to my teens and had to learn artfulness & contrivance in my bridal moon when even the plainest mug gives herself the right to put off her brains with her suspenders. What did I know but it went with the service (Cary. The Horse's Mouth, 80).

Вот он, Игорь, и отвечает по старому учебнику о Курской магнитной аномалии. А Наталья Витальевна согласно кивает. *Как будто ни ей, ни ему не известно, что в Курске немцы. Что никакие там ни полезные ископаемые, а самые что ни на есть фашисты (Рекемчук. Нежный возраст, 16).*

Между двумя типами парцеллированных комплексов есть существенное различие с точки зрения их роли в организации текста. Находясь в зависимости от подчиняющей ПЕ, однородные парцеллированные ПЕ фокусируют наше внимание на каком-либо слове или словосочетании ведущей ПЕ, постоянно отсылают нас к базовому предложению, поэтому поступательное движение текста замедляется. Наоборот, парцеллированные комплексы, образуемые неоднородными ПЕ, создают динамику текста, так как каждая предыдущая ПЕ содержит мысль, стимулирующую появление новой ПЕ и наше восприятие все дальше уведется от базового предложения.

В обоих языках встречаются случаи отсутствия в тексте конкретного предложения, которое можно было бы считать опорным предложением парцеллята, например:

For I had eaten so much my wits were like drums and gave off only echoes (Cary. *The Horse's Mouth*, 224).

И вот почему он несколько трепетал, когда замечал сияние в добрых, бледно-голубых глазах Сони, слабую улыбку на полных бледных губах (Трифонов. *Дом на набережной*, 111).

Как видно из приведенных примеров, такие парцелляты или образуют целый абзац или начинают собой новый абзац. Смысл таких высказываний можно понять лишь обратившись к широкому контексту (иногда к контексту всего произведения) и вынесение парцеллята в начало нового абзаца есть графический способ показать их зависимость от широкого контекста.

Полипредикативные парцелляты в русском и английском языках имеют сходную внутреннюю организацию. Если в рабочих целях поместить подчинительный союз в начале парцеллята в скобки и рассматривать начальную ПЕ как независимую от базовой части и ведущую по отношению к остальным ПЕ парцеллята, то можно обнаружить, что парцелляты строятся по следующим моделям полипредикативных предложений:

1) последовательное подчинение:

«And I think he ought to stop living with me», said Tallis». (Though) I'm hanged if I can think where he should go to» (Murdoch. *A Fairly Honourable Defeat*, 158—159).

Если бы меня спросили, что такое старость, я бы сказал: это время, когда времени нет. (Потому что) живем мы, дураки, неправильно, сорим время, тратим его попусту, туда, сюда, на то на се, не соображая, какая это изумительная драгоценность, данная нам неспроста, а для того, чтобы мы выполнили что-то, достигли чего-то, а не так — пробулькать жизнь лягушками на болоте (Трифонов. *Старик*, 146);

2) соподчинение, например:

However, and mysteriously enough, it happened as Summler observed, that one was always and so powerfully, so persuasively, drawn back to human conditions. (So that) these flecks within one's substance would always stipple with their reflections all that a man turns toward, all that flows about him (Bellow. *Mr. Sammler's Planet*, 118).

Но ведь Николай Васильевич честнейший, порядочнейший человек, вот же в чем суть! И напасть на него — значит, напасть как бы на само знамя порядочности. (Потому что)

всем ясно, что Дороднов — одно, а Никвас Ганчук — другое (Трифонов. Дом на набережной, 155);

3) скрещение:

But the truth was that I was a trifle upset. (For) I kept on thinking, I'm getting on for seventy and I haven't got the constitution I had at sixty (Cary. The Horse's Mouth, 215).

Оказывается, любимая моя, не врут люди и книги, когда утверждают, что матерям пишут реже, чем таким нелепым и смешным девчонкам как ты, родная моя. (Поэтому) передай моим родичам, что я жив и здоров, а если захочешь, скажи, что Женька Столетов адски скучает по любимой (Липатов. И это все о нем., 31).

Так как наличие определенной схемы соединения ПЕ признается многими исследователями одним из главных признаков сложного предложения [5], можно сделать вывод о том, что полипредикативные парцелляты в русском и английском языках являются своеобразными коммуникативными единицами на уровне полипредикативного предложения.

Итак, исследование позволяет сделать вывод об универсальности некоторых признаков парцелляции полипредикативных структур, несмотря на типологические различия сравниваемых языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Покусаенко В. К. К вопросу о парцелляции сложных предложений. — В сб.: Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. Р/н-Дону, 1973, с. 152.

[2] Рыбакова Г. Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Р/н-Дону, 1969, с. 4.

[3] Торсунов Б. Т. О структуре парцелляции в современном немецком языке — Труды Самаркандского гос. университета им. А. Навои. Вып. 174. Самарканд, 1970, с. 163.

[4] Иофик Л. Л. и др. Структурный синтаксис английского языка. Л., 1972, с. 122.

[5] Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977, с. 83; Валимова Г. В. Сложное предложение и сочетание предложений. — В сб.: Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Л., 1975, с. 185.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Bellow. Mr. Sammler's Planet... — Bellow S. Mr. Sammler's Planet. N. Y., 1969.

Cary. The Horse's Mouth... — Cary J. The Horse's Mouth. L., 1956.

Ann Grau. The Condor Passes... — Grau Sh. Ann. The Condor Passes. N. Y., 1971.

Murdoch. A Fairly Honourable Defeat... — Murdoch I. A Fairly Honourable Defeat. L., 1970.

Shaw. Love on Dark Street... — Shaw I. Love on Dark Street. N. Y., 1965.

Wilder. The Eighth Day. — Wilder Th. The Eighth Day. Toronto. 1967.

Астафьев. Царь-рыба. — Астафьев В. Царь-рыба. — Роман-газета, 1977, № 5.

Липатов. И это все о нем... — Липатов В. И это все о нем... — Роман-газета, 1979, № 7, 8.

Рекемчук. Нежный возраст. — Рекемчук А. Нежный возраст. — Новый мир, 1979, № 4.

Трифонов. Дом на набережной... — Трифонов Ю. Дом на набережной. Дружба народов, 1976, № 1.

Трифонов. Старик... — Трифонов Ю. Старик. — Дружба народов, 1978, № 3.

Е. П. ЧЕСНОВИЧ (Ленинград)

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЦВЕТА

В статье к «Проблеме общих семантических законов» [1] В. Г. Гак обращает внимание лингвистов на то, что в современном языкознании все больше укрепляется мысль о необходимости выявления законов и определений, свойственных всем языкам; автор справедливо отмечает при этом важность и другой проблемы — изучать, как проявляются эти законы в конкретных языках.

В настоящей статье предлагается анализ некоторых данных, полученных при сопоставительном изучении семантического поля цветообозначений во французском, испанском, итальянском, английском и русском языках. В формировании этого семантического поля в языках разных систем отражаются общие тенденции человеческого мышления: в него входят лексемы, уточняющие понятие конкретного цвета по его интенсивности или по его оттенкам. Таблица I содержит сравнительные данные, характеризующие основные способы передачи понятия «голубой цвет» в указанных языках, и позволяет легко видеть, что в ряде форм (см., например, клетки 4, 5, 7, 8, 9) уточнение понятия создается в результате аналогичных сравнений с элементами реального мира — *небо*, *море*, *бирюза*, и др.

Анализ морфологической структуры приведенных в таблице I лексем выявляет два общих корня, породивших в сопоставляемых нами языках по-разному оформленные лексемы, но входящие в исследуемое семантическое поле, это арабский корень *lāzaward* и испанский *indigo* (см. соответственно клетки 7 и 10 табл. 1). Кроме того, в клетках 1, 2, 3, 5 для французского, итальянского и английского языков

мы видим также общий корень, заимствованный, по мнению лингвистов [2], из кельтского *blavos* и франкского *blao*.

Таблица 1

Способы передачи понятия «голубой цвет»

Номер клеток	Франц.	Испан.	Итал.	Англ.	Русск.
1	bleu	azul	azzurro, blu	blue	голубой
2	bleu moyen		blu	blue	голубой (густой, темный)
3	bleuâtre, bleuté	azulado	azzurri- nolo, azzur- rospento, turchino- spento, az- zurriccio, turchiniccio, bluastro	bluish, bluey	голубова- тый
4	bleu clair, ciel	claro, cielo	azzurrino, azzurrigno, celestà	pale blue, light-blue, sky-blue	светло-го- лубой, не- бесно-голу- бой
5	bleu mari- ne	marino	turchino blu scuro	dark-blue, deep-blue	синий
6	bleu foncé	oscuro	azzurro- cupo, turchi- no		темно- синий
7	bleu d'azur, azur	azur	azzurro chiaro	azure	лазурный, лазоревый
8	turquoise turquin	turquesa	turchese turchina	turquoise	бирюзо- вый
9	bleu bleuet	azulejo	color di fi- ordaliso. ci- ano	cornflower blue	василько- вый
10	indigo	indigo, anil	indaco	indigo, in- digotic	индиго

Сравнение данных таблицы 1, а также таблицы 2, отражающей состав словообразовательных гнезд исследуемых лексем, показывает как черты сходства, так и различий в сравниваемых языках. Общие тенденции в формировании интересующего нас семантического поля прослеживаются в следующем:

а) для передачи интенсивности цвета, каждый из сравниваемых языков использует аналогичные прилагательные — *светлый, небесный, бледный, темный* и т. п.;

б) различные языки обращаются к одним и тем же предметам реального мира, веществам или понятиям, могущим служить эталоном данного цвета или его оттенка (например, *бирюза, лазурь, индиго, море* и пр.);

в) при образовании производных каждый язык использует свои характерные суффиксы, но их смысловая нагрузка соответствует передаче сходных оттенков цвета. Так, русскому суффиксу *-оват*, передающему значение легкого оттенка, соответствуют во французском языке *-âtre, -té*, в испанском *-ado*, в итальянском *-astro*, в английском *-ish* и т. п.;

г) образование гнезда слов в каждом из сравниваемых языков идет по аналогичным линиям, с небольшими вариациями; можно представить себе в центре гнезда исходное прилагательное, от него, с одной стороны, образуется в результате субстантивации имя существительное, с другой стороны — суффиксальные производные (существительные простые или сложные, прилагательные, глаголы), а от глаголов — следующая возможная ступень словопроизводства: образование существительных, обозначающих действие (см. данные табл. 2). Однако формирование гнезд происходит не от одних и тех же корней в различных языках. Так, в итальянском языке существительное *turchinettare* (клетка 6 табл. 2), обозначающее процесс действия, образовано от *turchina, turchese* (бирюза), а в других языках оно возникло как производное от основного корня прилагательного *синий* — *bleu, blue, azul*.

Другой пример: большинство производных во французском и английском языках сформировалось вокруг кельтского *blauos* (или франкского *blao*), причем этот корень фигурирует не только в образовании суффиксальных производных *bleuté, bleuâtre, bleuet, bleuir; bluish, bluey, etc.*, но и при словосложении: *blue-bottle, blue-bell*. В испанском языке мы видим две линии: кроме *azul*, есть *-cian-*, который, как и итальянский *cian-*, употребляется в названии цветка. Появление лексемы с этим корнем в испанском и итальянском языках заставило нас искать аналогичные единицы в словообразовательных гнездах других сравниваемых языков. Оказалось, что греческий корень *kuanos* (*голубой*) породил лексические единицы для наименования соответствующего цветового признака во всех пяти языках, т. е. русскому *цианоз* (синюха) соответствуют: франц. *cyanose*, испанск. *cianosi*, итальянск. *cianosi*, англ. *cyanosis*. Немаловажно отметить при этом сходную семантическую нагрузку всех этих лексем, означающих «синюшный цвет кожных покровов или слизистых оболочек, который возникает вследствие расстройства кровообращения» и относящихся к области меди-

Словообразовательные гнезда лексем

Номер клеток	Франц.	Испан.	Итал.	Англ.	Русск.
1	bleu, adj	azul	azzurro, blu	blue	голубой
2	bleu, m	azul	azzurro, azzurrita turchinetto livido	blue, bluish	синька (вещь), синяк
3	bleuâtre, bleuté	azulado, azulejo	azzurino, azzurigno, azzurignolo, turchiniccio, turchinispento, bluastro	bluish, bluey	голубова- тый, сине- ватый
4	bleuet, m	aciano me- nor	ciano, fiordaliso	blue-bottle, blue-bell	василек (-синюха)
5	bleuir (v. tr., v. intr.)	azular (v. tr.), azullear (v. intr.)	azzurrare (v. tr.), az- zurreggiare (v. intr.)	to blue (v. tr., v. intr.)	синить, синеть, го- лубеть
6	bleuisse- ment, bleuis- sage	azulamiento, azulado	turchinet- tare	blueing, blueness	синька (действие)

цины. Еще один вариант ряда лексем того же корня и имеющих во всех сравниваемых нами языках мы видим в другой также узкоспециальной сфере употребления — в области химии; сравним, например, русск. *циан*, франц. *суаногène*, испанск. *cianogeno*, итальянск. *cianogeno*, англ. *suap*. Указанные наблюдения подводят нас к предположению о том, что первоначальные сферы распространения (медицина и химия) этих лексических единиц, образованных от греческого корня *kuanos*, были одинаковыми на территории многих стран. В ходе дальнейшей адаптации в различных языках эти лексемы сформировали самостоятельные словообразовательные гнезда, сравним, например:

русский язык — *циан*, *цианоз*, *цианотичный*, *циановый*, *цианистый*, *цианирование*;

французский язык — *суаногène*, *суанамиде*, *суануре*, *суанугация*, *суанорфуссес*;

испанский язык — *cianogeno*, *cianico*, *cianotico*, *cianure*, *cianugacion*;

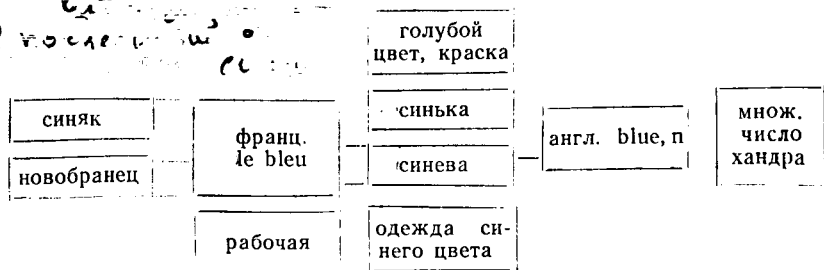
итальянский язык — cianogeno, cianico, cianotico, cianuro; английский язык — cyan, cyanic, cyanide, cyanogen, cyanation, cyanidation, cyaniding.

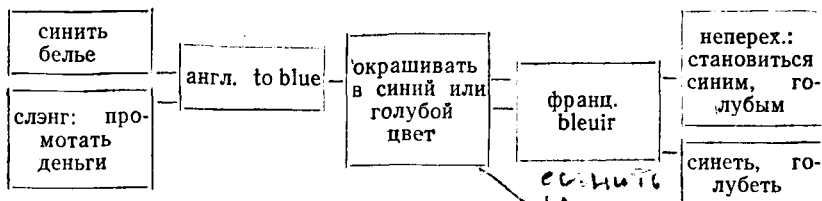
Эти гнезда (каждое из них еще может быть развернуто далее) по морфологическим и семантическим признакам в общих чертах совпадают, кроме французского существительного cyanophycées (название морских водорослей синезеленого цвета; ср. в русском языке *циановые водоросли*), которое утратило семантическую связь со сферой употребления корневой семы и не имеет прямого отношения ни к медицине, ни к химии, но содержит признак, присутствующий в испанском и итальянском названии цветка *асиано*, *сиано*.

В словообразовательных гнездах, приведенных в таблице 2, есть многозначные производные. Частные и общие особенности их семантической структуры весьма разнообразны; их можно здесь иллюстрировать сравнительным анализом нескольких субстантивированных прилагательных и глаголов (ограничимся для краткости данными французского и английского языков), результаты которого отражены в схемах 1, 2, 3. Из этих схем можно видеть, что и французское, и английское прилагательные (*bleu*, *blue*) легко поддаются субстантивации и служат для наименования различных предметов и понятий, т. е. активно участвуют в процессе вторичных номинаций [3]. Что касается глаголов, то они, как мы видим, совпадают в главном значении (*синить*, *окрашивать в синий цвет*), но различаются в других: французский глагол *bleuir* отличается грамматическим управлением, он может быть непереходным; английский глагол *to blue* характеризуется возможностью употребления в разговорном стиле речи (есть словарная помета «слэнг») с самостоятельной семантической нагрузкой.

Таким образом, система рассмотренных значений в различных языках, при наличии некоторых общих элементов, в то же время характеризуется неодинаковой степенью развернутости и полноты, неадекватным участием в образова-

Схема 1

франц.

русск.

англ.

le bleu de Berlin
le bleu de Prusse
l'oiseau bleu
la peur bleu
le sang bleu
La Barbe Bleue
le bleu d'Auvergne
un/petit/bleu
n'y voir que du bleu
passer au bleu

берлинская лазурь
несбыточная мечта
панический страх
«голубая» кровь
«Синяя борода»
сыр (сорт)
телеграмма (фам.)
ничего не понимать
фам.: «замазать», не
упоминать; прям. знач.:
синить белье;
выглядеть подавлен-
ным; дела плохи
светло-синий
темно-синий
под открытым небом

Berlin blue
Prussian blue
blue rose
blue fear
blue blood
Bluebeard

to look blue things
look blue
Cambridge blue
Oxford blue
under blue blanket

нии устойчивых словосочетаний. Семантическая структура исследованных лексических единиц обнаруживает очень интересные тенденции к специализации значений в зависимости от национальных особенностей каждого данного общества и локальных условий (как, например, англ. Oxford blue, Kembridge blue; или франц. bleu d'Auvergne и др.).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов. — В сб.: Общее и романское языкознание. М., 1972, с. 144.

[2] См.: Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979, с. 145; Matoré G. A propos du vocabulaire des couleurs. — Annales de l'Université de Paris, 1958, N 2.

[3] См.: Бородина М. А., Гак В. Г. Указ. раб., с. 162.

**О СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ТИПА СКАЗУЕМОГО
И ОБЩЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКОГО
И КОММУНИКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(На материале английского и русского языков)**

Объектом исследования данной статьи являются простые двусоставные и частично односоставные предложения с главным членом сказуемым, так как сказуемое составляет основу любого предложения и без сказуемого нет предикации. В понимании предикативности мы присоединяемся к тем ученым, которые определяют ее как сказуемое отношение, в котором подлежащее и сказуемое являются основными компонентами.

Признавая подлежащее и сказуемое основными компонентами предикативного отношения, не все ученые дают одинаковую оценку их роли в структуре предложения. В данном вопросе существуют три точки зрения. Сторонники первой рассматривают подлежащее и сказуемое как равноправные и взаимосвязанные компоненты, что вытекает из самой природы предикативной связи, характеризующейся отсутствием противопоставления «главного» и «зависимого» членов [1]. Сторонники второй точки зрения считают центром предложения подлежащее, которое грамматически и структурно доминирует над сказуемым [2]. И, наконец, в третьей точке зрения, которую мы разделяем, доминирующим в структуре предложения является сказуемое. Именно этой точки зрения придерживаются в настоящее время многие лингвисты как в отечественном, так и в зарубежном языкознании.

Представление структуры предложения как иерархического построения позволяет говорить о наличии у него структурного центра. О том, что именно глаголу—сказуемому принадлежит организующая роль в структуре предложения, говорили еще ученые прошлого столетия. Так, В. Гумбольдт писал, что глагол обозначает бытие предмета. Посредством бытия он связывает предикат с субъектом так, что бытие приписывается самому субъекту и, таким образом, представляемое соединенным только в мышлении, становится состоянием или событием действительности [3].

В современном зарубежном и отечественном языкознании эта точка зрения получила дальнейшее развитие: глагол—сказуемое представляет все предложение во внутренних связях с другими словами в предложении [4]. Более того, сказуемое представляет все предложение и во внешних связях с другими предложениями текста. Через сказуемое осуще-

ствляется зависимость одного предложения от другого (например, согласование времен) [5].

Из всего сказанного, очевидно, следует сделать вывод, что сказуемое, имея первостепенное значение для внутренней организации предложения, играет доминирующую роль и в определении его семантической структуры. Очевидно, здесь можно говорить об определенной соотносимости, взаимообусловленности этих двух категорий (сказуемого и предложения). Будучи организующим центром всех связей в предложении, сказуемое, очевидно, должно служить опорным пунктом для понимания содержания и структуры предложения и определяющим моментом в системе типов предложения.

Каждое предложение существует в многообразных формах (типах, моделях). Как показывают многочисленные исследования, в частности исследования Дж. Гринберга [6], английский и русский языки по структуре своих предложений относятся к одной и той же группе с основным порядком слов S+P+O, где S — подлежащее, P — сказуемое, O — дополнение. Фактический материал говорит о том, что типология предложений в этих языках не всегда идентична, но тем не менее в них много общего. Наиболее распространены как в английском, так и в русском языках — двусоставные предложения. В зависимости от формы выражения сказуемого, двусоставные предложения делятся на два типа: глагольные и именные. Сказуемое двусоставных глагольных предложений выражено глаголом в личной форме, которая является наиболее типичной формой сказуемого. Например:

Paddington thought for a moment and then raised his hat (M. Bond).

Пэддингтон *подумал* с минуту, затем *приподнял* шляпу.

В отличие от глагольных предложений, в которых сказуемое может быть выражено неограниченным числом глаголов, сказуемое предложений именного типа может быть выражено довольно ограниченным числом глаголов-связок. Из них наибольшее значение в формировании предложений и по своей распространенности в речи получил глагол *to be* — *быть*, как имеющий очень обобщенное значение [7].

Сказуемое именных предложений состоит из двух частей — глагола-связки и именной части (предикатива), которая может быть выражена любой знаменательной частью речи или же словосочетанием. Например:

Bruce's voice was distant and sad (W. Woolfolk).

Голос Бруса *был* далеким и печальным.

...You are the fellow from the Post-Advertiser... (Ibid.).

Это был человек лет пятидесяти, высокий, плотный, с черными волосами.

Что касается односоставных предложений, то они занимают различное место в типологии предложения в английском и русском языках. В русском языке число односоставных предложений намного превышает их число в английском языке. Такое положение вещей можно объяснить аналитическим строем английского предложения, с присущим ему твердым порядком слов и обязательным наличием подлежащего хотя бы и формального. Например, двусоставным безличным, неопределенно-личным, обобщенно-личным и др. предложениям в английском языке соответствуют односоставные русские предложения.

It is raining.	Идет дождь.
It's getting warmer.	Теплеет.
It's difficult to. . .	Трудно. . .
It's important to. . .	Важно. . .

One is always pleased to meet old friends.

Всегда приятно встретить старых друзей.

We must clean our teeth every morning and evening.

Нужно чистить зубы утром и вечером (каждое утро и вечер).

В зависимости от структуры главного члена предложения, односоставные предложения в русском языке подразделяются также на два типа: глагольный (главный член предложения выражен глаголом) и именной (главный член предложения выражен именем существительным в именительном падеже). Поскольку целью данной статьи является выявление взаимообусловленности типа сказуемого и общего типологического значения предложения, анализу подвергались лишь глагольные односоставные русские предложения.

Каждое предложение принадлежит к определенному логико-грамматическому, или коммуникативному типу и имеет определенное типологическое значение. Что же лежит в основе такого типологического значения предложения? Что определяет его типологию?

Одной из современных концепций типологии предложения является «аспектный» подход, разработанный В. Г. Адмони для немецкого языка. В основе этого подхода лежат различные «формальные, содержательные, функциональные, композиционные стороны (аспекты) предложения, которые дают несводимые друг к другу типологические ряды предложений, которые обнаруживаются в языковой действительности [8]». Основным «базисным» аспектом предложения В. Г. Адмони считает аспект логико-грамматических типов предложений,

«который выявляет структуры исключительно устойчивые. Именно на этот аспект... так или иначе наслаиваются все остальные аспекты... образуя то исключительно сложное переплетение языковых структур, которое и является типологией предложения» [8].

Как в английском, так и в русском языках имеются следующие логико-грамматические типы предложений: личные, безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и предложения экзистенциональные, утверждающие наличие чего-то где-то (в английском языке это предложения со структурой *there + P + S*, где сказуемое предшествует подлежащему).

Личные предложения — наиболее распространенные и конструктивно наиболее четкие типы предложения. И в русском и в английском языках они являются двусоставными с наличием сказуемого и подлежащего, которое обозначает лицо или предмет или какое-нибудь абстрактное понятие.

Например: *The young man went scarlet... This confusion was touching. The cat was waiting for them at the stage door... (S. Maugham).*

Я промолчал и показал Гарту на вечернее небо над Северной бухтой. Желтый огонь керосиновой лампы освещал деревянный стол, изрезанный ножом. Город должен быть так же прекрасен, как прекрасны вековые парки, леса и моря (К. Паустовский).

Безличные предложения в английском языке — двусоставные, с выраженным формальным подлежащим *it*. В русском языке безличные предложения относятся к типу односоставных предложений и они распадаются на несколько подгрупп. Соответствие с английскими безличными предложениями по смыслу находят лишь две из них:

1) это прежде всего так называемые собственно безличные предложения, в которых в роли сказуемого выступают безличные глаголы в форме 3-го лица единственного числа. Эти предложения выражают различные явления и состояния погоды и окружающей среды.

Например: *It often snows there in autumn. It's still raining. It was getting dark.*

Светает! ...Ах как скоро ночь минула. На дворе чуть брезжило. Вечереет. В окно смотрит голубая весна (М. Пришвин). Опять легко вьюжило. Становится сыро. Вернитесь... (А. Чехов);

2) во-вторых, безличные предложения, распространенные инфинитивом или герундием. В русском языке это безличные предложения со сказуемым, выраженным предикативным наречием с инфинитивом.

Например: It is important to see him today. But it behoved her to walk warily (W. S. Maugham). (It is) "Nice to have a young fellow like that around", he said (ibid). It would be lovely to go on the river with him in the morning and in the afternoon sit about the garden with him (Ibid).

Было стыдно рассказывать, что произошло у него с сыном (М. Горький). Хорошо плыть ночью по реке... (М. Горький). Пора бы уж ей (Заречной) быть... В самом деле, уже пора начинать... надо идти звать всех (А. Чехов). Как было сказано выше, двусоставные английские неопределенно-личные предложения соответствуют односоставным русским неопределенно- и обобщенно-личным предложениям. Дело в том, что в английском языке все предложения, в которых подлежащее носит неопределенный или обобщенный характер, объединены в группу неопределенно-личных предложений. А в русском языке эти предложения подразделяются на неопределенно-личные, в которых отношении сказуемого к его источнику, т. е. действующему лицу выражено неопределенно, и обобщенно-личные, в которых это отношение выражено обобщенно [9].

Например: The storm showed no signs of abating. You couldn't keep your eyes open on that gale. They say the concert was a great success. One must look ahead a little (B. Shaw). We should improve the quality of the goods and make them too dear (B. Shaw). One can't do that sort of thing (G. Galsworthy).

На ипподроме несколько раз звонили (А. Куприн). На почтамте письма принимают до 8 часов вечера. Если в обществе любят артистов, то это в порядке вещей. Скоро лошадей подадут. Не поймешь его. Все молчит (А. Чехов). Слово не воробей: вылетит не поймаешь. Без труда не вынешь рыбку из пруда.

И, наконец, предложения с вводящим элементом there в позиции подлежащего. В этих предложениях сказуемое предшествует подлежащему. Соответствующие русские предложения начинаются, как правило, с обстоятельства места с последующим сказуемым и подлежащим.

There are many theatres in Novosibirsk. There peeped a boyish face over the fence. There came a knock at the door.

В Новосибирске много театров. Из-за забора выглянуло мальчишечье лицо. ...В лесу запахло смолой и талым снегом... (Б. Полевой).

Общее типовое значение предложений можно рассматривать с точки зрения их синтаксических компонентов, в частности с точки зрения выражения основной синтаксической

единицы — сказуемого. Вопрос о роли сказуемого в установлении общего типологического значения предложения ставится частично Н. Ю. Шведовой. В основе ее типологической системы (парадигмы) простого повествовательного и вопросительного предложения лежат модально-временные формы сказуемого [10]. В современном языкознании существует тенденция классифицировать предложения, опираясь на сочетательные способности (валентность) глагола [11]. Это говорит о том, что изучение роли сказуемого и его связей в определении типологического значения предложения представляет интерес. Тем более, что, как показал обзор отечественной и зарубежной лингвистической литературы, а также существующих вузовских учебных пособий по английскому языку, до сих пор к сказуемому осуществлялся подход лишь изолированно — с точки зрения его структурных типов, без учета его роли в установлении коммуникативно-грамматического значения предложения [12]. Имеется ряд исследований, посвященных сказуемому, но основное внимание в них уделяется либо классификации типов сказуемого в целом, либо одному какому-то типу сказуемого, либо части сказуемого [13]. В других же работах анализируются отдельные логико-грамматические типы предложений, но основной целью их является исследование структуры данных предложений, их грамматической природы. Сказуемое же в них рассматривается лишь как один из компонентов, составляющих данное предложение, безотносительно к его роли в установлении именно данного общетипологического значения предложения [14]. Но даже самое беглое ознакомление с языковым материалом убеждает, что не все типы сказуемого и не с любым лексическим наполнением употребляются во всех коммуникативно-грамматических типах предложений [15]. Тут, несомненно, имеется определенная соотносимость.

Так, в личных предложениях все типы сказуемого встречаются лишь в повествовательных предложениях, в вопросительных и восклицательных личных предложениях нет двойного (глагольно-именного) и смешанного типа сказуемого (модально-видового или модально-модального), как, например, в предложениях:

The sun rose red. She sat silent, deep in her thoughts. Rosemary was eager to begin to be generous.

Он *хотел продолжать казаться благородным*, но не смог. Мы все *хотели начать работать* как можно раньше.

В неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях нет полного набора сказуемых даже в повествовательных предложениях — здесь в основном употребляются простое глагольное и составное глагольное сказуемые.

On extra special nights one always *sleeps* soundest. You *look* in their faces and *turn to stone*. You've *got to trust* somebody. One *can't do* that sort of thing.

В наши годы сердце *не остудишь*. На ипподроме несколько раз *звонили*. Не *учи плясать*, я и сам скоморох. *Умей* во время *смолчать*, во время сказать. Он как-то вдруг съезжился, как будто *знобить* его начало.

В предложениях с вводящим *there* в английском языке возможность выбора типа сказуемого в основном замыкается в пределах двух типов — простом глагольном и составном глагольном сказуемых. Имеются ограничения и в выборе коммуникативного типа предложения.

Where *there is* a will, *there is* a way. *There can't be* two minds about it. On the bank of the river *there lived* the family of Pages.

Последнее предложение не имеет вопросительного варианта.

Лексическая наполняемость глаголов—сказуемых в вышеупомянутых типах предложений также играет немаловажную роль в определении типового значения предложения. Так, в личных предложениях семантика глагола будет различной уже от того, какое существительное будет его сопровождать и в каком отношении к глаголу оно (существительное) будет находиться. Например, глагол *to cry* будет свободно сочетаться с одушевленным, личным существительным, обозначающим производителя действия: *The woman approaching us was crying*, но не сможет употребляться в сочетании с неодушевленным существительным — **The table was crying*, если, как пишет У. Чейф, мы не сможем «интерпретировать» это неодушевленное существительное как «аномально одушевленное, как этого требует глагол» [16]. В русском языке мы находим полную аналогию вышесказанному: можно сказать «женщина плакала», и нельзя сказать * «стол плакал».

Безличные предложения в английском языке, как и в русском, имеют в своей структуре безличное сказуемое, выраженное глаголом в форме 3-го лица единственного числа, а в прошедшем времени — в форме среднего рода единственного числа (в русском языке): *светает* — *светало*; *морозит* — *морозило*. Действие, обозначенное этой формой глагола, происходит независимо от деятеля. Общее значение безличных предложений определяется значением безличного глагола. Грамматические типы безличных предложений разнообразны, но рассмотрение их не входит в цели данной статьи. Наиболее типичные значения глаголов — это *состояние природы и окружающей среды*:

It snows. It's getting dark. It was late already. It's impossible to act like that, etc.

Вечерело. В доме сгущались сумерки. Было холодно на улице; В саду было тихо, прохладно;

психическое или физическое состояние живого существа:

It pleased her to see him. It is such a comfort to hear you say so, doctor. It seems cruel to rob the animal of his tail.

Ей было плохо. Ее знобило и ломало. Ему трудно было говорить;

долженствование, необходимость и другие модальные от-тенки:

It would be impossible to exaggerate the astonishment of Fransis. It's necessary to go there at once.

Она могла легче судить о том, что ему надлежало сделать [17].

Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в английском языке получают, на наш взгляд, свое общетиповое значение обобщенности не только благодаря наличию в нем особого подлежащего, выражающего какое-то неопределенное, неконкретное лицо, обозначающее всякого человека в данных обстоятельствах, но и в большей мере благодаря глаголу-сказуемому, который в структуре данного типа предложений имеет совершенно определенное в отличие от личных предложений смысловое содержание. Этому в большей степени способствует отсутствие временных границ действия: основная видовременная форма такого глагола — Present Indefinite изъявительного наклонения. Past Indefinite глаголов встречается значительно реже и придает данным предложениям характер меньшей обобщенности.

You can't change him. For a long time you feel reluctant to go out and meet people. You look in their faces and turn to stone. We do nothing but convert good food into bad manure. One sees a good many funny incidents up the river in connection with towing. One lived alongside and knew nothing of them.

В сочетании с модальным глагольным сказуемым в настоящем времени предложения с неопределенно-личным подлежащим опе обладают наибольшей степенью обобщенности и обычно выражают сентенции и рассуждения общего порядка, советы, наказания, поучения, характеризуют поступки и действия людей вообще, безотносительно к какому-нибудь определенному лицу.

One must howl with the wolves; As you brew, so must you drink. Или: One must drink as one brews. You must learn to creep before you leap и т. д.

В русском языке в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях глагол также указывает на значение обобщенности данных типов предложений. В неопределенно-личных предложениях сказуемое выражено глаголом в форме 3-го лица множественного числа настоящего или будущего времени, либо в форме множественного числа прошедшего времени; в обобщенно-личных — в форме 2-го лица единственного или множественного числа. В данных типах предложений основное внимание сосредоточено на факте, событии, действии. Действующее лицо остается неопределенным, необозначенным:

В семье много пели, играли на рояле. Просят соблюдать тишину. Здесь не курят. Тише едешь — дальше будешь. Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Умеешь кататься, умей и саночки возить.

Обобщенно-личные предложения выражают общие суждения, широкие обобщения.

Интересно проследить, как лексическая наполняемость глагола в английских предложениях с вводящим *there* соотносится с его типовым значением экзистенциальности. Дело в том, что в повествовательных предложениях данного типа может употребляться практически любой глагол, помимо глагола *to be*:

Over the edge there *peeped* a boyish face. There *came* a knock at the door. There *lived* an old man and an old woman. There *were discussed* two questions at the meeting. . .

В вопросительных и восклицательных же предложениях данного типа встречается только глагол *to be*.

Все эти соображения определяют направление дальнейшего возможного исследования — проследить закономерность и избирательность в употреблении определенных типов сказуемого и определенных глаголов в различных логико-грамматических и коммуникативных типах предложений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бархударов Л. С. и Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., 1973, с. 291; Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966, с. 245; Адмони В. Г. О предикативности. — Учен. зап. ЛГПИ (факт иностранных языков). Л., 1957, т. 28, вып. 2, с. 28—30; Khamovich B. S., Rogovskaja N. I. A Course in English Grammar. М., 1967, p. 251.

[2] Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956, с. 244; Смирницкий А. И. Синтаксис современного английского языка. М., 1957, с. 137 и др.

[3] Гумбольдт В. Г. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Перевод М. Билорского. СПб., 1859, с. 283.

[4] Fillmore Ch. The Case for Case. — Universals in linguistic Theory. New York, 1968. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975, с. 113—119; Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение. Сб.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 53; Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глагола (Опыт синтаксического описания глаголов современного немецкого языка как системы). Автореф. канд. дисс. М., 1968; Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения. — В сб.: Studies in General and Oriental Linguistic (Presented to Shirō Hattori on the occasion of His Sixtieth Birthday, edited by Roman Jacobson and Shigeo Kawamoto). Tokyo, Japan, 1970, p. 321. Поспелов Н. С. О некоторых синтаксических категориях. — В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1968, с. 299 и др.

[5] Курилович Е. Указ. соч.

[6] Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В сб.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V, с. 114—162.

[7] Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.

[8] Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955; его же. Типология предложения и логико-грамматические типы предложения. — Вопросы языкознания, 1973; № 2; его же. Типология предложения. — В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968, с. 291.

[9] Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1968, с. 55—58.

[10] Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (Опыт типологии) — В сб.: Русский язык (Грамматические исследования). М., 1967.

[11] Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959, p. 102—109. Brinkman H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962; Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. 8-e Aufl. Berlin, 1965; Абрамов Б. А. Указ. соч.

[12] Sweet H. A New English Grammar (Logical and Historical). Oxford, 1940, p. I, 157; Jespersen O. The System of Grammar. London, 1933; Бархударов Л. С. и Штелинг Д. А. Указ. соч.; М. А. Ganshina, N. M. Vasilevskaya. English Grammar. Higher School Public House, 1964; Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевникова О. Н., Прокофьева Е. В., Райнес З. М., Сквирская С. Е., Цырлина Ф. Я. Грамматика английского языка. Л., 1967 и др.

[13] Лебедева А. Я. Типы сказуемого в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953; Алещенко Л. К. Основной тип глагольного сказуемого в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1960; Максимова Е. Д. Предложения с двумя глагольными сказуемыми в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1962; Торчина Л. Я. К вопросу о двойном сказуемом в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1962; Вострикова Л. И. Структура группы связочного глагола в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1970.

[14] Крупенина Н. П. Предложения, возглавляемые лексически десемантизированным there в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1958; Берловская В. Д. Предложения со служебным there в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1967; Денисова В. С. Предложения с начальным it в современном английском языке. М., 1962 и др.

[15] Имеются в виду: повествовательные, вопросительные и восклицательные личные предложения; повествовательные, вопросительные и восклицательные безличные предложения; повествовательные, вопросительные и восклицательные неопределенно-личные предложения и повествовательные, вопросительные, восклицательные предложения с вводящим *there*.

[16] Чейф У. Указ. соч., с. 115.

[17] Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978, с. 175.

СОДЕРЖАНИЕ

Анохина С. П. (Ленинград) Неопределенно-личные предложения с подлежащим-местоимением <i>пап</i> в современном немецком языке и соответствующие им неопределенно-личные предложения современного русского языка	3
Беляева Л. Н., Перцова Г. М., Турыгина Л. А. (Ленинград) К вопросу о семантико-синтаксической структуре многоэлементных комплексов (На материале английских, немецких и русских научно-технических текстов)	12
Гжаниянц Э. М., Гурочкина А. Г. (Ленинград) Парцелированные обстоятельства в современном английском и русском языках	21
Гжаниянц Э. М., Гурочкина А. Г. (Ленинград) Присубстантивно-определятельные предложения в современном английском и русском языке	28
Гильченко Н. Л. (Ленинград). К вопросу о сопоставительном изучении словообразований (На материале русского и немецкого языков)	35
Дмитриева В. Т. (Ленинград). Сравнительный анализ структуры второй (реагирующей) реплики диалогического единства в русском и немецком диалоге	39
Зыкова М. А. (Ленинград). О некоторых явлениях интерференции в произнесении немецких гласных и согласных носителями русского языка	46
Кобринна Н. А. (Ленинград). О типологических чертах современного английского языка в сравнении с русским	50
Комиссарова Л. В. (Иркутск). Немецкие составные термины и их эквиваленты в русском языке (Опыт статистического анализа)	64
Кораблева Л. Г. (Ленинград). Бытийные односоставные предложения в немецком и русском языках	72
Михайлова З. Ф. (Новгород). Некоторые языковые средства выражения целевого значения в немецком и русском языках	79
Парамонова И. П. (Ленинград). Сравнительная типология атрибутивных придаточных предложений в немецком и русском языках (На материале разговорной речи)	83
Иванова И. А. (Тамбов). О наличии признака комитативности в неличных формах глагола (На материале английского и русского языков)	93
Соколова Г. Г. (Ленинград). Лексико-семантическая сочетаемость прилагательных во французском языке (В сравнении с русским)	98
Филимонова О. Е. (Ленинград) Опыт типологического сопоставления синтаксемы степени в английском и русском предложениях	107
Филонова Н. К. (Ниžний Тагил). Парцелляция полипредикативных структур (На материале современного английского и русского языков)	112
Чеснович Е. П. (Ленинград). Сравнительно-типологический анализ лексико-семантического поля цвета	119
Некрасова М. А. (Псков). О соотносительности типа сказуемого и общего типологического и коммуникативного значения предложения (На материале английского и русского языков)	125